

Поэзия Торного Алтая

Антология

Горно-Алтайск
2020

Поэзия Горного Алтая

Антология

Горно-Алтайск – 2020

ББК 84/2 Рос-Рус/6

П 67

*На обложке: картина Сергея Дыкова
«Заклинание звезды Таянар»*

П 67 Поэзия Горного Алтая. Антология.

Бийск. – РОАК ООП «Общероссийское литературное сообщество», – 2020. – с. 304 с илл.

Книга представляет собой антологию поэзии Республики Алтай, начиная от первой половины XX века до наших дней, изданную на русском языке. Её составители объединили под одной обложкой стихи поэтов различных национальностей и литературных направлений, которые вошли или входят в историю алтайской поэзии.

Различные премии, а также членство поэтов в многочисленных на сегодня творческих организациях намеренно не указываются. Составители Антологии предоставляют право читателю самостоятельно сформировать своё мнение о том или ином поэте.

Антология уделяет особое внимание авторскому художественному мастерству и не претендует на полноту академического издания.

Надеемся, что читатели, имеющие интерес к подлинной литературе, с удовольствием прочтут произведения алтайских поэтов, сумевших сохранить, несмотря на все трудности нашего времени, высокую планку поэтического мастерства.

ISBN 978-5-9908164-0-4

12+

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

© И. Муханов, А. Цами, составители

© С. Дыков, обложка, иллюстрации

ПРЕДИСЛОВИЕ

Алтай довольно часто называют утвердительно-ми именами – Северной Шамбалой и Беловодьем (бурлящая, стекающая с гор вода – белая). И окрашивают этот регион нашей страны в самые неожиданные краски. Поэтому, если встретите на Алтае мечты и фантазии, похожие на радугу после дождя, не удивляйтесь. Так и должно быть в свете старинных легенд, придающих Алтаю сказочные очертания!

Алтайский народ, живущий веками в единстве с природой, ладен и красив. И русские люди, приезжающие в этот регион на постоянное место жительства, подтягиваются сами собой, как струны топшура – алтайского народного инструмента. И начинают звучать, удивляясь тому, что с их душой происходит.

Одна из самых древнейших форм, через которую проявляет себя душа человека, – поэзия. Именно она дарит человеку открытость и дружелюбие, чем с древних времён славится Алтай. Говоря другими словами, поэзия открывает тот самый ларец, в котором хранятся космические струны алтайского народа.

Многие люди, приезжающие на Алтай, называют его золотым краем. Не в смысле названия («Алтай» переводится, как «золотая гора») или золота, добываемого на территории Алтая, а в смысле количества солнечных дней в году. А их выпадает около трёхсот! А ещё называют Алтай краем искусства.

Стоит пройти по Горно-Алтайску, столице Республики Алтай, и дух захватит от удивления. Многие центральные улицы города названы именами художников и поэтов. Улица Григория Чорос-Гуркина, Николая Улагашева,

Павла Кучияка, Лазаря Коқышева, Аржана Адарова, Бориса Укачина, Эркемена Палкина... Куда ведут эти улицы, прямые, как солнечные лучи? Ответ напрашивается сам собой. В сакральную глубину культуры алтайского народа, к его аргмакам, аилам и песням, звучащим с отрогов Алтайских гор. Горно-Алтайск – это древнегреческие Афины, если угодно, перенесённые в Азию. То самое место, где горы подпирают небосвод, превращая природу Алтая в священный храм, где служба ведётся стихами и песнями.

В этой книге предпринята попытка собрать воедино поэзию алтайского народа и русского. Всех тех, кто жил и живёт в настоящее время на Алтае. Антология поэзии Горного Алтая выходит на русском языке, понятном всем народам, населяющим Россию.

В конце этой книги помещены стихи русских классиков – Константина Бальмонта, Игоря Северянина, Леонида Мартынова, Павла Васильева, Николая Рубцова и других поэтов, посвящённые Алтаю. Все они поклонились рифмами его горам, кедровым рощам, родникам, лазурной Катунь и его народу, связанному крепкими узами с кезерами – каменными бабами, а ещё – с небом, промытым чистыми ветрами.

*Игорь Муханов и Алёна Цами,
составители антологии
«Поэзия Горного Алтая»*

ИВАН ЕРОШИН

Русский советский поэт и журналист, Иван Евдокимович Ерошин (1894 – 1965) родился в селе Ново-Александрово Рязанской губернии, в семье малоземельного крестьянина. В 1909 году, после смерти отца, ушёл на торфяные разработки.

В 1912 г. вступил в революционный кружок, стал корреспондентом и распространителем газеты «Правда», в которой в 1913 г. опубликовал своё первое стихотворение.

Во время Гражданской войны в Сибири работал в политотделе 5-й армии, сотрудничал с армейской газетой «Красный стрелок». После окончания войны остался в Сибири.

На творчество Ивана Ерошина заметно повлиял Сергей Есенин, с которым поэт был знаком. Основопологающим для поэзии И. Ерошина стало знакомство с природой Горного Алтая, с жизнью, бытом и устной поэзией ойротского народа. Сборник «Песни Алтая» (1935), опирающийся на ойротский фольклор, вызвал восторженный отклик Романа Роллана.

Автор сборников стихов: «Переключ» (1922), «Синяя юрта» (1929), «Песни Алтая» (1935), «Утренний привет» (1956), «Горное озеро» (1966).

Дети

Серебряной саблей сверкнул мороз,
Лес в резвом огне стеклянных стрекоз.
На лицах детей румянец зацвёл,
Ресницы и брови пушистее пчёл.
Глаза у зверьков золотятся огнём,
И песня моя между ними зверьком
Играет, смеётся, легка, весела,
Как дети, румянцем она зацвела.

Полотенце

Ранним утром я открыл корзину, —
Синий, синий вспомнился Алтай,
Под росой светлые долины,
Струны пчёл в траве и на цветах.
Полотенце чисто, белоснежно,
Как висячий быстрый водопад.
От цветов легко оно и нежно,
Словно тихий, свежий майский сад.
Я не ждал, что пёстрою травой
Переложит милая бельё.
Ты прости мне, солнце золотое,
Что любовь зову твоей сestroю
И сиянье вижу в ней твоё.

* * *

Если спросит приезжий меня:
— На Алтае какая гора
Выше всех и прекрасней всех?
Я охотно отвечу ему:
— Друг, с горою высокой той
Дня встречается лик золотой.

Та гора – голубой июнь,
В той горе родилась Катунь.

Летний вечер

На долины сходит мгла густая,
В травах искры-светляки,
И цветов порхающая стая
Свёртывает лепестки.
В сумрак влажный погрузились горы.
Свежесть. Запах. Тишина...
Надо мною синих звёзд узоры
И ночная глубина.

Ливень

Солнца жаркие уста
Выпили росу на травах.
Над горами поднялись
Облака – густые кедры.
Тихо. Знойно острый блеск
Брызнул, опоясал сумрак.
Треск и грохот по горам,
Розовый, жемчужный ливень
Землю свежестью наполнил.
И долина на меня
Детскими глядит глазами.
Ветер. Облака бегут.
Солнце. Крик в траве зелёной.
И опять роса блестит,
По ветвям разлилось пенье.
Я подумал и сказал:
– На земле и в синем небе
Нет ни смерти, ни рожденья.

Аргутский ветер

Глаз моих искали все джигиты...
Взгляд один – они покорны были
И склонялись, как рога оленя,
На бегу под выстрелом смертельным.
Много раз джигиты говорили,
Что глаза мои – осенний ветер,
Резкий ветер, северный, с Аргута.
А теперь – глаза кострами стали,
Пламя их один не замечает,
Сердце бы ему за это вырвать!
И никак он их не называет,
Ни аргутским ветром, ни кострами.

В гостях у топшуриста

Ловят дальнее эхо уши,
Стройных елей взволнованный шум.
Я пришёл, чтобы здесь послушать
Лунным вечером твой топшур.

Только ты, по струне кочуя,
В этой хвойной лесной глуши
Спой мне так, чтобы я почувал
Боль и радость твоей души.
Чтобы песнь твоя вырастала,
Как трава под весенним дождём,
Чтоб навеки она осталась
Ароматом в сердце твоём.

* Топшур – алтайский музыкальный инструмент.

ЯНГА ТОДОШ-БЕДЮРОВ

Алтайский поэт Янга Тодош-Бедюров (1907 – 1961) родился в селе Курунда Усть-Коксинского района. В 19 лет был назначен на должность заместителя председателя исполкома Уймонской волости. После окончания Ойротской советской партийной школы был направлен в ряды рабоче-крестьянской Красной Армии.

Стихи начал писать в 1920-е годы и относился к поколению молодых алтайских поэтов, рождённых революцией. Был дружен с классиком алтайской литературы П.В. Кучияком.

Великую Отечественную войну прошёл от начала до конца. Вёл фронтовые дневники, куда вперемешку со стихами и песнями фронтовых поэтов записывал свои стихи.

Является отцом алтайского поэта и востоковеда-тюрколога Б.Я. Бедюрова.

* * *

Погибну... Пусть,
Я честно жил на свете,
Народной песни
Будущий герой!

Исчезну я,
Но не забудут дети
Моё лицо,
Сравнив меня с зарёй.

Слово при отъезде

Завтра рано на рассвете
В долгий путь я отправляюсь,
В тяжкий бой я отправляюсь,
С милой родиной прощаюсь,
До свидания, Алтай!
Матери мои – старушки,
Зятя, сёстры-хохотушки,
Проводите до опушки.
С миром будь, мой отчий край!

Старики – отцы родные,
Вы, подруги дорогие,
Братья старшие, меньшие,
Будьте с миром!
На рассвете
Покидаю я Алтай.
В бой священный я вступаю,

Вас же с миром оставляю.
Из аилов выбегая,
Пожелайте мне вернуться
Невредимым на Алтай.
И благому слову внемля,
Я вернусь к вам непременно,
Я вернусь назад с победой
В лунно-солнечный Алтай!

* * *

Небо тучи закрыли,
И не видно просвета,
Все народы воюют,
Есть ли мирные где-то?

Небо хмарь затянула,
Не видать голубое.
Среди битвы народов
Есть ли кто-то в покое?

Проклятие фашисту

Белый снег на чёрную вершину
Упадёт – воочию увижу!
Грозный рок захватчиков настигнет,
Час придёт – и это я увижу!
Злой огонь на голую вершину
Снизойдёт – воочию увижу!
Воздаянье Гитлера постигнет
И народ его – я это сам увижу!
Как стожар на чёрную вершину
Упадёт – воочию увижу!
Как фашиста пуля остановит
И прикончит – вот что я увижу!
Тучи чёрные на белую вершину
Снизойдут – воочию увижу!
Петли крепкие на головы буржуев
Мы накинём – это я увижу!

1943 г.

Перевод с алтайского – Е. Королёвой

ЛЮДМИЛА БРИЖАНИНА

Поэт, педагог, Людмила Васильевна Брижанина (Ангарская) родилась в 1930 году в Иркутске. На Алтай попала в раннем детстве. После окончания средней школы работала учителем начальных классов в селе Макарьевский рудник.

Окончила Учительский институт в Горно-Алтайске и Новосибирский педагогический институт. Около 40 лет работала учителем русского языка и литературы в Айской средней школе.

Стихи пишет с детства. Публиковалась в республиканской газете «Звезда Алтая», в районной газете «За изобилие».

Автор книг стихов и прозы: «Алтай синеокий» (2008), «Алтай – мой край» (2010), «Рабфак и рабфаковцы» (2011), «Пойдёмте на берег Катуня» (2013).

Айское озеро

Как жемчужина в горной чашине,
Ты чаруешь своей красотой!
Отдыхают здесь наши, не наши ли –
Всем ты даришь душевный покой.

Ты в оправе деревьев, кустарников –
Изумруд-ожерелье твоё.
А само ты, как будто расплавлено
Серебро – и рябит, и поёт.

В летний полдень, светило в зените –
Сотни солнц совершают полёт...
А направо, на скалы взгляните:
Про заветное ветер поёт!

Алтай синеокий

Алтай синеокий – поля, перелески,
Здесь горы высоки, а зори как всплески...
Катуни волна под лучом серебрится.
Над кручей летит быстрокрылая птица.

Берёзы сквозные стоят в хороводах,
Плакучие ивушки смотрятся в водах.
С ромашками звёзды ведут разговоры –
В небесной лазури купаются горы.

Под осень калины манят, полыхают,
Осины последним огнём догорают.
Далёкие горы зовут и тревожат...
Здесь каждый мечтатель – иначе не может.

Простые здесь люди, с открытой душою –
Глаза их с лазурью, сердца с добротой.
Частица России, Алтай синеокий,
До боли мне дорог простор твой широкий!

Глубокая осень

Догорело лето по горам и долам –
Осень дарит краски дорогим просторам:
Золото – берёзам, изумруд – отавам,
Цвет зари – осинам, пестроту – всем травам.

Зелень потемнее – в ельнике колючем,
Хмурая свинцовость – в набежавших тучах...
А простор раздвинут – даль так необъятна...
Осень взор врачует и душе приятна!

Лепестковый дождь

Весна в разгаре – полыхают
Сады и склоны ближних гор,
И белым пламенем сжигают
Нам души и ласкают взор.

Всё молодо, красиво, нежно,
Пьянит весенний аромат.
И жизнь нам кажется безбрежной,
И верится, что нет утрат.

Но налетает шалый ветер –
И льётся лепестковый дождь.
А день прозрачен, солнце светит...
Восторг любви кидает в дрожь.

Снег лепестковый устилает
Дорожки, клумбы и траву,
И гамму красок дополняет.
«Любуйтесь! Радуйтесь!» – зову.

Не так ли юность улетает?
И в мир распахнута душа,
Лишь след печали оставляет...
О, как же юность хороша!

Побеждает тот, кто...

Годы, годы... Суровые годы!
Пронеслись, затерялись вдали...
Ну, а судьбы людей – пароходы...
Вдаль плывут и плывут корабли:
Их волною крутой поднимает,
То бросает их в бездну опять...
Тот в неравной борьбе побеждает,
Кто умеет себя побеждать.

АРЖАН АДАРОВ

Алтайский поэт, прозаик, драматург и переводчик, Владимир Ойинчинович Адаров (1932 – 2005) родился в долине Каярлык в семье чабана.

Стихи писал с детства. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Народный писатель Республики Алтай.

Работал председателем телерадиокомпании «Горный Алтай», корреспондентом областной газеты «Алтайдын чолмоны», директором Горно-Алтайского отделения Алтайского книжного издательства, председателем Союза писателей Республики Алтай, секретарём Горно-Алтайского горкома КПСС.

Переводил на родной язык произведения А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, Я. Купалы, Ч. Айтматова, Д. Фурманова, М. Джалиля, Г. Маркова.

Пьесы А. Адарова, поставленные в Национальном театре драмы: «Станный человек» (1981), «Женитьба Абайыма» (1986), «Испытание века» (1989), «Письмо, посланное из каганата» (2000).

Автор более двадцати пяти поэтических сборников, поэм, рассказов, повестей и четырёх романов. Его произведения включены в учебники средних учебных заведений Республики. Стихи А. Адарова переведены на многие языки народов России. Он является автором текста гимна Республики Алтай.

Автор сборников стихов: «Счастливая жизнь» (1950), «Урсул» (1956), «Песни сердца» (1958), «Страна, близкая к солнцу» (1963) и других.

Я – алтаец

Я – алтаец,
Я – долина,
все ветры хлестали меня,
Я – тайга,
все снега засыпали меня.
Я – конец и начало земли,
Из груди моей песни взошли.
Я – алтаец, народ,
Я – хозяин долин и хребтов,
В моём сердце рубцы
От нескитанных стрел и клинков.
Я похож на дорогу,
По которой столетья шагали.
Я – алтаец,
Где кости того, кто меня убивал!
Где богатство того,
Кто веками мой хлеб отбирал?
Я горбат,
Я сутул –
Сто веков на захватчика спину я гнул.
Камни в пыль перетёр я ногами
На дороге, где счастье искал.
Дым костров кочевых
Мне столетья глаза выедал.
Я укрылся в горах –
Я ушёл,
я погиб,
я исчез.
Я – алтаец,
Я – жив.
Я из мёртвых
свободным
воскрес.

Я до капли из вен
выжму старую рабскую кровь.
Человек меж людей,
Жизнь свою начинаю я вновь,
Я – алтайский народ!

* * *

Юный ветер нараспашку
Синим ливнем хлещет.
И подол твоей рубашки
Как крыло трепещет.

Сердце из груди как птица
К небу так и взмыло б!
И не веришь, что родится
Человек бескрылым.

Ветер, молодость, бессмертье!
Бесконечно время.
Бесконечно солнце светит.
Бесконечна темень.

Первая страница книги –
Поле, горы, воды.
Только миги, миги, миги,
А не годы, годы.

И ты мыслями не занят,
Что мгновенья минут.
И цветком ты видишь камень
Тот, что в спину кинут...

Строки на листьях

Всё идут, всё идут золотые дожди листопада,
Жёсткий лист, пролетая, меня задевает ребром,
И тропинка, где шли мы, весне зеленеющей рада,
Ныне скрыта под жёлтым и толстым осенним ковром.

Отлетающих птиц раздаются прощальные крики,
И осенние листья шуршат под ногами, сухи,
Как листы золотой, ненароком разрозненной книги,
На которых написаны лучшие в мире стихи.

Кто писал их? Наверное, ливни, рассветы, закаты,
Быстролётные ветры и звёздный мерцающий свет.
И слова о любви, что звучали вот здесь же когда-то,
Как на тонких пластинках, свой тоже оставили след.

Я иду в тишине одиноко по белому свету,
Листья кружатся медленно, просят в руки: лови!
Кто прочтёт, расшифрует прекрасную тайнопись эту?
Кто звучанье вернёт отзвучавшим словам о любви?

Ты шептала мне их поздним вечером в этой аллее,
И, как листья сегодня, звучали они в тишине.
Я здесь нынче один. Я о прошлом, ушедшем, жалею,
О небывшем, несбывшемся – горько жалею вдвойне.

Встали горы вдали в серебре, в одеянии чудном,
Там – метели, зима. Скоро явится, значит, и к нам.
Навсегда, навсегда затерялась ты в городе людном,
Никогда, никогда не вернуться былым временам.

Я иду по аллее, а листья на землю ложатся,
Различаю на них очертания строчек и строф,
Как неясные знаки исчезнувших цивилизаций
Или, может быть, как позывные далёких миров.

Отлетающих птиц раздаются прощальные крики,
К благодатному югу осенние птицы спешат,
И листы золотой, ненароком разрозненной книги
Под ногами шуршат. Под ногами шуршат и шуршат...

Поэзия

Овечьей шерсти запах кисловатый,
Улыбкой – месяц в зеркале ручья,
Труды и дни, рассветы и закаты –
Всё это ты, поэзия моя!
Ты – горы заповедного Алтая,
Ты – песнь чабанки, матери моей,
Ты – всё, к чему душою припадая,
Я становлюсь сильнее и мудрей.
Ты – всё. Ты – жизнь, то добрая, то злая.
Сибирь. Москва. Пути в межзвёздной мгле.
Ты в час предгрозя – первая, сквозная,
Медлительная капля на стекле...

*Переводы с алтайского:
А. Смольникова, Е. Храм, И. Фонякова*

ЛАЗАРЬ КОҚЫШЕВ

Алтайский поэт и прозаик, Лазарь Васильевич Кокышев (1933 – 1975) родился в селе Кумжулу Шебалинского района. Писать стихи начал со школьных лет.

Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Работал редактором Горно-Алтайского книжного издательства, ответственным секретарём и консультантом Горно-Алтайского отделения Союза писателей РСФСР, корреспондентом областного радио. Избирался депутатом краевого Совета народных депутатов.

Переводил на алтайский язык стихи А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Некрасова, Р. Бернса и других поэтов.

Автор первого романа, написанного на алтайском языке – «Арина» (1959), переведённого на русский, тувинский и казахский языки.

Автор одиннадцати поэтических сборников: «Стихи» (1958), «Красный цветок» (1961), «Трубачи» (1966), «Раздумья» (1967), «Земли отцов» (1972), «Мечта» (1975) «Я вас любил» (1983), «Улыбка поэта» (1993) и других.

На озере Ая

В тихом озере Ая купается ночью луна.
Накупавшись, нагая, волосы сушит она.
И берёзы её обступают, белы и чисты,
Чтоб никто невзначай не увидел её наготы.

Чьи-то лёгкие вздохи мерещатся в гуще ветвей.
Тихо звёзды играют в росе на ладони моей.

Ноги сами бредут, и сомненье рождается во мне:
Наяву я сейчас – или всё происходит во сне?

Я на спящую птицу наткнулся в высокой траве,
Я смотрю, как линяет звезда надо мной в синеве.
И стучит моё сердце, встречая несчётный рассвет,
И не верит опять, что на свете бессмертия нет!

Первой травке у моего крыльца

Я знал, что ты взойдёшь над грязью чёрной,
Пробьёшься и порадуешь сердца,
Как символ жизни, нежной и упорной,
Мой гость желанный, травка у крыльца.
Была зима жестока и сурова,
Кипела вьюга, в белый рог трубя...
Но верил я, и ты пришла, и снова
Я, человек, приветствую тебя!

Гляжу на стебельки твои живые,
Как на цветы прекрасные глядим.
Ты – молода. Но думаю впервые:
А вправе ль я считаться молодым?
Да, милая! Видать, необратимо
В живой душе моей, в моей судьбе
Сместилось что-то, если в эту зиму,
Как никогда, грустил я о тебе.

И просятся из сердца, грешным делом,
Совсем сентиментальные слова
О том, что как-никак, на свете белом
Я тридцать лет топчу тебя, трава,
О том, что я – не тот уже, не прежний,
Что я подружек ветреных забыл,
Но этот мир и жизни трепет вешний
Люблю, как, может, раньше не любил...

Тебя повсюду скоро станет много,
Вновь по тебе пройдут мои пути,
И ты великодушно, ради бога,
Меня, трава, заранее прости.
Но этот первый островок зелёный –
Как праздник мне! Мгновенье торопя,
Расти, родная! Сильный, умилённый,
Я, человек, приветствую тебя!

Весенняя ночь

Соседка одинокая в избушке
Всю ночь рыдает, полная тоски.
Клянётся парень ласковой подружке:
«Люблю тебя до гробовой доски!»

Течёт луна по голубым отрогам,
И знает мир, томящийся без сна,
Что в гости к нам идёт по всем дорогам
Огромная и нежная весна.

Но нет конца соседкиным страданиям.
Оставил муж, «прощай, – сказал, – навек».
А я, помочь не в силах, с мирозданием
Беседую в ночи, как Улугбек.

Мне звёзды выдают свои секреты,
Мне сообщает голос ветровой,
Что дерево могучее вот это
Назавтра всё оденется листвою.

И шепчут молодые травы луга,
Шумят с упрёком тёмные кусты:
«Зачем вы, люди, мучите друг друга,
Когда на свете столько красоты!»

Перевод с алтайского – И. Фонякова

ЭРКЕМЕН ПАЛКИН

Алтайский поэт, прозаик, публицист, переводчик, Эркемен Матынович Палкин (1934 – 1991) родился в селе Ело Онгудайского района. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького в Москве.

Работал редактором областного радиокомитета, заместителем редактора газеты «Алтайдын чолмоны», директором Горно-Алтайского отделения Алтайского книжного издательства. Около 20 лет возглавлял Горно-Алтайскую писательскую организацию.

Переводил русских и советских классиков: А. Пушкина, С. Куняева, А. Кунанбаева, М. Карима и других.

Публиковался в республиканских газетах: «Звезда Алтая» и «Алтайдын чолмоны», в «Литературной газете» и в «Правде», в журналах: «Сибирские огни», «Наш современник», «Дружба народов», «Новый мир», «Юность», «Москва», «Огонёк».

Творчество Э. Палкина включено в школьные программы по национальной литературе и изучается в университете Горно-Алтайска. Его перу принадлежат поэмы: «Наташа», «Амыр», «Ненасытный», «Чёрное пламя», «Душа», «Сердце», «Белый камень», «Синее небо», «Алтайские горы».

Автор более десяти поэтических сборников: «Новый человек» (1956), «Родные люди» (1958), «Таков обычай» (1959), «Новое время» (1960), «Алан» (1975), «Родной край» (1976), «Белые цветы» (1984) и других.

Стихи Э. Палкина переведены на русский, украинский, казахский, киргизский, башкирский, латышский, тувинский, хакасский и якутский языки.

Белые цветы

Зелёными листьями яркое лето
Шумит, и светило глядит с высоты,
И самого чистого, белого цвета
Качаются, ростом до сердца, цветы.

Течёт над лугами река аромата,
И ветер смягчает полуденный зной,
И та, с кем давно я знаком был когда-то,
Стоит, повзрослевшая, рядом со мной.

«Ты помнишь? – спросила, – А, впрочем, едва ли
Ты помнишь – те дни в далёкой дали, –
Мы тут на конях молодых гарцевали,
Зелёное, свежее сено гребли.

До самого неба метали зароды,
Потом отдыхали в их плотной тени...
Ах, молодость наша, зелёные годы,
Зелёное сено, зелёные дни!

Теперь уж давно это прошлое дело,
Но что-то, признаться, мне всё же, велит:
Тогда на тебя хорошо я глядела,
Как вспомню – и сердце, как в песне, болит.

Улыбкой и словом твоим дорожила,
И как-то однажды рубашку твою
Взяла, постирала, тебе положила...
А ты не заметил заботу мою.

А ты не заметил, а ты не ответил,
Куда-то уехал, забыл обо мне,
Но в памяти сердца, по-прежнему, светел
Тот солнечный месяц в родной стороне».

Она замолчала – и, встретившись взглядом
Со мной, почему-то глаза отвела,
И девочку, молча стоявшую рядом,
Трёхлетнюю, за руку тихо взяла.

А девочка с ней так мучительно схожа!
Они уходили в долинную синь,
И тут я почуял, как, душу тревожа,
Сурово и горько запахла полынь.

О, время, ты право, о, годы, вы правы,
Проносится ветер, касаясь волос,
Восходят на пастбищах новые травы,
И новая юность спешит на покос.

Шуми же ветвями, зелёное лето,
Светило, свети с голубой высоты,
И самого чистого, белого цвета
Качайтесь у самого сердца, цветы!..

Присядем, помолчим...

Давай с тобой присядем, помолчим.
Лишь в тишине мы до конца поймём,
Что дни разлуки пронеслись, как дым,
Что мы вдвоём, действительно вдвоём.

Я на тебя так пристально смотрю,
Как будто в самый-самый первый раз,
И вновь напоминает мне зарю
Сияние твоих лучистых глаз.

Прошёл я в мире тысячи дорог.
Но всюду, как бы ни был мир велик,
Далёкую, тебя я видеть мог,
Лишь стоило глаза прикрыть на миг.

И в том, как по весне звенят ручьи,
И в том, как ночью шепчется листва,
Мне часто-часто слышались твои
доверчивые, тихие слова.

Где б я ни шёл, куда б ни уезжал,
В любом краю, бывало, перед сном
Твои ладони я в моих держал,
Беседуя о близком и родном.

Ты в сутолоке уличной толпы
Мелькала, каждой чёткой любя.
Кто говорит, что нет её – судьбы,
Когда я знаю – ты моя судьба!

Моя судьба! Счастливый случай мой!
Не встретиться мы – и кто-нибудь другой
Сидел бы тут, как ныне я, с тобой,
И называл бы самой дрогой.

Но это не случилось ведь, о, нет,
Моя судьба была ко мне добра,
и всё иное – выдумка и бред,
Воображенья праздного игра.

А то, что мы сидим с тобой вдвоём –
Вот это факт, он точен и не лжив.
Кто скажет: плохо жить текущим днём?
Я этим днём живу – и буду жив!

Мне хорошо вдвоём с моей судьбой,
Доверчивой, похожей на зарю,
Уж до того мне хорошо с тобой,
Что и спасибо я не говорю.

Одним с тобою воздухом дыша,
Мне кажется, я пью из родника.
И до того собой ты хороша,
Что не нужна хвалебная строка.

Вся жизнь моя – спасибо, вся – хвала,
Мой светлый друг, желанный и родной.
За каждый миг, что ты была со мной,
За каждый миг, что будешь ты со мной!

Вечер и ночь

Ты далеко от меня, далеко,
Как бы быстрее до тебя мне добраться!
Всё побелело от снега кругом,
Вечер подходит, и горько признаться –
Мне так тоскливо! Теперь у вас ночь.
Грустно, хоть дом мой закатом расцвечен.
Видно, не знаешь ты, как мне помочь.
Ночь твоя сможет ли скрасить мой вечер?

Может, в ночную безвидную тишь
Так же лежишь ты, задумавшись, может,
Отяжелев от усталости, спишь?
Всё хорошо, день натруженный прожит!
Ночь наступает, и тихо вокруг.
Мысленно я пребываю с тобою,
Думай и ты обо мне, верный друг,
Я от тебя своих мыслей не скрою.

*Переводы с алтайского:
И. Фонякова, А. Сорокина*

БОРИС УКАЧИН

Алтайский поэт и прозаик, Борис Укачинович Укачин (1936 – 2003) родился в селе Каярлык Онгудайского района в семье табунщика. Писать стихи начал в школе. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького.

Работал в газете «Алтайдын чолмоны», на республиканском радио. Переводил на алтайский язык произведения М. Лермонтова, Т. Шевченко, Ч. Айтматова, С. Михалкова и других.

Переводчиками поэта на русский язык были известные поэты: И. Фоняков, Б. Слуцкий, Я. Козловский, Н. Гребнев, Я. Аким, Р. Казакова, Т. Бек, Т. Глушкова и другие. Последние стихи поэта переведены С. Дыковым и В. Берязевым.

Написал более тридцати книг, изданных в Горно-Алтайске, Барнауле и Москве: «Дороги» (1960), «Есть такая земля» (1962), «Ветка горного кедра» (1966), «Земля синего неба» (1968), «Рождённые весной» (1969), «Я жду улетевшего лебедя» (1971), «Бег аргамака» (1975), «Эхо вечного Алтая» (1979), «Любовь и вражда» (1981), «До смерти ещё далеко» (1982), «Весенние цветы – осенние звёзды» (1986), «Прогноз погоды» (1993) и другие.

Стихи поэта переведены на английский, немецкий, испанский, французский, польский, чешский, словацкий, монгольский, тувинский, киргизский и якутский языки.

Русский язык

Леса, птицы, птичьи гнёзда
Шептали мне по-алтайски;
Солнце, луна и звёзды
Светили мне по-алтайски.

И волки в горах спросонья
Были лишь по-алтайски;
И знали коровы и кони
Одну алтайскую ласку.

...Но вот я покинул горы,
В дальний уехал город.
И мука мне сжала горло,
И мукой я был поборот.

Казалось, неизлечимо,
Бессильный, несчастный, мрачный,
Я вдруг захворал, мужчина,
Предродовой горячкой.

И вот мою грудь внезапно,
Как молнией раскололо.
Тогда-то с болью сказал я
По-русски первое слово.

И тотчас мне стало страшно,
И хрящ во мне главный хрустнул...
Однако со мной пространство
С тех пор говорит по-русски.

...А прежде, в ребячьи годы,
Когда мир был схож со сказкой,
Считал я: леса и воды,
И горы, и вся природа –
Все думают по-алтайски.

Тень Рериха

*Алтай является не только жемчужиной
Сибири, но и жемчужиной Азии.*

Н. Рерих

Тень Рериха витает надо мной,
Он – горный дух,
Он – дух высоких странствий...
Белуха отликает синевою,
А на заре – кармином и багрянцем.
Так Вы писали, так на полотне
Живут вершины –
Вехи нашей жизни...

Ваш голос в ледниковой тишине:
– Я здесь душою, на земле Отчизны.
Мой караван по-прежнему в пути.
Высокогорье – живописи чудо.

Зачем ты здесь?
Откуда, путник, ты?
– Я горец, я алтаец, я отсюда.
Я ученик Ваш из других времён.

Из племени, воспрявшего недавно.
Но внятны мне Ваш кочевой закон,
Влечение ввысь художника – понятно.
Но как несли подвижнический крест,
Откуда воля красок, трепет линий,
Чтоб гималайский белоснежный блеск
Предстал глазам людей надеждой синей?
Чтоб отогрел внезапный колорит
Скалу немую на холодном склоне?
Поведайте, Учитель, как горит
За гребнем гор упрятанное солнце...

– Не спрашивай. Ты всё поймёшь, когда
Тебя удачей одарит
Судьбина –
И родина, природа, высота
В душе твоей сольются воедино.

Луна-маралуха

Я вышел из аила. Тишина
Лежит в горах, и в этой тишине,
Как маралуха красная, луна.
Пасётся в синей, нежной вышине.

И, как детёныш, рядом с ней звезда
Мерцает слабо, робость затая,
Не веря человеку навсегда:
Вдруг выстрелю из чёрного ружья?

И маралуха-мать своё дитя
Уводит за вершины, далеко,
И на снега, что залегли, блестя,
Струится лунный свет, как молоко...

Писал я эту книгу не один

Писал я эту книгу не один,
Со мною заодно её писали
Цветы и травы отческих долин
И облака, и горных троп спирали,
Посменных зорь подоблачный кармин
И стаи птиц, связующие дали.

Я слышал в поле,
лёжа на траве,

Как движутся в зелёных стеблях соки
Гармонии извечной в голове
Являлся образ.
Мчались с гор потоки,
Мерцали звёзды в тёмной синеве,
И вновь перо нанизывало строки.

И ласточки пронзали вышину,
Дождя иль вёдра выказав примету,
К недолгому приученные сну,
Они со мной писали книгу эту.
Там, где кладёт под голову луну
Любовь, противясь давнему запрету.

Над стойбищами вновь кизячный дым
Плывёт по ветру.
Миг причастен к мигу.
Отрадно льну я к голосам людским,
Они со мною пишут эту книгу,
В которой воркованию и рыку
Дань отдана с пристрастьем молодым...

В кругу событий и в кругу молвы
Узнать успел я радость и напасти.
Но даже у земных страстей во власти,
Не преклонял пред сильным головы.
И подбирать слова мне звёздной масти
Для этой книги помогали вы.

Возвращение коров

...А когда затуманятся сумерки над облаками,
И на землю прохлады прольётся с небесного крова, —
С выменами тугими, с торчащими остро сосками,
Разномастные, тихо домой возвращались коровы.

Наша – белой была! Помню всё: издалёка, бывало,
Я средь пёстрых и рыжих её отличу и отмечу.
К нашей юрте потом подходила она, подплывала,
Мама с белым подойником к ней поспешала навстречу.

С ней, конечно, и я подбегал обязательно рядом.
Приближалась корова, мычала и шумно вздыхала.
А потом я стоял и следил зачарованным взглядом,
Как в подойнике облако белое пенно взбухало.

А потом, как положено, к ней подпускали телёнка.
Покрывалась тотчас его мордочка «инеем» белым.
А потом в нашей юрте смотрели мы – я и сестрёнка, –
Как вскипало, шумя, молоко в казане закоптелом.

...Вновь у юрты стою. И как будто бы всё неизменно.
Так же сумерки снова подсвечены бледным закатом.
И коровы цепочкой шагают неспешно, степенно,
И мычат, возвращаясь к хозяйкам своим и телятам.

Только мама не выйдет уж, как бы ни звал я, ни плакал,
Далеко моя бедная матушка – не докричаться,
И подойник знакомый навеки отзвякал, отбрякал,
На серебряной дужке не будет он больше качаться.

И не бросятся нынче коровам навстречу ребята –
Им давно уж не в радость старинные радости эти,
В чём-то всё же они не такие, какими когда-то
Были сверстники наши, войны деревенские дети.

Вновь коровы мычат... Возле юрты стою и тоскую:
Может быть, их мычание что-нибудь всё-таки значит?
Обещает ли счастье? Беду ли пророчит какую?
Я не в силах понять, но болит моё сердце и плачет.

Автопортрет

Волосы, как трава на кочке, торчат
 строптиво,
А порою клубятся, как облака...
Лоб раскинулся – большой, как нива.
Сеть морщин глубока.

То ли это морщины, то ли
Борозды в распаханном поле.
А быть может, морщины – строки,
Которые выстраданы и строги?

Широкоскулый и большелицкий,
Опечалюсь – холоден стану, как лёд.
Черны
нахохленные, как птицы,
Брови мои вразлёт.

Узкие, как лезвие, глаза сощуря,
Гляну – ласков лукавый взгляд.
...Были радости, были бури –
Они вопросом в глазах горят!

Нос – бугорок, а не горный кряж.
Печально синеют губы.
Бывает,
я так разозлюсь – аж,
Скрипнут зубы.

Сколько преград на путях вдохновенных,
Если характер крут.
Времени бег
 непрерываем
 в моих венах,
Где прошлое и грядущее вместе поют.

Два кладбища

На высоком Алтае, в глухом отдаленье,
Два погоста в одном существуют селенье.

Два погоста стоят молчаливо и глухо.
Два кладбища, как две разновидности духа.

На одном мусульмане почили по чести,
На другом же – алтайцы и русские вместе!

То, что в жизни своей мы не скажем словами, –
Жизнь сама говорит, не таясь перед нами:

Даже после кончины, в покое треклятом,
Мы – алтайцы и русские – всё-таки рядом.

*Переводы с алтайского:
В. Корнилова, Я. Козловского,
И. Фонякова, Т. Бек*

ТАНЫСПАЙ ШИНЖИН

Заслуженный работник культуры Российской Федерации, кайчы, писатель, фольклорист, Таныспай Боксурович Шинжин родился в 1936 году в урочище Малый Улегем Онгудайского района.

Окончил историко-филологический факультет Горно-Алтайского государственного педагогического института. Работал учителем алтайского языка и литературы в школах Онгудайского и Кош-Агачского районов, методистом областного института усовершенствования учителей. Являлся сотрудником сектора народного творчества Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы.

Стихи и рассказы начал писать в 1952 г. Первые публикации Т.Б. Шинжина были на страницах областной газеты «Алтайдын чолмоны», а также в литературно-художественных альманахах. Первая книга на русском языке «Красные ботинки» появилась в 1976 г. в Барнауле.

Т.Б. Шинжин является исследователем и собирателем устного народного творчества алтайцев. Написал монографии о жизни и творчестве сказителей: А.Г. Калкина, Н.К. Ялатова, Н.П. Черновой. Является автором более двадцати книг на алтайском и русском языках. Им опубликовано более 300 научных статей по проблемам изучения алтайского фольклора.

Мечта

У каждого в жизни
Песня своя –
От соловья
До воробья.

У каждого в жизни
Работа своя –
От человека
До муравья.

У каждого в жизни
Своя высота.
Пределов не знает
Только мечта.

Я видел однажды

Я видел однажды
Как кедр корчевали
Могучим бульдозером.
И охали дали,
И громко кедровка
Кричала за озером.
Стонали,
Качались
Не дальние кедры,
А рядом стоящие.
Я понял внезапно,
Что эти деревья –
Друзья настоящие.
Я понял,
Что кедры
Не только плечами
Друг друга касаются:

Их крепкие корни
Под коркой земною,
Как руки,
В пожатии вечном
Сплетаются.

Детство

Детство моё –
Корни мои,
Крылья мои,
Песни мои...

Я не забыл
Первый свой шаг,
Отчий аил,
Отчий очаг...

Если хотел
Под небосвод,
С дымом летел
Сквозь дымоход.

Если хотел
Вольные дни,
С птицами пел
В летней тени.

Если желал –
С выдрой нырял,
Если желал –
С рыбой играл...

В зной и мороз
Тысячу дней

С кедрами рос
Между камней...

Сердце теперь,
А не слова –
Рыба и зверь,
Птица, листва.

В отчей стране
Утро моё,
Вечно во мне
Детство моё.

Детство моё –
Песни душа,
Детство моё –
Жизни душа...

Книга света

Закрою книгу.
Погашу огонь.
И небеса полночные раскроют
Сияющую книгу
Надо мной.
И солнце явит
Утреннюю книгу –
Великую и вечную,
Как жизнь!

Ты сотни книг
Отбросишь, не читая,
Ты втопчешь в глину
Ближние огни,

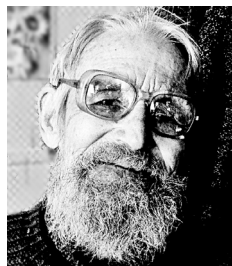
Но не погаснет
Эта книга света
И в час ночной,
И в солнечные дни.

Не прячься от нас

Песня, как птица,
К солнцу лети!
Светлое солнце,
Ярче свети!
Не торопись
Облаками укрыться.
Мы – твои дети.
Не надо сердиться.
Лучи твои, солнце,
Пусть ярко и дружно
Сияют. Сиянье их
Очень нам нужно.
О солнце! Пока ещё
День не угас.
Мы все тебя просим:
Не прячься от нас!

*Переводы с алтайского:
Г. Володина, А. Плитченко, Е. Юдина.*

ФЁДОР БОРОВИКОВ

Фёдор Лукич Боровиков (1937 – 2020), родился в селе Тюгурюк Усть-Коксинского района Республики Алтай.

Окончил Лениногорский лесной техникум и до ухода на пенсию работал в лесном хозяйстве Усть-Коксинского района. Писать стихи начал на пенсии. Печатался в районной газете «Уймонские вести», в коллективных сборниках поэзии: «Созвучье слов живых», «Мультигинские встречи».

Автор сборника стихов «Настало время вспоминать» (2014).

Одуванчик

Лугов любимец – одуванчик –
он радует, как солнца свет.
Резной листвы надел кафтанчик –
цветов, его дороже, нет.

Он глаз ласкает нам всё лето,
последним осенью цветёт.
И любим мы его за это
который год, который год.

Аргут

Грохочешь в ярости, Аргут,
в граните русло рассекая.
Ты людям преграждаешь путь,
могучая река Алтая.

Как непослушен ты весной,
неся с белков воды скопление.
Несокрушимостью одной
ты всех приводишь в изумление.

Ты весь искришься под луной,
крутя в порогах дикий танец.
И очарованы тобой
и житель гор, и чужестранец.

И наклоняясь над волной,
покрытою зелёным гляncем,
берёзки прошумят листвою,
стыдливо заблестев румянцем.

Давно не видел я тех мест,
но помню всё ещё, покуда
на гладких плёсах рыбий всплеск
и цвет волны, как изумруда.

Старость

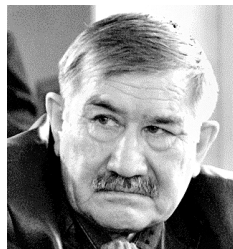
Восьмой десяток, стал я как ворона,
она к ненастью каркает на пне.
Спинная боль к дождю знакома,
барометр не нужен мне.

Пропал куда-то аппетит,
и часто голова кружится,
гастрит, бронхит, радикулит...
Ну, в общем, есть чем похвалиться.

Лежу с котом на печке, греюсь.
Настой из трав стоит – бутыль.
Я больше на жену надеюсь
да на берёзовый костыль.

Мы с нею трав понасушили,
и жар целебный – целый день.
Но на изъезженной кобыле
и самому мне ехать лень.

ПАСЛЕЙ САМЫК

Алтайский поэт и переводчик, Василий Тордоевич Самыков, известный под псевдонимом Паслей Самык, родился в 1938 году в селе Каспа Шебалинского района. Народный писатель Республики Алтай, один из самых ярких представителей алтайской поэзии.

Закончил Литературный институт им. А.М. Горького. Работал в областной газете «Алтайдын чолмоны», методистом в Доме народного творчества, в Республиканском издательстве «Уч-Сумер», заместителем председателя Союза писателей Республики Алтай.

Переводил на алтайский язык произведения Лопе де Веги, П. Неруды, Н. Хикмета, Г. Лорки, Р. Тагора, Н. Рериха, У. Уитмена, а также К. Кулиева, М. Карима, С. Сейтхазина и других поэтов. На русском языке стихи Паслея Самыка известны в переводах И. Фонякова, Г. Панова, А. Ревича и других.

Написал более двадцати книг, выходивших на алтайском и русском языках в Горно-Алтайске, Барнауле и Москве: «Сын солнца» (1964), «Сердце, раненное молнией» (1967), «Огненный марал» (1968), «Марьин Корень» (1969), «Ветер вершин» (1972), «Солнечный дождь» (1976), «Утренние птицы» (1976), «Души волшебные сады» (1982), «Мать-Огонь» (1984), «Дети страны Белого Сюмера» (1986), «Поклонение Белухе» (1988), «Солнечный дождь» (1989), «Созвездие любви» (2001) и другие.

Сердце моё

Сердце моё –
одно безмерное,
свёрнутое в клубок,
красное и живое
стихотворение.

Стих мой – дыхание моё.
Каждую строчку снимаю с губ.
День ото дня
к людям любовь растёт у меня.
День ото дня
эволюции понимание обостряется у меня.
День ото дня
Расцветает моя человечья суть:
в каждом цветке я вижу улыбку свою,
в каждом ветвящемся дереве – контур
моих раздумий,
в каждом встреченном человеке – себя узнаю.
Видно, я никогда не состарюсь,
никогда не умру:
вечно буду с деревьями вместе стоять на ветру,
вечно буду вместе с моими горами
Вселенной музыку слушать,
буду радоваться радостью поколений,
с человеческим миром сольюсь –
навсегда.
И никогда
этот стих мне, должно быть, не кончить,
и никогда я, должно быть, понять до конца
не смогу:
этот мир, эти люди – где они? –
во мне
или – вне?

Я землёй становлюсь,
душу её понимаю,
с деревом, камнем, воздухом
смешиваюсь – живой.

И всю прошлую жизнь человечества,
кажется мне, я прожил,
всю грядущую жизнь человечества,
кажется, я знаю.

* * *

О, в народе моём,
в мире бешеных рек,
заклинаю,
великий родись человек!
Песнетворец,
мыслитель,
строитель,
артист, –
умоляю – родись,
заклинаю –
родись!
То, что в нашей
веками
копилось крови,
в совершенной гармонии
миру яви!
Высоту
возрождённой
алтайской души
воплоти, о великий!
Родись!
Поспеш!

Рано утром на Алтае

Отделилось от земли
 небо утром рано,
как от матери дитя
 в долгожданный срок.
Разметались, как пелёнки,
 нежные туманы,
новорожденный хорош:
 свеж, розовощёк.
Над Алтаем наклоняюсь,
 под зарёй кумачною
пьёт источников священных
 молоко прозрачное.
Выбегаю на крыльцо,
 мир беру в объятья,
эта радость в сердце
 не вместится вся.
Мир ли нынче
 заново родился,
не могу понять я,
 или сам я в это утро
снова родился?

Мать с отцом

Там, вдали,
где вслед за тёмной тучей
в небеса вздымается тропа,
прислонясь спиной к скале могучей,
спит село по имени Каспа.
Сквозь ночные звёздные просторы
на свиданье с ним моя душа

вдруг летит через кедрач и горы,
сетуя, горя и спеша.
Мой отец давно уже недужен.
Мой отец не по годам седой,
на войне снарядом он контужен,
покалечен был взрывной волной.
Мать с отцом пекутся друг о друге,
но сегодня, в смутной тишине,
позабыв о тягостном недуге,
снова вспоминают обо мне...
Я же, в дождь рассказывая сыну
сказку – сам давно уже отец, –
сердцем вижу скорбную картину,
ощущаю зовы их сердец.

Песнь Батыра

(По мотивам героического эпоса)

Диких коней объезжать я родился,
гордые песни слагать я родился,
храбрых в бою побеждать я родился,
снежных вершин достигать я родился.

Девушек нежных любить я родился,
в песне хвалу им воздать я родился,
звёзды на небе добыть я родился,
людям добычу раздать я родился!

Солнышку радоваться, как дитя,
наглого навзничь валить шута –
вот для чего я родился!

Славу народа хранить и беречь,
гордость в сердцах пробудить и разжечь –
вот для чего я родился!

Кто я?

Алтайский бесстрашный джигит!
Кто, дерзновенный, меня победит?

Ты ли меня одолеешь, наглец,
лютую злобу на сердце тая?
Дух этих гор – мой суровый отец,
эта Земля – мать моя!

Шаг мой один – десять твоих!
Слово одно моё – десять твоих!

Верх надо мною
взять ли тебе?
Нет!

Ни в гоньбе,
ни в борьбе,
ни в стрельбе...

Непримиримые вышли мы в бой,
правда – за мной, а обман – за тобой.
Вышел я в бой сам – один, сам с собой,
сколько приспешников вышло с тобой!

Ты ль победишь, злобный хитрец,
чёрные помыслы в сердце тая?
Дух этих гор – мой суровый отец,
эта Земля – мать моя.

Алтайская ночь

Серебряный звон в тишине
над снежными гребнями гор
не мешает луне
с вершиной вести разговор...

Серебряный звон в небесах...
О чём в далёких лесах
шепчут ветра кедрочу?

А по горам
над долинами,
моргая ресницами длинными,
маралы идут к ручью.

Голос бессонных рек
звучен в ночной тиши.
Тихо поёт человек
песню своей души.

Видно, молчать невмочь.
К звёздам стремится взор.

Серебряно-звонная ночь
над белыми кряжами гор.

Под Кровом из Молний

Если жить – так вот жить:
устремлённо, упрямо, на полный!
Ливни вешние пить
жадной гордостью,
под Кровом из Молний!

Так вот жить: мчаться к солнцу, мечтать,
дураков одурачивать,
сумасшедшие ветры за гривы хватать,
поворачивать!

Ненасытен взор –
всё ему подай,
ненасытен дух –
плещет через край!

Воет кровь моя!
Дышит кровь моя!

Так живу, друг, я!
Так сгораю я!

*Переводы с алтайского:
И. Фонякова, Р. Бухараева, В. Потиевского.*

ШАТРА ШАТИНОВ

Алтайский поэт, прозаик и переводчик, Шатра Пепишевич Шатинов (1938 – 2009) родился в селе Улегем Онгудайского района.

Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Работал редактором в Горно-Алтайском книжном издательстве, литературным сотрудником в газетах «Алтайдын чолмоны» и «Звезда Алтая».

Перевёл на алтайский язык произведения А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, Ф. Достоевского, Н. Островского, а также пьесы: У. Шекспира «Отелло», «Гамлет», пьесы А. Чехова, Б. Шоу «Пигмалион», К. Гольдони «Трактирщица» и другие.

Ш. Шатинов обладал редкой поэтической одарённостью. Его творчество стало школой поэтического мастерства для многих поэтов. В кругу писателей его называли «алтайским Есениным».

Автор восьми поэтических и прозаических книг: «Родная земля» (1963), «День настал» (1966), «Амыргы» (1969), «Эрјине» (1971) и других.

Стать бы мне...

Стать бы мне нагорным кедром
В каракольской стороне!
Под седым не дрогнуть ветром,
Зеленеть бы вечно мне.
Расколоть гранит корнями,
Чтобы травы проросли.
И небес безбрежных зная
Целовать – как сын земли.

На раскопках Пазырыка

Иные мечтают добраться до звёзд,
Я землю копаю (который уж день!)
Но также мой труд кропотлив и непрост –
Пылинки не сдунь, уголька не задень.

Один – с головою в грядущем, а я
Учу позапрошлых событий язык.
Слой за слоем пытливость моя
Снимает с загадок твоих, Пазырык.

То вдруг погребенья я трогаю сруб,
Огромные брёвна по тысяче лет.
И возглас невольный срывается с губ –
Блеснул, золотясь, под ногами браслет.

Представляю, как эти деревья росли,
В шатрах под деревьями – пир на весь мир;
Как этот браслет, что вчера мы нашли,
Невесте привёз из похода батыр;

Как шло оно ей, это золото; как
Плясала она и смеялся жених... –
Представляю, сжимая лопату в руках,
Далёких, исчезнувших предков моих.

Сижу на раскопе, взволнован до слёз.
Вокруг штыковое сверкание трав.
В ущелье гремит Чолушман – камнетёс,
Века, словно камни, стократ обкатав.

Да, сверхзвуковыми сегодня с утра
Всё небо исчерчено взад и вперёд.
Кончай перекур! За работу пора –
И наших открытий история ждёт!

В молодую ночь

Сотни тысяч
Высоких и стройных парней,
Сотни тысяч
Красивых, прямых тополей
На полях отшумевших сражений
Лежат,
Головами вперед –
На закат,
На закат.

Ночью звёзды
Над их изголовьем встают,
Им поэты
Высокую славу поют,
Спят они,
Как побитые градом хлеба...
Но не плачь, не вздыхай:
«Как жестока судьба!»

Здесь не слёзы нужны.
В силу многих причин
Это издавна вписано
В судьбы мужчин:
Если грянул твой час –
Смело в бой поднимись
За любимый твой край,
За любимую мысль!

С жаркой верой в груди,
С чистым сердцем в груди
Встань, иди, победи –
И с победой приди.
Будь готов
Для победы пролить сто потов,
Кровь пролить –

Будь готов,
Жизнь отдать –
Будь готов!..

И теперь,
В эту ночь молодую, когда
Молодая над миром
Восходит звезда,
Под покровом
Ночной тишины, темноты
Оживают фронты,
Оживают фронты.

В оборону врага
Вновь врезается клин,
Парень, павший под Вязьмой,
Штурмует Берлин,
Ведь в победе,
Принёсшей стране торжество,
Есть по праву
Законная доля
Его...

Юч-Сюмер

Юч-Сюмер – приют табунщиков –
В переводе –
Три горы.
Звёзды вижу.
Каждым лучиком
Очень грани их остры.
Вот табун коней рассёдланных
По долине проскакал.
Зазвенели травы росные,
Месяц – жеребца оскал...

Камень-менгир

Я – живой камень.
В степи поставлен.
У меня чаша в руке.
Повидал я на свете всякого,
Но уста мои на замке.

О, творец мой великий,
Я ведь сердцем стенаю:
Мне б не чашу, а – саблю
В руки что ли, не знаю...

Снежинка

Кружилась, кружилась снежинка –
Словно гусиный пух.
А когда на землю рухнула –
Вздрыгнул её дух.

Воздухом жила, кружилась, –
Утомилась, упала в степи.
Выполнила – предназначение:
Кончилась,
Скончалась,
Спит...

*Переводы с алтайского:
Г. Семёнова, И. Фонякова,
А. Жукова, Г. Косточакова*

ЮЛИЯ ТУДЕНЕВА

Поэт, педагог, Юлия Васильевна Туденева (1942 – 2003) родилась в селе Углы Алтайского края. Окончила Алтайский политехнический институт (Барнаул).

Работала в конструкторском бюро Алтайского моторного завода, преподавателем в индустриально-педагогическом колледже.

С 1995 года жила в Чемальском районе Горного Алтая. Занималась общественной работой. Благодаря её усилиям, состоялось открытие музея-усадьбы художника Г.И. Чорос-Гуркина.

Публиковалась в республиканских газетах: «Алтайская правда», «Звезда Алтая», в журнале «Алтай», в районной газете «Чемальский вестник».

Автор сборников стихов: «Снег на ладони» (1993), «Синий вечер» (1996), «Окно в сад» (2000).

* * *

Если в кудри у берёзы
Солнце руки запустило,
И игра листвы и света
Отражается в окне –

Это радость, это радость
Милой гостьей легкокрылой
В платье солнечно-зелёном
Тихо ластится ко мне.

Если по лесу гуляя,
Слушать ветер осторожный,
От него шумят вершины
И колыхается трава,

Этой музыкой лесною
Успокоить душу можно,
И от свежести зелёной
Станет ясной голова.

Если слышу речь Катуни,
Искромётную, живую,
Если вижу, как сверкает
Светлоглазая волна,

Зачерпну воды в ладони,
Этой радости попью я,
В ней – пьянящий запах воли,
Вкус искристого вина!

* * *

Стихи мои,
 как вехи у дороги.
Прочту и вспомню,
 было это так...
Для встречи с музой
 тысяча предлогов
Бывает, что
 какой-нибудь пустяк...
Нет! Всё не так,
 сначала были мысли,
Они хранились,
 где-то в тайниках,

Они плодами
 деревя повисли
И пряностью
 горчили на губах.
Их что-то потревожило...
 в движенье
Они пришли.
 А впрочем, что за блажь?
Кому нужны
 все эти рассужденья?..
Читаю стих –
 и лампочка зажглась!
И высветила
 мой кусочек жизни...
А я его
 неплохо прожила –
Была в нём
 не лукавой, не капризной,
Я настоящей –
 искренней была...
Ты не суди меня,
 читатель строгий,
Воспоминанья –
 чаще это грусть.
Стихи мои,
 как вехи у дороги,
Дорогу эту
 знаю наизусть.

* * *

Мне явилась Муза и спросила:
– Отчего мы встретились так поздно?
Ты зачем так надолго сокрыла
Жребий свой, нагаданный по звёздам?

– Помнишь, юность?.. Кровь кипела в жилах
И взлетали крылья за плечами!..

– Помню. Но тогда я полюбила,
Не стихи – любовь была вначале.

О, её магическая сила!
Позабыто было всё на свете,
Об одном лишь Господа молила –
Пусть любовь моя продлится в детях.

Я земная женщина, и значит,
Мне открыты тайны сотворенья.
Дети – разве быть могло иначе –
Лучшие мои произведения.

Ни о чём я, Муза, не жалею,
Становлюсь с годами суеверней.
Пусть горит в конце моей аллеи
Тихий свет поэзии вечерней.

* * *

Я жду тебя. Я жду тебя всегда.
Я и сама порой не понимаю,
Незримые какие провода
Так крепко нас с тобой соединяют.

Моя судьба – встречать и провожать,
Твоя – тайга и дальняя дорога.
Со мною одиночества печать,
А ты с людьми, и это нам от Бога.

Пусть в облаках мне весело витать,
Пусть там со мной Цветаева и Пушкин,
Мне хорошо, мне так спокойно спать,
Когда ты рядом дышишь на подушке.

Я жду тебя. Я жду тебя всегда.
Я и сама порой не понимаю,
Незримые какие провода
Так крепко нас с тобой соединяют.

Маме

Всё больше, больше – за плечами,
Всё тоньше, тоньше жизни нить.
Я не могу ещё о маме
Высоким слогом говорить.

И я боюсь, что не успею,
Боюсь – нагрянут холода.
Как мама, рано я седею.
Как мама – вечно молода!

Ей горя выпало немало.
Сносила всё, не помня зла.
И часто мама напевала,
И без улыбки не могла.

Она повсюду успевала,
Ей было некогда тужить.
Умела мама в самом малом
Отраду сердцу находить.

Как мама, день начну с улыбки!
Из дома выйду налегке –
Какую музыку на скрипке
Играют где-то вдалеке!

На чистый звук иду упрямо,
Шепчу преградам всем назло:
«Я не сломаюсь. Я – как мама!
Мне с мамой сильно повезло».

* * *

И вечность длится этот спор
Волны с гранитным пьедесталом.
Катунь, тебе наперекор
Из глубины скала восстала.

Река от ярости кипит,
На штурм бросается лавиной,
Но разбивает о гранит
Всю силу на две половины.

Скала незыблемо стоит –
Вершиною природных зодчеств.
Какого качества гранит!
Каков запас его на прочность!

Природы прихоть не одна:
На той скале, на самом крае,
Стоит зелёная сосна.
А как растёт она? – не знаю...

Неприручённою взошла,
Как чудо маленькое света!
Ей стала матерью скала,
Отцом назвался крёстным ветер.

А я стою на берегу.
Мы с той сосной давно знакомы.
Жаль, приложить я не могу
Ладонь к стволу её живому.

Лишь словом я могу воздать:
Всё жизнь! Ничто не гибнет втуне.
Сосне – расти, скале – стоять,
Катить волну свою Катунь!

Памяти Г.И. Чорос-Гуркина

Здесь всё ещё о нём напоминает,
Следы его земля ещё таит...
Зелёный склон, тропинка убегает
К подножию скалистой Ийт-Каи.

Взойди на холм! На сторону любую
Взгляни! – и сам постигнешь сердцем ты –
Вот эту даль, под солнцем голубую,
Рука переносила на холсты...

Какой простор для зренья и для слуха!
Вершины гор заснеженных близки,
И кажется, далёкую Белуху
Достанет зоркий взгляд из-под руки.

Из сердца гор течёт она оттуда –
(Двуглавая – творение твоё!)
Звнящее, искрящееся чудо –
Катунь – река, Величество её...

Как ночь светла в сиянье звёздной пыли!
А утро – мягких красок торжество!
И если люди... Пусть они забыли,
О, Кан-Алтай! Ты помнишь ли его?

ВАЛЕРИЙ КУНИЦЫН

Народный писатель Республики Алтай, Валерий Романович Куницын родился в 1944 году в Горно-Алтайске. Окончил исторический факультет Горно-Алтайского пединститута и Высшую партийную школу.

Работал журналистом и заместителем главного редактора газеты «Звезда Алтая».

Стихи пишет с 12 лет. Стихотворения поэта вошли в три антологии: Антология одного стихотворения «Час России» (предисловие В. Астафьева, 1988), Антология XX века «Русская сибирская поэзия» (2008) и Антология сибирской поэзии (2011).

Автор сборников стихотворений: «Ангаков камень» (1988), «Речная звезда» (1992), «Живое дерево души» (1997), «Я голосом встаю из трав» (2002), «Жива душа преодолением боли...» (2004), «Память сердца» (2009), «Час Алтая» (2014).

Произведения В. Куницына переведены на алтайский, хакасский, тувинский, немецкий и монгольский языки.

* * *

Я живу в ожидании чуда,
Лёг на душу мне синий простор,
И не знаю, запомнил откуда
Я до боли славянский узор.

Каждый день просыпаюсь в надежде
На меже между светом и тьмой.
Всё, что было хорошего прежде,
Вероятно, случится со мной.

В час, когда зацветают саранки
И тяжёлые росы сверкнут,
Я однажды и смерть спозаранку
За жар-птицу случайно приму.

* * *

Мне кажется, что я и прежде жил
И говорил на тюркских языках,
Крестьянином, ремесленником был
И жил в чужих краях, в иных веках.

Приснилось как-то раз в глухой ночи:
меня кромсали молча палачи
В рубахах красных плётками сплеча.
Рубцы тех лет во мне сейчас кричат.

* * *

Со мной на равных все на этом свете:
Лесной родник, что ликом своим светел,
Жучки и паучки, кроты и коростели
И даже шишечки, растущие на елях.

Со мной равны кандык и медуница,
И муравей, и звонкая синица...
И пусть мы капли в океане бытия,
А вместе мы – единая семья.

Мы все врачуем землю, души грея –
И человек, и зверь, и птицы, и деревья...

Июнь

Месяц малой жары наступил –
Буйство жизни и красок вокруг...
Мне кузнечик зелёный мил
И пугливый лесной бурундук.
По полянам цветы разбрелись,
Им до осени вольно гулять.
Муравьиною трудную жизнь
На коленях пытаюсь понять.

* * *

Я протаю зиму
Журавлиным кликом,
Продышу подснежник
В обнажённом снеге,
Прорасту я людям
Веточкой брусники,
И душа родится
В молодом побеге.

Вижу музыку

Я вижу музыку, щемящую до слёз,
В прозрачности озёр
И в нежности берёз.
Рождает музыку костёр, речной залив,
В бору сосновом – солнечный мотив.
В полёте беркута и в хороводе гор –
Стал видеть музыку...
А слышал до сих пор!

Связь

Аржану Адарову

Я остался для связи Земли со Вселенной.
Плыл когда-то с ахейцами я за Еленой,
У Христа жить учился, у Магомета,
Буддой сердце моё было тоже согрето.
Был я русским, алтайцем
и даже монголом...
Жёг сердца я, как Пушкин,
прекрасным глаголом,
Шёл в Сибирь, как Ермак,
со своей колокольной,
Был я тоже когда-то немного раскольник.
Вечность была меня по душе неуклюжей,
Был отцом я и дедом, и ласковым мужем,
А из щедрого сердца вставала молитва.
Чаша жизни полна. И пока не разбита.
Удивителен Мир, и покоя не надо.
Я принёс людям весть из забытой Эллады...
Я поднялся с колен и отёлся от грязи –
Остаюсь со Вселенной
единственной связью.

АЛЕКСАНДРА ЗЫКОВА

Поэт, журналист, Александра Васильевна Зыкова родилась в 1946 году в Иркутске. Детство будущего поэта прошло в Горном Алтае.

Закончила филологический факультет Кемеровского государственного университета. Работала корреспондентом республиканской газеты «Звезда Алтая», специалистом по приёму граждан в Правительстве Республики Алтай, главным специалистом организационно-аналитического управления аппарата Республики.

Публиковалась в республиканской газете «Звезда Алтая», в международном литературном альманахе «Чувства без границ» (Москва), в журнале «Союз писателей» (Новокузнецк), в сборниках: «Поэзия – душа Алтая» и «Под небом Алтая» (Горно-Алтайск), в сборнике «Золотые купола святой Руси» (Новокузнецк).

Авторские сборники: «Благословенный мой Алтай» (1996), «Благовест» (1997), «На Алтае болдинская осень» (1999), «Лебединая песня» (2000), «Корона Катунь» (2001), «Мой ангел-хранитель» (2003), «Благословите Россию» (2006, двухтомник), «Живая вода» (2008).

Конь ты карий, буланый...

Валерию Шатыгину

Конь ты карий, буланый, игреневый –
Масти древней, живуче-родной,
Ты явись гулкой ранью есенинской
И помчи меня над землёй...

Отзовётся святой Акулиной
День гречишницы, трепет-кураж:
Ах, тебе бы в стихи флейты иволги —
Свой анапест ищи в камышах...

Правит счастье игривое, зыбкое —
Коромыслице радуг-ветрил.
Ямб угоден стихии неистовой:
Не лишай меня, Господи, крыл!

Парусов косоватые стаксели
Облака парусиновых пасх...
За хореями гонятся дактили —
Любит Русь белопесенный сказ!

Песнь о тмине

В малых травках много правды

Дремлет сонный дедов тын.
По траве натыкан тмин —
Серый и не яркий —
Наступить не жалко.

Но взглядишься, лепестки
В зонтики сложились,
И воздушные цветки
С пчёлками сдружились.

Будто спросит мать-земля:
Много ль проку от тебя?
Всем ты ближним в тягость.
Дать не можешь радость.

А вот этот медонос
Неприметен глазу, прост.

Он же с миром дружен,
На лугу всем нужен.

В срок завяжет скоро он
Плодики-семянки.
Запасался в зиму впрок
Этот полевой укроп
Всей семьёй славянской.

Тмином хлеб посыпан чуть
На горбушке чёрной,
Точно истиной для уст
Отрезвляют зёрна.

И в капусте сладкий хруст,
Вкус её ядрёный.
Да не будет в сердце грусть –
Тмин растёт зелёный.

Художник слова

*Меня бранят собратья по перу,
Не признают художники своею...*

Лилия Юсупова

Лист бел ещё. И не испорчен
Высокомерием пера.
И с васильковым взором Отче
Не скажет истине: «Пора!»

И серо-дымчатый, мышастый
Сомнений пепельный свинец
Не ошестинится зубасто:
«Смирись! Поэзии конец!»

Не вспыхнет солнца лик пшеничный:
«Зачем всё это без души –
Ржаной, соломенной, яичной,
Не торговавшей за гроши...»

Плод канареечный Адама
Сорвётся с дерева забот.
И ты не спросишь, луч шафранный:
«Какой-то всё-таки он странный
Янтарно-палевый был плод...»

В телеге жизни

*... мужицкая лошадка возок забрызганный везла.
Андрей Несмелов*

Прости каприз мой или слабость.
Ты крылья видеть бы хотел.
А я в телеге вдоль оврага
Дивлюсь: «Ах! Уж расцвёл, пострел!»

Подснежник белый, желтоватый –
Дар колокольчатых цветков
В снегах осевших буерака –
Прощенье мёртвых холодов!

Заря-зарянка ключ теряла
И вот теперь нашла его:
Зазеленело покрывало.
Вспорхнул к Пасхалии вьюрок.

«Тим-тим – тиль-тиль», – поёт округа.
И лопотунья мать-земля
Велит бежать мне чистым лугом,
Оставив дедова коня.

Золотое гумно

Если будет судьба вкривь и вкось,
То ты вспомни Ахматовой слово:
«В каждом древе – распятый Христос.
В каждом колосе – Тело Христово...»

Ничего не жалею для других.
Быть учителем вещим не смею,
Но на жатву придёт ученик,
Хоть и поле весной не засею.

Вот оно. Золотое гумно!
Предки знали и слово «гуменце» –
Крытый ток, где молотят зерно
И России колотится сердце.

Вёсла

У Иши долбушка* деда.
Осокорник меж талин.
На кустах развешен бредень.
Дед в округе – господин.

Первый петька кукарекнет.
Ты с веслом идёшь, босая.
И несёт на крыльях лето
Ласточка береговая.

Гнёзда – старые коряги,
Корешки торчат, как космы.
Чибиc будто в белой шляпе,
Ржаво-рыжее подхвостье.

День Марии Магдалины –
Можно пить по каплям росы...
Если хочешь быть счастливой,
Дед положит в лодку вёсла...

*лодка

Бог – это русский язык...

*Господь изрёк:
– Дам русским буквам волю:
Большое плаванье – большому кораблю!
Глаголицу всей мощью отглаголю,
Кириллицу всей правдой окрылю...
Николай Моршен*

Жизнь моя – пламенный миг!
С предошущеньем поэта:
Бог – это русский язык,
Тьму отделивший от света.

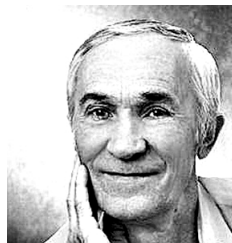
Что ты нашла там, душа,
В дебрях славянских угодий,
Угли в кострах вороша
С мыслью: «Кирилл и Мефодий...»

Север от Балтики – твой
До Адриатики, моря.
С Лабы до Волги родной –
Всюду словеньский наш говор...

Аз, Буки, Веди с огнём
Точно играют, как дети.
Золотом вспыхнет ладонь
С искрами азбуки в цвете.

Если бы мог алфавит
Разума духа живого
Век золотой возвратить –
Благоговения к Слову...

ВЛАДИМИР УДЕЛЯЕВ

Поэт, педагог, Владимир Александрович Уделяев родился в 1946 году в посёлке Троицк Алтайского края. Пленённый поэзией А.С. Пушкина, с 12 лет стал писать стихи.

Окончил Бийский педагогический институт, преподавал в школе русский язык и литературу. Живёт в селе Кызыл-Озёк.

Публиковался в газетах: «Голос хлебороба», «Алтайская правда», «Листок», «Правда Горного Алтая», в коллективных сборниках литературного объединения «Лира», с. Майма.

Автор книги стихов «Колокола России» (2011).

Ночь творчества

Сквозь тюль гардин глядит Луна,
Холодным светом стены лижет,
Висит упруго тишина;
Ночь наклоняется всё ниже.

А я гоню подальше сон,
Чтоб тишину в ночи послушать.
В стихи, как в омут, погружён –
До дна вычерпываю душу.

Я пробую слова на вкус,
На вес,

на слух,

на цвет

и запах...

Несу бессонницы я груз
По поэтическому трапу.

Но в пёстрой путанице троп
Свою тропу найдёшь не сразу.
А ночь злорадно, как Циклоп,
В окошко смотрит жёлтым глазом.

Я помню всё

Пусть много лет уже прошло с тех пор,
Я помню всё отчётливо – до боли:
Отцовский дом, некрашенный забор,
Цветущий луг и золотое поле.

Над хлебной нивой кружатся стрижи,
Звенит колосьев золото упруго,
И жеребёнок весело бежит
Навстречу мне по солнечному лугу.

А я гляжу в сиреневый простор
И мну в зубах душистую травинку...
Пусть много лет уже прошло с тех пор,
Я не забыл ту детскую картинку.

Нельзя забыть того, чем в детстве жил.
Оно – во мне, души моей частица:
И дом отца, и поле, и стрижи,
И жеребёнок, что по лугу мчится.

Погоня

Лето сеном улеглось в стогу,
Спит сурком под хвоей стройных сосен.
Снова я по просеке бегу,
Окликая недотрогу – осень.

– Ну, куда ты, рыжая? Постой,
Дай твоей красой налюбоваться;
Думаешь, легко мне за тобой
Столько лет по просекам гоняться?

Ты учти, ведь мне – за шестьдесят,
Груз годов сильнее давит плечи...
Не снимай свой праздничный наряд,
Не гаси берёзовые свечи,

Не туши рябиновых костров,
Дай у них ещё чуть-чуть погреться. –
Но не слышит осень этих слов,
Как не слышит перебоев в сердце.

Озорница убегает вдаль,
Пропадает в синеватой дымке,
Оставляя тонкую вуаль
Паутин над каждою тропинкой.

БРОНТОЙ БЕДЮРОВ

Поэт, публицист, переводчик, учёный-востоковед, Бронтой Янгович Бедюров родился в 1947 году в селе Онгудай, в семье поэта Янги Бедюрова.

Окончил Горно-Алтайский педагогический институт, Литературный институт им. А.М. Горького и аспирантуру Института Востоковедения. Кандидат исторических наук. Народный писатель Республики Алтай.

Работал сотрудником областной газеты «Алтайдын чолмоны», возглавлял Горно-Алтайский радиокомитет и республиканский комитет печати и информации, был директором Литературно-издательского дома «Алтын Туу». В настоящее время возглавляет общественную организацию «Союз писателей Республики Алтай».

Перевёл на алтайский язык «Маленького принца» Антуана де Сент-Экзюпери, а также ряд произведений японской поэзии.

Автор более тридцати книг прозы и поэзии, выходивших на алтайском и русском языках. На русском: «Песни молодого маймана» (1975), «Небесная коновязь» (1978), «Эль-Бабурган» (1981) и другие.

Стихи Б. Бедюрова переведены на английский, испанский, монгольский и японский языки.

* * *

Осень,
исчезли летучие мыши,
венчаны листьями мокрые крыши.
Месяц Марала.
Приблизился птичий отлёт.
Прыгать в седло
мне, джигиту, не внове,
шапку надвинув на самые брови,
лунной долиной
лошадь бросаю в намёт.

* * *

О, когда же
язычником быть перестану..
Утром белую спину
погладив туману,
в поднебесье стою
и в безмолвной мольбе
вновь,
Алтай мой Хангай,
поклоняюсь тебе!

* * *

Хладеет небесная просинь,
желтеет на поле жнивье.
Прозрачна алтайская осень,
шесть лет, как не видел её.
Колосья голодного детства
мы шли собирать налегке.
Куда нам от памяти деться?..
Слезинка ползёт по щеке.

* * *

Однорукий табунщик
В верховьях реки Каракол...
Был солдатом,
с войны
в сорок пятом пришёл.
и узнали соседи
в родной стороне,
что оставил Победе
он руку свою на войне.
А коней не оставил,
где травами
зыбится дол,
однорукий табунщик
в верховьях реки Каракол.

* * *

Стародавнюю песню
всю ночь напролёт
пели кедры,
завидев, как тучи,
наползая на белые кручи,
со снегами вели хоровод.
И на север
всё дальше летели,
их полёт становился могуч.
И гудели во чреве метели
у косматых беременных туч.

* * *

Под луной я не худший самый,
сумасбродный, как пляс костра,
и хочу говорить с твоей мамой,
что понятлива и добра.
Я заранее ей благодарен,
что она,
не прогнав меня прочь,
рассмеётся:
— Безумный парень,
вы мою полюбили дочь?!
Только в солнечный час иль звёздный
мысль ужалит её, как пчела,
как внезапно ты стала взрослой,
ещё маленькая вчера.

* * *

Сенокос был в разгаре,
а смерть за старухой явилась.
И взмолилась старуха:
— Прошу, окажи ты мне милость.
Приходи,
когда на поле лягут снега.
А теперь недосуг —
собирать надо сено в стога!

*Переводы с алтайского:
Я. Козловского, М. Акчурина.*

НИКОЛАЙ ВОРОБЬЁВ

Краевед, поэт и прозаик, Николай Меркульевич Воробьёв родился в посёлке Алтайском в 1947 году. Окончил сельское профессионально-техническое училище. После службы в армии окончил Барнаульский индустриально-педагогический техникум и филологический факультет Горно-Алтайского педагогического института.

Более 30 лет работал преподавателем в средней школе в селе Манжерок, где создал краеведческий музей.

Печатался в республиканской газете «Звезда Алтая», районной газете «Сельчанка», в коллективных сборниках литературного объединения «Лира», с. Майма.

Автор книг: «Ах, как не вспомнить годы детства» (2011), «Катунь – река моя» (2015), «Святое дело Победы» (2017).

* * *

Окончились дождь и слякоть,
Пришла золотая пора,
И солнца арбузная мякоть
Ласкает деревья с утра.

Маральник расцвёл на склоне –
Зимы не боится, чудак.
И водную гладь затона
Блесной будоражит рыбак.

* * *

Катунь, Катунь, река родная,
Среди друзей своих, парней,
Порою летнею, до дна я
Нырлял, бывало, меж камней.

Со скал высоких прыгал вводу,
В течение бурное реки,
И, вынырнув, врубался сходу
В пучину волн ребром руки.

На остров плыл вместе с друзьями.
На зависть местным мужикам,
Мы чебачков в прибрежной яме
Таскали удочками там.

Прошло здесь детство, юность тоже,
Не потому ли, на весь век,
Катунь и ближе и дороже
Из всех больших и малых рек.

С годами сменятся все люди,
В течение многих тысяч дней.
И лишь Катунь всё так же будет
Кому-то ближе и родней.

Забытая деревня

Сотню лет стоят сосны высокие
За цветущим когда-то селом.
Только сгнили кресты одинокие,
Что тесали лихим топором.

Одинокая яблоня пышно
Распустила узор лепестков,
А под яром река еле слышно.
Лижет глину с крутых берегов.

Соловей заливается трелью,
Для кого, непонятно, поёт.
Солнце катится с гор каруселью, –
Новый день на земле настаёт...

НАДЕЖДА ГАЙСИНА

Поэт, педагог и журналист, Надежда Николаевна Гай-сина родилась в 1948 году в селе Майма. Окончила Горно-Алтайское педагогическое училище и факультет журналистики Уральского государственного университета.

Работала собственным корреспондентом краевой газеты «Молодёжь Алтая», старшим редактором на телевидении, главным специалистом по СМИ в правительстве Республики Алтай, возглавляла республиканскую газету «Звезда Алтая». Основала и редактировала газету «Правда Горного Алтая», преподавала в Горно-Алтайском государственном университете на отделении журналистики.

Публиковала свои стихи в республиканской газете «Звезда Алтая», в коллективных сборниках литературного объединения «Лира», с. Майма.

Улыбка недотроги

Золотистый летний вечер,
Тихо веет ветерок.
Рядом остренькие плечи
Ощущает паренёк.

Большеглазая отрада
Загрустила у костра,
Одноклассников ватага
Жаждет песен до утра.

А луна глядит пытливо
Сквозь верхушки тополей,
Как пунцовеют стыдливо
Щёки молодых людей.

Разведут потом дороги
Эти нежные сердца.
Но улыбка недотроги
Будет жить в душе всегда.

Помнят берёзы

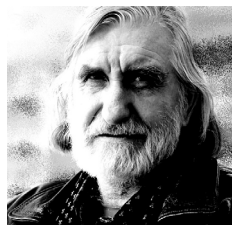
В ромашках бескрайнее поле
Приснилось в предутреннем сне.
До слёз захотелось, до боли
Пройтись по родной стороне.

Щекою коснуться берёзы,
Услышать дыхание трав,
Припомнить девичества грёзы,
От времени чуть поотстав.

Как летом с подругой любили
Над речкой в тиши посидеть,
Почувствовать запах полыни,
На тёмные воды глядеть.

Мы мало тогда говорили,
За нас говорила река.
Мы юностью счастливы были
И дружбой своей на века.

ВЛАДИМИР ПАВЛЮШИН

Поэт и религиозный мыслитель, Владимир Алексеевич Павлюшин родился в 1949 году в Подмосковье. Писать начал с юности, сочиняя гимны и молитвы.

Учился в строительном техникуме, на Высших литературных курсах при Литературном институте им. А.М. Горького.

Работал бетонщиком, плотником, бригадиром, резчиком по дереву.

С 1979 года живёт в Горном Алтае, в селе Нижний Уймон.

Автор семидесяти книг религиозно-философского содержания, опубликованных под псевдонимом Константин Устинов.

Публиковался в журналах: «Дельфис», «Наука и религия», «Евразийцы», в сборнике «Алтай: духовное измерение», в коллективном сборнике «Мультинские встречи».

Автор сборников стихов: «Серебряная Нить» (1999), «Кедровый посох» (2007), «Звёздные крылья удачи» (2010), «Одинокое дерево в Сердце Вселенной» (2011), «Узоры пути» (2012), «В этом вихре судьбы» (2015), «Я к вам зашёл лишь на мгновенье» (2016), «Молнии прожитых дней» (2017), «У подножия горных ветров» (2017), «Ветер горных вершин» (2018), «Дороги времени» (2018).

* * *

Тебя я осыпал незабудками взглядов.
Ароматной волной обожанья блестели молнии глаз.
И луна забиралась сквозь ограду цветущего сада.
Яркокрыло летел нескончаемый праздника час.
И луна всё глядела украдкой.
И цветы осыпались вишнёвые.
В нежном плене объятий мы
расстаться никак не могли,
И шуршало от ветра твоё васильковое платье –
Его жаркие руки мои, как цветы, оплели.

* * *

Нам не спастись от новолуния,
Когда им ночь озарена,
Когда над струями Катунь
Луны поющая волна.
Тот мягкий свет
Всё стелет тени
От гор, деревьев и домов,
И оживают все видения,
Заслышав этот неба зов.
В такую ночь нам невозможно
Уснуть и успокоить дух.
Струится свет, такой тревожный,
Звон тайны наполняет слух.
И всё по-прежнему понятно –
Лежит долина под луной,
И лишь скользят по полю пятна
Дрожащей облачной игрой.

* * *

Я шёл через Уймонскую долину
Весенним утром прямо на восход.
Передо мною звёздные глубины
В звенящий собирались хоровод.

Усть-Кокса за спиной моей светилась.
Сырые ветры отгоняли сны
И по небу весеннему катилось
Разломанное яблоко луны.

* * *

Лебединые крылья Белухи
Обнимают меня в тишине.
Словно белые девичьи руки
Прикасаются нежно ко мне.

Ах, Белуха! Я вечный твой пленник.
Я влюблён, я влюблён, я влюблён.
Грезит в дымке ночной можжевельник,
Навеяв таинственный сон.

Сердце греет своей чистотою
Нежность глаз сокровенных твоих.
Полон я первозданным покоем
Навсегда – не на день, не на миг.

* * *

Подсолю любовью слёзы,
Боль легко им отдавая.
Осень, по долинам осень.
Осень, осень на Алтае.

Унесло потоком листья.
Вновь Катунь чиста, прозрачна.
За познание вечных истин
Я б отдал свою удачу.

Пусть судьба мне приготовит
Новые посланья счастья.
С сердца стуком
В каждом слове
Я пошлю ей благодарность.

Для меня слова – живые,
Для меня слова – посланцы,
Золотые, огневые
В радости священном танце.

Не утонет мир в печали,
Не погасит ветер проседь.
Осень, осень на Алтае,
Жизни моей давней осень.

ДИМАН БЕЛЕКОВ

Поэт, журналист, учёный, драматург и общественный деятель, Иван Итулович Белеков (литературный псевдоним – Диман Белеков) родился в 1953 году в селе Сальдяр Республики Алтай.

Окончил Литературный институт им. А.М. Горького и Академию общественных наук. Кандидат исторических наук.

Работал консультантом писательской организации Горного Алтая, сотрудником, а позже главным редактором республиканской газеты «Звезда Алтая». Занимал посты: заместителя Председателя Правительства Республики Алтай, заместителя Председателя Государственного Собрания «Эл Курултай», министра культуры и кино Республики Алтай. В настоящее время – депутат Государственной Думы РФ.

По пьесе Д. Белекова «Восхождение на Хан-Алтай» поставлен одноимённый спектакль.

Автор более десяти сборников стихов на алтайском и русском языках, в том числе: «Цветущее поле» (1974), «Ветры молодости» (1977), «Поющие кедры» (1982), «Песни в кругу» (1985), «Звёзды в роднике» (1991), «Возвращение к Бай-Тереку» и «Катунь – моё море» (2013, двухтомник).

Стихи Д. Белекова переведены на русский, башкирский, татарский, тувинский, казахский, латышский, азербайджанский, киргизский и украинский языки.

Песня лебедя

Божий мир, я лебедь твой!
Живу в просторе синем,
А надо мной и подо мной
Бескрайняя Россия.

Лечу на Запад иль Восток –
Над сказками и былью.
Вселенский, слышу, ветерок
Мне обжигает крылья.

А жажда жить, летать, любить
Во мне неутолима.
Хочу я радость возвестить
Вершинам и долинам.

Град Китеж – не святая ль Русь?
Живёт в ней образ Бога.
К плечу батыра прислонюсь,
Чтоб осветить дорогу.

Огонь слезы смахну крылом –
Слёз радости иль горя! –
Введу его в родимый дом
У озера, у моря.

Боль остужу в груди его
И взмою вглубь Вселенной.
О Хан-Алтай, о божество!
Я лебедь твой священный.

Лечу под солнцем и луной,
Светло в просторе синем.
А надо мной и подо мной
Бескрайняя Россия...

Сколько нас

Встречай весну, мой древний край!
Стою, застыв, на тропке Млечной.
Чабан в седле, святой Алтай!
Кукушка отмеряет вечность.

Какая тишь! Какой простор!
Объять весь мир – души не хватит.
Суровый взгляд священных гор
На тех, кто связь с землёй утратил.

Всё ближе, ближе Судный час.
В безлюдной тьме шныряет ветер.
Так сколько же осталось нас,
Алтайцев, на Земле-планете?..

Душа Москвы

С Востока я лечу к тебе, твой верный сын, а не кликуша.
Москва, я чувствую тебя. Я осязаю твою душу.

Надмирный колокольный звон – с тревогой, радостью и грустью.
Здесь обостряется родство, когда набат гудит над Русью.
И белокаменный дворец, как снег заоблачной вершины.
И не огней движенье – звёзд. Снуют, как спутники, машины.

Нет, ты, Москва, – не Третий Рим.
Ты православна и былинна.
В тебе открытая душа.
Ты – крестный путь христианина.

И Третьим Римом не бывать!
Зачем ему уподобляться?

У нас свой путь, своя судьба.
свои святыни, старцы, святцы.

В тебе живёт могучий дух – неперехожая калика.
Москва, ты русская душа. Быть может, с евразийским ликом.
Москва, лечу с Востока я – к тебе за вдохновенным словом.
Ты, как связующая нить, божественного и земного...

Делегатская улица

Плавятся окна и крыши.
Вечер рождает луну.
Шёлковый ветер колышет
Зыбкую тишину.

Город, как ёлка, расцвечен.
Чувств не вмещают слова.
Ходит по улицам вечер –
Милая сердцу Москва!

Тает вечернее солнце,
Жаркий асфальт золотя.
Ищет родное оконце –
То, что скрывает тебя,

Таинство наших свиданий
И целомудренность грёз.
Мы и во мгле мирозданья
Не пропадём среди звёзд.

Вздохи влюблённых и улиц.
Ночь скроет наши следы.
В душах – открытость июля,
Свет от далёкой звезды.

Мой ветер

По великим пространствам степным
Дни и ночи за ветром шальным,
Дух Вселенной вбирая в себя,
Я летаю, свободу любя.

С поднебесья спускается он
С вдохновляющей силой своей –
Ветер мой – из далёких времён
Доблесть древних богатырей.

Если я заплутаю в пути
И дорогу не в силах найти –
Ветер мой – оберегом от бед –
От любимой желанный привет.

Замаячит беда вдалеке,
Зависть сердце сожмёт в кулаке –
Ветер мой – благодатный очаг,
Согревающий душу в ночах.

И опять я в просторах степей
Ни ночей не считаю, ни дней.
Я могу заарканить луну,
Шпоры дав своему скакуну.

Ты, о ветер дорог! –
Щит мой – жизни залог,
В ледниках белоснежных
Алтайский мой Бог!

ОЛЬГА ГРАКОВА

Поэт, педагог, журналист, Ольга Ивановна Гракова (1953 – 2003) родилась в Бийске.

Окончила Барнаульский педагогический институт, факультет иностранных языков. Владела французским и немецким.

Работала штатным сотрудником газеты «Алтайская правда» (Барнаул), методистом Турочакского районного дома культуры, собкором газеты «Звезда Алтая» по Турочакскому району, в районной газете «Народная правда», преподавателем немецкого языка в школе с. Турочак.

Публиковала свои стихи в республиканских газетах: «Звезда Алтая», «Алтайская правда», в коллективном сборнике поэтов турочакского района «Поэзия».

Автор сборника стихов «Меж сосен и звёзд» (2003).

* * *

Вы верите в переселенье душ,
В единство крыл и плоти, и кореньев?
Есть у души особенное зренье.
О чём напомнить может эта глушь
И те места, в которых в первый раз
Мне довелось случайно очутиться?
Течёт река. Я на мосту. И мнится,
Что я однажды здесь уж родилась.
Не помню – кем, да это и неважно:
Быть может, этим хрупким стебельком,

Иль этим вот осенним мотыльком,
Или вот этим деревцем отважным,
Что забралось на голую скалу,
Бог весть, какими силами хранимо...
А дни и годы проплывали мимо,
Как капли дождевые по стеклу.

Я – облако. Я – талая вода.
Я вечно буду. Я была всегда.

Из цикла «Зелёная ведьма»

Если бродишь по белу свету,
И сухарь твой в суме – последний,
Попроси у меня совета.
Я теперь – зелёная ведьма.

Ты накликал мне эту участь.
Я – твой недруг и друг, и данник.
Наконец-то живу, не мучась
Утомительным ожиданьем.

Ожила я и, видишь, снова
В платье белое наряжаюсь.
Значит, кстати пришлась обнова,
Но венчанье – такая жалость –

У невесты твоей любимой
Не с тобой, а с твоею тенью.
Ну а ты, проходящий мимо,
Брось цветы на мои ступени!

* * *

Если сердце устало любить –
Это значит: задумались звёзды,
И живая вселенская нить
Зацепилась за терпкие гроздья
Чьей-то боли иль чьей-то вины,
Или шутки не очень удачной.
Чьи-то души темны и больны,
А другие светлы и прозрачны.
Но ни тем, ни другим не дано
Пригубить беззаботного счастья.
Всем – из тёмной бутылки вино,
И лепёшку – на равные части.

* * *

Любовь не требует гарантий,
Не чует проку в векселях,
Не признаёт грошовых мантий,
Кочуя на семи ветрах.
Её смешит любая крепость,
Она повсюду – и нигде,
И кольцевать её нелепо,
Как ставить метки на воде.
Она щедра и безрассудна.
Она жестока и умна.
Морали ржавой неподсудна,
Не знает меры, края, дна.
Сыграет нежно на свирели,
И вдруг – прощальная труба.
Наотмашь – души, настежь – двери,
Вразлёт – надежда и судьба.

* * *

Больше не гнетёт меня бездомность,
Хоть достался мне случайный кров,
А ночная звёздная бездонность
Мне тепла, как родственная кровь.

Я ещё летать не научилась –
За собою чувствую вину!
Но со мною что-то приключилось –
Будто кто-то ключик повернул.

Мне теперь по-новому поётся.
А двойник мой прежний – ну его! –
Он в лицо из зеркала смеётся,
Не прикрывшись даже рукавом.

Всё как было. Всё на прежнем месте.
Угощением – те же сухари.
Но читаю радостные вести
На конверте утренней зари.

* * *

Не ждать ни писем, ни вестей,
Не знать печали.
Концы старинных повестей
Прочесть в начале.
Подозревать, что суть вещей,
Как тень, безгласна.
Владеть искусством кислых щей
Простым и ясным.
И, чей-то голос услышав
За поворотом,
Уйти подальше от греха,
Закрыть ворота.

* * *

Я не боюсь вечерней темноты –
В ней тоньше слух и зрение острее.
Мы с ней давно не то чтобы на ты,
Но что-то в ней притягивает, греет.

В прикосновенье робком сонных трав
К ступням моим, коленям и ладоням
Как будто оклик: «Подожди, сестра,
Остановись, тебя мы не догоним.

Замри, как мы. Велением корней
Мы – пленники земли. Но этим пленом
Мы от напасти освобождены –
Как ты, скитаться под холодным небом.

Повремени до утренней звезды,
Коль мы обет нарушили молчальный.
И говорим: побудь немою ты,
Побудь живой травинкой не случайной

На этом склоне, потому что нет
Случайных жизней, хоть и безымянных.
Звезда и ты – значеньем наравне,
Ведь в этом мире нет гостей незваных.

Тебя коснётся безмятежный дух,
Блаженный дух любви и всепрощенья,
Чтобы у всей Вселенной на виду
Свершилось чудо перевоплощенья.

Чтоб, имени не зная божества,
Что в гимнах не нуждается нисколько,
Ты ощутила б древнего родства
Великое и вечное начало».

ИННОКЕНТИЙ ТЕНГЕРЕКОВ

Поэт, публицист, историк, Иннокентий Сергеевич Тенгереков родился в 1953 году в селе Кош-Агач Республики Алтай, в старинном роду теленгетов.

Окончил физико-математический факультет Горно-Алтайского государственного педагогического института, экономический факультет Алтайского государственного университета, аспирантуру Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР. В 1991 году прошёл стажировку по специальности «Менеджмент» в Пенсильванском университете США. Является руководителем нескольких организаций.

Автор историко-этнографического очерка «Теленгеты» (2001). Автор альбома стихов «Кан-Алтай» (2003).

Белуха

Кан Алтай, твоя гордость:
Три вершины, закованных в лёд.
От Белухи исходит бодрость,
На орлиный тянет полёт.

Облететь три вершины желаю
И ступить на Белуху ногой.
Жаль, что завтра я уезжаю
И мечту увожу с собой.

Три огромных кристалла сияют,
Белизной своей режут глаза.
В бликах Солнца они играют
И чисты, что моя слеза.

Здесь Катунь рождена Белухой,
Гуркин тропы здесь все исходил,
И марал ревел маралухе.
Рерих эти места посетил.

Высочайшие три вершины
Уч Сумером народ назвал.
И в Уймонской горной долине
Дань свою народ им отдал.

Холодные звёзды

Над Чуйской долиной ночь.
На небе холодные звёзды.
Так осень уходит прочь,
Развесив звёзды, как грозди.

В чёрной аспидной мгле
Мерцающих звёзд холодок
Меня на озябшей земле
Пронзил с головы до ног.

Осень ушла, уступая
Зимней ночи наряд.
Над степью от края до края
Холодные звёзды горят.

Бабье лето

Вот и пришло бабье лето,
Катунь отдаёт бирюзой.
Берёза во злато одета,
Омыта осенней росой.

В рубинах рябина прелестна.
Кармином рубины горят.
Средь елей она, что невеста,
Надела осенний наряд.

В тайге затрубили маралы
Напевы осенней любви.
Кукушка считать перестала,
И клином летят журавли.

Осеннее синее небо
Их провожает в полёт.
В лощинах золото хлеба
Ветер ласкает, поёт.

Ветер приносит прохладу,
Осинка, краснея, дрожит.
Он бабьего лета усладу
В медленном вальсе кружит.

Лишь ели да кедр могучий
Оставили свой наряд.
Стою, опьянённый, над кручей,
Я бабьему лету так рад!

Катунь

Уч Сумер не заплёл тебе косы,
И в глаза он в твои не взглянул.
А глаза изумрудно-раскосые
Так искрились и рвались в разгул.

Вот сбежала с горы ты в долину,
Понеслась по каньонам средь скал.
И дорога казалась длинной –
Ты спешила на свадебный бал.

Твои волосы бились о скалы,
Поднимая бурун за собой.
И пороги они хлестали,
Омывая холодной волной.

Твоё сердце стремилось к Бию,
Сумасшедшей неслась ты к нему.
Изумрудной осталась и милой,
Верной только ему одному.

На равнину ты вышла степенно
И попала в объятья его.
Твои волосы вздыбились пеной,
И на сердце на миг отлегло.

И, обнявшись, вдвоём величаво
Воедино слились вы навек.
«Ак Умар, – говорю я вам, – bravo!»
Как познавший любовь человек!

Уч Сумер – гора Белуха.

Ак Умар – алтайское название реки Обь.

Апрельские ветры

Апрельские ветры подули
Над Чуйской степью весной.
Как будто от спячки проснулись,
Прощаясь с холодной зимой.

Вот ветер родился из вихря,
Свистя, завывая, рванул.
Минуто казалось: всё стихло.
А он с новой силой задул.

Он мелкий песок с белой пылью
Порывом в секунды поднял.
Прошёл над степною полынью,
Меня он по-братски обнял,

Обнял, закружил в клубу пыли,
Напудрил лицо от души,
Вдобавок мне шею намылил,
Песок в волоса накрошил.

Со мной поиграл, посмеялся,
Оставив меня, улетел –
До завтра со мной попрощался,
Над ухом моим просвистел.

ВАЛЕРИЯ ВАНИНА

Валерия Ивановна Тюхтенева (литературный псевдоним – Валерия Ванина) родилась в 1954 году на станции Пенек Новосибирской области. Окончила Новосибирский электротехнический институт связи. Работала по специальности в Тобольске и Горно-Алтайске.

Публиковалась в республиканской газете «Звезда Алтая», поэтических сборниках: «Огни гавани» (2014, Санкт-Петербург), «Наследие» (2017, Москва); в коллективных сборниках поэзии и прозы литературного объединения «Лира», с. Майма.

* * *

Мы будем думать о весне,
Пока что календарной...
За окнами всё снег, да снег
В масштабах планетарных.
И город, словно НЛО,
Завис в пространстве белом,
Сигналя вместо SOS – «Мело»,
Мело... во все пределы»...
Не споря с климатом вовне,
В сердечной канители
Мы будем думать о весне
В плену иной метели.

* * *

Возвращение – стая грачей
на заброшенной пашне ничьей,
на дороге, к погосту ведущей.
Возвращение – рвут мою душу
у колодца старинный журавль,
покосившийся дом, что корабль
на мели возле ивы плакучей.
Поднимусь по ступеням скрипучим,
от замка на двери нет ключа...
Как случилось, что я здесь ничья?

* * *

Весна. День первый. Понедельник.
За окнами чудовищем морским
На берег выброшенный штормом
В лохмотьях старый мир лежит
И смотрит блеклыми глазами...
Ни взгляда не отъять, не стать немым
Свидетелем чужих мутаций,
Лишь соучастником, и с ним:
Текучесть жаберных дыханий
Менять на жадный вдох открытым ртом,
Подстраивать фокусировку
По-рыбы близоруких глаз
Под киллеровски дальнозоркий,
Всегда прицельный, соколиный взгляд,
Ленивых плавников движение
Ломать под жёсткий ритм крыла...

И вдруг взлетать,
И в небесах весенних
Летать без усталости, летать
От понедельников
до воскресений.

* * *

Незванные приходят зимы.
Ложатся белые снега.
Следы любимых, нелюбимых
Читаю с чистого листа.
А за спиной метель погоней,
Бежать – пульсирует в крови
От монохромности агоний
Лесов и рек, от нелюбви...
Под своды выставочных залов,
Где маки яростно цветут,
В горсти хранят седые скалы
Озёр пречистый изумруд.
Где слышен журавлиный клёкот
У флейты в перекличке нот,
И где в «прекрасное далёко»
С собою девочка зовёт.

Уроки каллиграфии

Так тонко, изысканною каллиграфией
Следы сорочки вписаны в снега.
Иероглифы цепочкой аккуратною
Плели интригу на потребу дня.
И падала лиловой кляксою случайно
Тень прямо на финальную строку.
И многоточием рассыпались все тайны...
Утешить сердце чем смогу?

Затерянный мир

два портрета на фоне
рождественской ёлки,
где на первом в ладонях
держит девочка шар –
в нём дробится улыбка
на тысячу бликов,
в глубине зазеркалья
притаилась звезда...
отражается мир,
как иная реальность,
миражом
вне портретного
житья да бытья:
слева падает снег
за окном
белый – белый...
справа ярко в камине
полыхают дрова...

.....

на портрете другом –
нет у девочки шара...
нет сегодня дороги
в тот затерянный мир...
там теперь без меня
снег идёт белый-белый,
без меня в старом доме
жарко топят камин...

ИГОРЬ МУХАНОВ

Поэт, прозаик, собиратель волжского, бурятского и алтайского фольклора, Игорь Леонидович Муханов родился в 1954 г. в городе Бузулуке Оренбургской области. Окончил Самарский государственный университет и Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А.М. Горького.

Работал школьным учителем, корреспондентом в областных газетах Новгорода и Самары, директором книжного издательства. С 2006 года живёт в Горном Алтае.

Публиковался в журналах: «Дружба народов», «Урал», «Сибирские огни», «Дальний Восток», «Алтай» и ряде других, в республиканской газете «Звезда Алтая», районной газете «Уймонские вести», в различных коллективных сборниках.

Является основателем Фестиваля поэзии, проводимого в Уймонской долине под патронажем Союза писателей Республики Алтай.

Автор десяти художественных книг, в их числе сборников поэзии: «Господнее лето», «Командировка на Землю», «Алтайский часослов», «Альфа-любовь и Бета-война».

О чудесах, случающихся в Уймонской долине

Уймонской долиной еду,
вдыхая ночную свежесть.
Имею буханку хлеба,
да нечем её разрезать!

Я нож позабыл в Харбине,
в старинных книгах военных,
в отказе моей любимой
алтайскою стать царевной.

Такого Алтай не помнит,
считай, со времён Ойротов:
месяц в военной форме
шепчет любимой что-то.
Она вздыхает – Венера,
светило предков далёких!
Щекочет бедные нервы
буханка хлеба в котомке.

– Где нож раздобыть мне острый, –
спросил я месяц двурогий, –
чтоб запах почуять росный
любви и дальней дороги?
Чтоб охала селезёнка
от вкуса ломтя и соли,
и ветер сушил пелёнки
тумана в пшеничном поле?

Месяц буханку хлеба
видит и голод чует.
Брызжет слюна по небу,
Чуйскому тракту и Чуе.
Ужо вам, дела земные!
Сверкнуло в ночи железо...
На ломтики золотые
месяц мой хлеб порезал!

Эпифания любви, её таинственному пробуждению

Твоя рука притронулась к луне,
в реке плывущей, – значит, и ко мне.

Я помню, что шепнул мне ветерок:
ты – вестница рассвета, мой урок!

Ты пробуждаешь память прошлых лет
о том, что ты – река, и смерти нет.

В твои живые струи загляну,
поймав полночный ветер и луну.

Благопожелание раненой песне

Открыты старые сени
послушать в саду сороку.
У песни моей осенней
пробито крыло горохом.

Лечись, моя песня, светом,
пойманным в тюли окон,
когда он полынным летом
поёт в тишине глубокой.

Летай за водой в Архангельск,
за крошками хлеба – в Киев.
Пускай за тобою Ангел
спешит с шарами и кием.

Ты вся – в саду чаепитье,
когда самовар на блюде
пускает пары наитья
и чай разливает людям.

Девушка из Уймона

Осень ждала Долина,
пахли дожди лимоном.
Даль ночную поила
девушка из Уймона.

Ключья брала тумана,
мяла в ладони узкой,
словно святую манну
людям и трясогузкам.

Скрип у колодца слышен,
смех живой и объятья.
Это пришли напиться
вишни в лиловых платьях.

— Девушка, дай нам Слово,
которым звёзды и дети
украсить рога коровы
мечтают в память о лете!

Девушка дарит вишням
сердце своё нагое,
и как она часто дышит,
слышат дальние горы.

Песня беременной женщины своему ребёнку

*Женщина с двумя сердцами,
плывущая по морю воспоминаний...*

Ступай тихонько, мой мальчик,
по крыльям птиц разноцветных,
в горах уснувших без плача,
скалой укрытых от ветра.
По родникам золотистым,
шептать умеющим громко
о том, как звенят монисты
внизу, в селении горном.
По белой росе, по камню,
по тёмным ночным стрекозам,
поющим крыльями «амен»
под утро горным морозам.
По снегу в пятнах лазури,
укутавшему вершины,
по косточкам белой бури,
спустившейся к нам, в долину.
По лунному свету, ярче,
чем перья птицы Гаруды,
спускайся в наш мир, иначе
как жить без тебя я буду?
Библейской слезою плачут
уколы моих бессонниц...
Спускайся в наш мир, мой мальчик,
под звуки хрустальных звонниц!

Основы самоврачевания

Амыру-пастуху в расцвете лет
понадобились юные берёзы
и бабочки над клевером, и розы,
хранящие малиновый рассвет.
И друг-ручей Амыру-пастуху
пиликает на каменной свирели
хрустальный сон, святую чепуху
о том, как в небесах летают ели.
Что делать? Как найти ему врача,
что выжимает сок из кирпича
и эликсир любви даёт больным?
Да очень просто: над аилом – дым,
внутри – огонь, и всюду по аилу
летают косы Каначаки милой.
Поймаешь эти косы за концы,
и запоют весенние скворцы!

Луна торгуется с поэтом, приехавшим на Алтай

Вдали луна, как яркий семафор,
указывает путнику дорогу.
Мол, ехать можно с некоторых пор,
но подарите что-нибудь, ей богу!
Я так люблю источники наитий...
Хотя б пустяк, мой друг, но подарите!
Быть может, порох, старое ружьё
иль сердце обнажённое своё!

ГАЛИНА СВИРИДЕНКО

Галина Николаевна Свириденко родилась в 1955 году в селе Бобково Алтайского края.

Окончила медицинское училище и Горно-Алтайский педагогический институт, географический факультет. Работала в медицинской отрасли, преподавателем в школе, внештатным корреспондентом в республиканской газете «Звезда Алтая», корреспондентом в газете «Чойская летопись».

Публиковалась в республиканской газете «Звезда Алтая», в районной газете «Сельчанка», в коллективных сборниках литературного объединения «Лира», с. Майма.

Автор книги «И снова день» (2011).

На дороге лежат стихи...

Задержалась в ночи заря.
Сохнут травы, дождями избитые.
Лес обилье листвы потерял,
Птицы в небо стремятся, сытые.

Посвернулись в руно лопухи,
Сохнут травы, дождями избитые.
На дороге лежат стихи:
И затоптанные и омытые.

Солнце яркое...

Солнце яркое, сегодня посохом стань мне,
Чтобы почувствовала запах травы на камне.
А ещё на брелочке удачу и смелость,
Да, хорошо бы озеро, как бассейн, прогрелось.

Поторопилась бы у весны наместница,
Да не крутой была переходов лестница,
Чтобы пальцы сжимали ключи от хижины.
И друзей по пути, и поменьше обиженных.

И ещё, чего сможешь, прибрось на свои весы –
Пенья птиц на рассвете и блестящей росы.
Сохрани от нужды и потерь, и врагов, и ссадин,
Чтобы завтрашний день был не так прохладен...

Никто не спросит...

Он есть у всех, не став ничьей виной,
Он разделяет мир ночной, дневной.
Живут совсем без удивления при нём,
Никак иначе. Он – дверной проём.
Как мог, собой доверие внушал,
И всякого открыто приглашал
Войти, столь откровенно, ну и дальше,
Смысл обращения без фальши.

– Присядь. Не хочешь? Иди дальше.
Не удивляйся ничему,
И не тебе здесь одному
Есть и приют, и хлеб, и полог,
И путь, короток ли твой, долог
В известные тебе миры,
Никто не спросит до поры.

Ночь, считается, тоже жизнь...

Предыдущая ночь прошла,
А сегодняшняя – не приступила.
Сколько их не было или было
Новым знаменiem в «аншлаг»?

И молчит, оставаясь несведущей,
А зима уже позади. Не жаль.
Разорвавшейся петарды вуаль
В притолоку. Что в следующей?

И пока темно, кричи свой «Виват!»
Впереди опять тучи – конницей.
Если хочешь, шути с бессонницей,
Всё равно, всегда другой виноват.

Без претензий. Себя придержи,
В темноте не оглянись.
А уверен, что не обманешься?
Ночь, считается, тоже жизнь...

Мне досталось...

Мне достало того, что есть.
Будет лучше – благодарность Всевышнего.
Это счастье, что минуема мечь, –
То Господь меня избавил от лишнего –
От слезы скупой, от травли, обид.
Поразмыслишь, а ведь это немало...
Как положено, так и лежит
Столь загадочной судьбы одеяло.

Ну, а лучше могло бы быть:
Интересней, весомей, богаче?
А и впрямь, ну-ка, будь всё иначе,
Чем бы стала за всё платить?

Приходим на землю...

Приходим на землю без чая и чашки,
Не только за тем, чтоб гадать на ромашке,
Есть скорости жизни, а есть передышка,
Ещё не до дыр вся зачитана книжка.

Ещё есть пространства, картины, абзацы,
И смыслы постигнуты только лишь вкратце,
И рядом соседствуют травы густые,
В земле есть пробелы и тоже пустые.

Пещеры и камни, и льды, и болота,
И все ждут открытий, и всё ждёт чего-то,
Как люди и звери, как море и птицы,
И смотрят с тревогой они в наши лица.

И ждут перемен, может быть, постоянства,
И мы, постигая возможности «царства»,
Живём, пребывая, и странно уходим.
И всем непонятно, зачем мы приходим.

Приходим, проходим, бредём отдыхая,
С трудом, понемногу и часто вздыхая,
Глаза раскрывая и прячась в подушку,
Себя утверждая, не видя друг дружку.

И нет остановки. Барьеры, рельефы,
Скупой полуправды надежды и блефы,
Часть жизни сменяя, другую храня,
В границах сегодняшних ночи и дня...

АЛЕКСЕЙ ГАЕВ

Поэт, художник, Алексей Алексеевич Гаев родился в 1955 году в селе Парамоново Орловской области. Окончил Орловское художественное училище. С 1980 года живёт на Алтае, в селе Союзга. Работал художником-оформителем, художником народных театров, преподавателем изобразительного искусства в детской школе искусств.

Публиковался в республиканских и районных газетах, в коллективных сборниках литературного объединения «Лира», с. Майма.

Автор сборников: «Избранные стихотворения» (2008), «Казачий круг» (2012), «Собрание стихотворений» в 3-х томах, (2013-2014), «Нежное дыхание свирели» (2018).

* * *

Тихая речка с илистым дном,
с чётким рисунком подводных барханов,
в солнечных искрах бегущая днём,
ночью несущая шлейфы туманов.

В чистой воде отражается высь;
рыжие хвои плывут по теченью...
Осень. Белёные травы сплелись
лёгкой мелодией отдохновения.

* * *

Пряжа дождей размоталась
в синих клубках тучевых...
Эхом в горах расплескалась
сказка племён кочевых.

Львиные грозные рыки,
крылья таинственных птиц
стали в холмах Пазырыка
знаками древних гробниц.

Кладами полные недра
морщат скалистые лбы.
Корни смолистого кедра –
символ могучей судьбы.

Песней и зовом взлетая
к тайнам космических сфер,
блещет корона Алтая,
чудо-гора, Уч-Сумер.

В струнах звенящих топшура,
в песне гортанной кайчи –
мудрость живёт и культура,
знания бьются ключи.

Вереском, мёдом и мятой
дышат поляны, луга...
Возле озёр, как солдаты,
ели выросли в берега.

* * *

Голубизна дневных небес
и золото небес закатных,
И много, много невозвратных
картин. Их красок блеск исчез
иль стёрся, в памяти хранимый...
Ничто, ничто неповторимо!

Печаль, быть может, и сильна —
пусть жизнь течёт рекой заветной!
За этою волной приветной
пусть новая спешит волна.

И снова я иду в поля...
В долине вечер тает тихо.
Лишь изредка, вдали пыля,
случайный всадник скачет лихо.

Восток всё мгlistей и синей,
а запад — полыхает рьяно.
От придорожного бурьяна
исходят запахи сильней.

Цветы взбегают по холмам,
что изумрудом щедро крыты,
и в радости немой открыты
глаза их — летним небесам.

* * *

Катунь, очистившись от льда,
Бежит на север, всё туда,
Где, слившись с Бией, – станет Обью...
Вкруг сосен пляшут сквозняки,
И молодо березняки
Стреляют вверх зелёной дробью.
Струится трав атлас и шёлк,
И ты всё взять не можешь в толк:
Кто разбросал цветов букеты?
Лесные тропки – в иглах хвой,
И щебет птиц над головой
Зовёт любить весну и лето.

* * *

Рedeют кроны у берёз,
на землю сбрасывая листья,
И лес горит, как шуба лисья,
а утром по горам мороз
кусты и травы сталью кроет...
И новая хозяйка гор –
тишь севера – с недавних пор
хранит мелодию покоя.

ВЕРА КОВАЛЬ- ЯРОСЛАВЦЕВА

Вера Александровна Коваль-Ярославцева родилась в 1956 году в селе Очуры Красноярского края. Имеет высшее инженерное образование (Красноярский институт цветных металлов) и неоконченное педагогическое. Работала директором картинной галереи города Саянска Иркутской области. Участница семи персональных художественных выставок.

С 2007 года живёт в Горном Алтае, в с. Нижний Уймон.

Публиковалась в газете «Листок», коллективных сборниках поэзии Уймонской долины.

Автор прозаического сборника «Когда не ждёшь» (2016, Ульяновск), вышедшего вместе с художественным альбомом «Забытые боги», посвящённым славянской мифологии.

Автор поэтического сборника с авторскими иллюстрациями «Белый цветок» (2020, Ульяновск).

Будто имя прозвучало

Будто имя прозвучало...
Но никто не звал меня.
Свежесть утренняя дарит
Мне жемчужного коня.

Тайна белого тумана
Плещется в моё окно.
Из его холодной чаши
Не отпито молоко.

Будто скрипнула калитка.
Не входите. Нет меня.
Молоко ещё вскипает –
Нового, большого дня.

Сарафан ещё не выбран,
Не покрыты волоса.
Не входите, не входите –
Скоро высохнет роса!

Это

Мне нравится твоё молчанье
И тихий дождик за окном,
И мягкость облаков,
И птицы причитанье,
Облитое прозрачным молоком.

Волнение за рамкой дня.
Вот-вот проснётся
Иволга раздумья
И новая откроется тетрадь
Принять строку, как будто знак вниманья –
Простое отражение святого,
Прозрачного, беззвучного Его.

Оно, немое Это, протекает
Сквозь тело неродившегося дня,
Толкается и что-то вспоминает,
Сравненья ищет, тихо умолкает
Смиренно понимая невозможность
Проснуться в измерении времён,
Где плотность бытия неодолима
И числа не построились в закон.

Мне нравится твоё молчание,
Но птица причитает за окном,

Пренебрегая проливным дождём,
Смывающим придуманные рамки
И чисел ряд, дробя скалу водой.

* * *

Опять ищу я образные строки,
им разумом в который раз молясь...
Устав логично упражняться,
Я бабочки дыхание ловлю,
Её полётом отвлекаясь,
Нечаянно те нахожу слова,
Которые давно уж ожидали
движение моего пера.

Волнение строит город необычный,
Оно сплетёт события узор.
Из пролитых глубин
Чернильницы небесной
Запишет птичий разговор.
Запишет песни ветра,
Гроз дыханье,
Планетный вздох,
Листвы дрожанье
И дальний колокольный звон.

Зачем, зачем небесные чернила
Моя душа так требует добыть?
Зачем на землю тёмную, тоскую,
Их надо обязательно пролить?
Запачкать пальцы о перо
Стремлюсь я,
Пусть в кровь мою войдёт
Венчальный круг,
И жемчуг миропониманья
Пусть вырастет
Из мысленных потуг.

ВЛАДИМИР КОСТИН

Заслуженный работник культуры Республики Алтай, сценарист, Владимир Васильевич Костин (1956 – 2018) родился в городе Киселёвск Кемеровской области. С 1971 года жил в Турочакском районе.

Работал художником-оформителем в Турочакском отделе культуры, водителем автоклуба, методистом, директором, режиссёром массовых мероприятий.

Автор Гимна Турочака.

Публиковался в районной газете, в сборнике стихов турочакских поэтов «Сердце дарю тебе, Турочак» (2006, Барнаул).

Сборник стихов «Оставить след. Поэзия. Воспоминания друзей» вышел посмертно, в декабре 2018 года.

* * *

Как я жил без тебя,
Не могу я сейчас и представить.
Столько лет пронеслось,
Столько выпало глупых дождей.
Но не хочется вспять,
Ведь нельзя же насильно заставить
Повернуться назад
От заветных, желанных дверей.
Я смеюсь и грущу –
Это жизнь наполняется смыслом.

Снова верю в рассвет,
Вновь иду за счастливой звездой.
И у Бога прошу,
Чтобы всё по-хорошему вышло.
«Чтобы день начинался
и просто кончался тобой».

Чтоб сияли глаза –
Если плакать, так плакать от счастья!
Чтоб душа нараспашку,
А горе – другой стороной!
Чтоб гроза – так гроза,
А не просто сырое ненастье!
Чтоб писались стихи
При свечах. О тебе. Об одной.

* * *

Не хочу!!!
Не думаю, не верю!
Если есть любовь –
Не гасят свет!
Может быть,
Не тем аршином мерю,
Но любви важней
На свете нет!
Пусть она порой
Слепа, предвзята,
Пусть эгоистична –
Мой совет:
Верьте, что любовь
Чиста и свята.
Если есть любовь –
Не гасят свет!

* * *

По кругу бегают лошадка,
Ей этот круг не разорвать.
Порой бывает так несладко
Свой хвост по кругу догонять.

Она бы птицей полетела,
В седле почуяв седока.
Любви и ласки ей хотелось,
Чтоб гладила её рука,

И чтобы утренней порою,
Когда росой мир умыт,
Ей выбегать в ржаное поле,
Где воздух свежестью звенит.

Чтобы седло подставить другу
И вольный ветер обгонять...
Лошадка бегают по кругу –
Ей этот круг не разорвать.

* * *

Не скребитесь, кошки,
Я не ваша мышка.
Не несите глупость,
Вздорный вы мальчишка.
Рано пепел сыпать
На мою макушку
Я ещё услышу
Вестницу – кукушку.
Вечер. Звёзды в россыпь,
Свет луны в окошко,
О грядущем счастье
Мне мурлычет кошка.

* * *

Я немного устал –
Видно, долго бежал,
Видно, что-то, чудак,
снова сделал не так.

Мне бы сесть, отдохнуть –
Я отправился в путь.
Мне бы лечь – полежать,
А я взялся бежать.

Мне бы душу прикрыть,
Мне бы сердцем остыть,
Мне бы так же, как все,
По течению плыть.

Жизнь – любовь и борьба,
И уж, видно, судьба –
Свое сердце зажать,
Чтобы снова бежать!..

* * *

Приходит время – тихо гаснут свечи:
Окончен бал, я долго танцевал.
Тяжёлый мрак опустится на плечи...
Я много брал, но много отдавал.
Любил и ненавидел, ждал и верил,
Душе и сердцу не давал остыть...
И всех, кого когда-нибудь обидел,
Прошу меня от всей души простить...

Матери

Я пережил уже твои года,
Лишённый в детстве материнской ласки,
Но помню, как любила ты тогда
И на ночь мне рассказывала сказки.

Качалка, дед, проглоченный пятак...
Я помню, как ходить меня учила.
Твоя улыбка, первый в жизни шаг –
Мой первый шаг до собственной могилы.

Я помню всё: передо мной окно,
А за окном – глаза твои родные.
А в них – тоска и боль... Всё так давно,
И как недавно, кажется, всё было:

Я боль утраты чувствую сейчас,
Когда мне самому уже за тридцать...
Так хочется припасть к твоим рукам
И доброты из рук твоих напиться...

МАРИЯ ОБРАЗЦОВА

Поэт, публицист, Мария Юрьевна Образцова родилась в 1956 году в Горном Алтае, в селе Манжерок. Окончила филологическое отделение Горно-Алтайского государственного университета.

Работала журналистом в «Народной газете» и «Вестнике Горно-Алтайска». Является основателем газеты «Минутка» (Манжерок) и газеты «КиТ на Алтае» (культура и туризм).

Публиковалась в альманахах: «Алтай», «Мир Алтая», в газетах: «Литературная Россия», «Звезда Алтая», «Сельчанка», в коллективных сборниках литературного объединения «Лира», с. Майма.

Автор поэтических сборников: «Бабье лето» (1999), «Манжерок – моя обитель» (2011).

К фильму Василия Шукшина «Ваш сын и брат»

Кто славен, кто-то не в чести,
Кто бражку пьёт,
Кому-то сплетни доплести,
Кто бабу бьёт,
А кто-то рывкнет: «Не гони...»
И вспомнит мать.
И ничего не изменить
И не взорвать.

Он задыхается в пыли
За годом год,
Но всё же, что ни говори,
Живёт народ.
...Волна неслыханной молвы
Пошла гулять:
– Шукшин приедет из Москвы
Кино снимать!
– А что? Какой? А как одет?
И здесь, у нас?
– Артисты будут? Правда – нет?
Вот это раз...
Сейчас компьютер и модем,
Сплошной прогресс,
А он – туда, где глушь и темь,
Он в дебри лез.
Он шёл в сиреневую цветь,
В страну отцов:
«Нельзя деревне умереть,
В конце концов».
И над бездушною Москвой
Потом слова:
«В деревне, пьяной и босой,
Душа жива».
Стоп-кадр – и снова повторим
Видеоряд.
Снимает фильм, народный фильм
Наш сын и брат.

* * *

Ах, как всё здесь дивно, хорошо!
У скалы стою, потёртой временем.
Вот уж первый дождь с грозой прошёл,
Силу людям дал, земле и семени.

Всё покрылось зелени ковром,
Заменяв легко сугробы белые.
Только льдинка всё лежит тайком,
В серой, ветром выдутой, расщелине.

Но уж скоро и она слезой
Скатится до берега песчаного.
Станет бирюзовою волной
И кустом маральника багряного.

Деревня

Лавки, тряпки, воровство,
Бабки, тапки, колдовство.
Карты, игры, кутежи,
Девка пьяная блажит.
Поменяй, купи, продай,
За полтинник честь отдай.
Не полтинник – грош цена,
Грязью полита стена.
Серость, мусор, шелуха,
Кто-то пропил петуха.
Полполучки суп сварить.
Что об этом говорить!?
Нет работы, в теле муть,
И кромсает злоба грудь.
Не хватает на хлебец,
Похлевать бы постных щец.
Сумрачна, уныла тень
Наших русских деревень.

СЕРГЕЙ ДЫКОВ

Поэт, переводчик, художник и общественный деятель, Сергей Владимирович Дыков родился в 1957 году в Горно-Алтайске.

Окончил художественное училище в городе Новоалтайске. Участник зарубежных, всероссийских и республиканских художественных выставок. Заслуженный художник России. Своё творчество определяет, как фольклорный мифопоэтизм.

Работал преподавателем истории искусств в Горно-Алтайской художественной школе, художником-постановщиком Республиканского драматического театра, возглавлял Союз художников Республики Алтай.

Стихи пишет с детства. Переводил на русский язык алтайских поэтов, таких как Шатра Шатинов, Борис Укачин, Таныспай Шинжин. Публикуется в республиканской печати, в коллективных сборниках литературного объединения «Лира», с. Майма.

Автор поэтических сборников: «Стихи» (1991), «Линия жизни» (1994).

* * *

Углы твоих глаз
Углубились печальной тенью,
В углах твоих губ
Складки горькие залегли...
Помнишь ли ты –
Мы, дикой любви растения,

В узлы сплетались
В весеннем пожаре земли?
Ни слов, ни вздохов –
Дно твоих глаз поблекло сухо...
Плесни напоследок –
Крохи смети со стола!
Помнишь, была у нас
Золотая луны краюха,
Поцелуев мёд
И шампанская кровь была?
Что теперь?
Лету дней, сквозь сито просеяв,
Золотые крылышки
Лёгкой любви отыскать,
Закружить, обласкать,
Словесной силой взлелеяв,
И тебе подарить –
В ответ на твою благодать!

* * *

Опьяней осенней тишиной,
Охрой, киноварью, чернью.
Я смотрю в боярышника куст,
Полный ягод драгоценной зернью.

Размокают под дождём грибы,
Ель поникла сонными крылами.
Не уйдёшь из-под небес судьбы,
Небеса – они всегда над нами.

Я присел на хвою у сосны,
Сверху на ветви присела птица –
Иноки осенней тишины,
Чтобы взглядом и умом молиться.

* * *

Светел, тих
И прозрачен
Одиночества круг.
Громоздясь
И толкаясь,
Жизнь пасётся вокруг...
Припечатать загадку
Не может печать –
Так пиши,
Чтобы утром
Снова повесть начать...
Светел,
Чист и прозрачен
Одиночества круг –
Слепо мимо
Проходят милый враг,
Строгий друг...

* * *

Тёплая осень...
В такую осень
Так сладко
Лежать в траве
И видеть
И не видеть,
Как ветер
Знакомый
Осыпает тебя
Золотом листьев –
Золотом любви,
Не кончающейся
Никогда...
По крайней мере,
Так бы хотелось...

Колыбельная Тихого Ветра

Где-то там,
Не скажу, чтобы это было
Далеко-далеко,
Где-то здесь,
Не скажу, чтобы это было
Близко-близко,
В широких ветвях кедра,
Стоящего на берегу
Серебряно-светлого озера,
Как два крыла
Золотой кукушки,
Сложившей крылья в покое,
Не знающем сна и яви,
Обнявшись, уснули
Мужчина и женщина –
Уснули, спят,
Утомлённые
Любовной своей работой...
Окутано всё туманом...
Молочное озеро неба
Роняет жемчужную каплю
На двух безмятежно спящих –
Росинку будущей жизни,
Пылинку небесного света,
Иголку небесного кедра,
Цветок, что осветит их души,
Невидимый, но живой...
Помедли, рассвет, подожди,
Влюблённым дай отоспаться...
Помедли, туман, не спеши
Над тайной двоих рассыпаться...
Коль встретились в мире они,
Дай бог им не расставаться...

* * *

Помолчим, мой друг, помолчим,
Жёлтый ветер гуляет в лесу...
В этот час всё, что было, таим.
Я в ладони тебе принесу...
Завиток наших зимних вьюг
И фиалку весенних дней,
Журавлиную песню разлук
И любовь... Не забудь о ней.

* * *

На Семинском кедров поют,
В Коксе в небе льды проступают,
А Катунь – живой изумруд,
Когда осени наступают.
Кош-Агач – зелёное солнце
И жемчужно-красный песок.
Эти сны наяву навевает
Нам бездонно-синий Восток.

ОЛЬГА ИСТОМИНА

Ольга Михайловна Ельдекова (литературный псевдоним – Ольга Истомина) родилась в 1957 году в городе Балхаш Карагандинской области.

Окончила Томский геологоразведочный техникум и Горно-Алтайский государственный университет, факультет филологии.

Работала техником-геофизиком, главным хранителем фонда Музея камня, экскурсоводом. В настоящее время – заведующая библиотекой и руководитель литературного объединения «Лира», с. Майма.

Публиковалась в республиканских, районных газетах и журналах: «Звезда Алтая», «Постскриптум», «Сельчанка», «Листок», «Чудо рождения мысли», «Вестник Горно-Алтайска», «Майминская панорама», «Алтай».

Автор и составитель коллективных сборников поэзии и прозы литературного объединения «Лира».

Автор книг: «От февраля до сентября» (2011), «Смешинки для Аринки» (2012), «Россыпи Алтая» (2017).

Какой он, снег?

Почему называют белым?
Снег – ни белый, ни голубой.
Он немножечко оголтелый
И, как в оспинках, весь рябой.

Он бесценен и драгоценен,
Он серебряный, как ручей,
Никому никогда не изменит,
Потому что навек ничей.

Накрахмален, пижон хрустящий,
И не хочешь, а влюбишься враз!
Он по-честному настоящий,
Разве только красив напоказ.

Эlegantный, блестяще-праздный,
Белый, розовый, голубой,
Всякий раз он бывает разный,
Снег, таинственный и живой.

Кажется, это имеет название – счастье!

Снегом хрустеть, словно яблоком, падать в сугробы –
Видеть процесс написанья Зимой картины.
Чувствовать кожей вверху над собой небоскрёбов –
скал межпланетных мохнато-горбатые спины.

Счастливым быть, ну, почти доходя до нирваны,
Видя дороги, бегущей внизу, серпантины,
Рек параллели, деревьев меридианы,
В городе зреющие фонари-мандарины.

Греется солнце на лбу и чуть-чуть на запястье,
Руку протянешь, и вот оно – небо в ладони,
С неба спускаются облачно-синие кони...
Кажется, это имеет название – счастье!

* * *

Дождь, по-летнему игривый,
Бил картечью в тротуары.
Взявшись за руки, счастливо
Под дождём гуляли пары.

Их зонты висели дома
На титановых гвоздочках,
Ну, а им хотелось грома
И любви в коротких строчках.

Тополя тянули ветки
Защитить от влаги лишней,
И светились сигаретки,
Ярко-красные, как вишни.

Дождь сближал. Он был в полоску,
Разухабист был и молод.
Был своим, ну, просто в доску,
И его любил весь город.

Чуйский тракт

Не разгадаешь тайну – сколько лет отмерено.
В густых лесах кукушка времени поёт.
Судьба нелёгкая народов трёх уверенно
В морщинке каждой строгих скал живёт.

В краю богатом, говорят, даров немерено,
Здесь день и ночь Катунь цветком цветёт,
Тропа торговая лежит в горах затеряно,
Скитальцев и купцов с собой зовёт.

На той тропе следы, как прах, развеяны.
И ветры странствий бродят средь столетий,
Да караваны лет плывут размеренно,
Ведя подсчёт побед и лихолетий.

Здесь тучей чёрной шли завоеватели,
И замер край под игом мёртвым сном.
Шли староверы в Беловодье, шли старатели,
Макарий миссией духовной шёл с крестом.

По тропам тем проложена дорога
Крестьянами ближайших деревень,
Да заключёнными Сибирского острога,
На ком лежала преступлений тень.

Легенды здесь, туманным покрывалом
Окутав придорожные места,
Нам открывают разных тайн немало,
Жизнь начиная с чистого листа.

Осколок лета

По крышам гор смятенные ветра
Гуляют, словно мартовские кошки.
И где-то там, внизу, ещё вчера
Осталось лето мальвой на окошке.

Осколок лета... в нём твои следы...
За той чертой... За самой тонкой гранью...
От жарких яблонь ломаются сады,
Одаривая щедро-сладкой данью.

Осколок лета позабыть пора,
Он всё ещё по сердцу – жёстким градом.
А мартовскими кошками ветра
Спустились с крыши гор и ходят рядом.

Зяблик

Он просто Зяблик – грязный бомж,
Каких немало в этом мире.
По воле роковой судьбы
Живёт ни в доме, ни в квартире.
Зимой – подвалы, чердаки,
А летом можно под прилавком,
Куда бросают мясники
Порой куски бездомным шавкам.
Воруется мало. А зачем?
И так накормят, чем придётся!
Хватает без того проблем –
Пусть счастье в руки не даётся.
Но что-то доброе мелькнёт
В глазах, с утра не очень пьяных,
Когда заботливый народ
Штаны протянет вместо рваных,
И водки в разовый стакан
Плеснёт бездомному в придачу.
От счастья станет Зяблик пьян,
Поверит в бога и в удачу.

ЛИЛИЯ ЮСУПОВА

Поэт, драматург, переводчик, доктор медицинских наук, Лилия Джигангеровна Юсупова родилась в 1957 году в Новокузнецке. Окончила Казанский медицинский институт.

Стихи пишет с 15 лет. Переводит татарских, алтайских и польских поэтов. Живёт в Горно-Алтайске.

Участница Антологии «Русская сибирская поэзия», выпущенной Союзом писателей Кузбасса.

Публиковалась в журналах: «Юность», «Симбирск», «Аргатак».

Автор шестнадцати поэтических книг: «Мой голос» (1996), «Незримый свет» (1997), «Неслучайная встреча» (1998), «Качнётся маятник» (1999), «Двойной портрет» (1999), «Книга перемен» (2000), «Избранное» (2002), «Остров любви» (2002), «Твой вечный свет, любовь...» (2004), книга переводов «Дороги и думы» (2005), «Я думаю о времени всегда...» (2006), «Узнай судьбу» (2008), «Венок любви» (2008), «Время любви» (2010), «Любить нельзя забыть» (2013), «Моя политика – поэзия» (2018).

Поэты

Их души – крылатые тени.
Им тесен земной неуют.
Вне времени, вне измерений
На свете поэты живут.

И всё их желанью подвластно —
Мгновенья продлят на века,
По лезвию бритвы опасной
Пройдут, улыбнувшись слегка.

И дважды, и трижды, и боле
В любую из речек войдут.
И саван себе поневоле
Из солнечных нитей сплетут.

Неясен порыв их высокий,
Загадочен образ идей,
Но ранят горячие строки
Холодные души людей.

Шагают они, бедолаги,
По пыльным дорогам земным,
Сжигая судьбу, словно факел,
Чтоб стало светлее другим.

Букет

Я дверь открыла на звонок
И не сдержала удивленья —
Там, на полу, у самых ног
Лежал букет цветов осенних.

Дарили часто мне цветы:
И в женский день, и в день рожденья,
И в знак особой теплоты —
На вечерах и выступлениях.

Но не дарил никто вот так —
Вне всяких дат и без предлога,
Без ожидания встречных благ,
Кладя их тайно у порога...

Лелея душу, теша взгляд,
Лежит букет – любви примета,
И мне дороже он стократ
Роскошных импортных букетов.

* * *

Ты снишься мне. В сибирском захолустье
Такие сны – спасение от бед,
Когда есть много поводов для грусти,
А поводов для счастья нет и нет.

А в снах душа потворствует желаньям –
Она вольна про правила забыть:
Ей за грехи не будет наказания,
Ей за любовь поруганной не быть.

Во сне мы вместе. Ласковой улыбкой
Озарены знакомые черты.
И встреча нам не кажется ошибкой.
И не страшны нападки клеветы.

Одна печаль – что розовые грёзы
Мне утро серым мороком затмит,
И прежде не решённые вопросы
Опять никто никак не разрешит.

Когда судьбой предписана разлука,
Один удел указан Небом мне:
День отстоять, терпя земную муку,
Чтоб наши души встретились во сне...

Игра

Пока всё это баловство:
Сойдясь в словесном поединке,
Искать различье и родство,
Сличая наши половинки.

Ещё ни звука о любви,
Ещё ни слова об измене,
Но всё сильнее азарт в крови,
Всё больше тяга к перемене.

...А между тем, над головой
Покрылось небо облаками,
И крепнет ветер штормовой,
Качая землю под ногами.

И ангел, глядя с высоты,
Грехи грядущие итожит:
Он точно знает, что судьбы
Переиграть никто не сможет...

* * *

Ни весточки, ни знака, ни привета –
Душа полна печали до краёв:
Никто не даст заветного совета,
Никто не скажет сокровенных слов.
Затихли звуки нежные, что прежде
Будили ум и веселили кровь.
Нам остаются вера и надежда,
Когда уходят счастье и любовь.

Фасон

Тебя уже не греет мой уют.
В твоих глазах танцуют бесенята.
Они без слов порывы выдают,
В которых я, увы, не виновата.

Молчу, скрывая горечь и мольбу:
Недолго наше счастье ликовало.
Но каждый вправе сам кроить судьбу,
По вкусу выбрав ткани и лекала.

Летят души цветные лоскуты,
Трещат по швам привычные порядки,
Но ничего не замечаешь ты,
Колдуя над покроем без оглядки –

Ты шьёшь костюм на будущий сезон...
Ах, не пора ль и мне сменить фасон?

* * *

На исходе сибирского лета
Распустились повсюду цветы,
Одаряя последним приветом
Этой хрупкой земной красоты.

Скоро выпадет снег на аллеи,
Потемнеет от слёз небосвод,
И опять мы с тобой пожалеем,
Что и этот кончается год.

Так и жизни моей панорама
Пролетит как нечаянный миг.
А пока я люблюсь упрямо
На роскошный весёлый цветник...

НАДЕЖДА ЛЕНСКАЯ

Надежда Ивановна Ленская (Лобощкая) родилась в 1958 году в Тамбове. Окончила Тамбовский филиал Московского государственного института культуры, режиссёрско-театральное отделение.

Преподавала, работала актрисой в нескольких театрах страны и режиссёром-педагогом в детском Доме творчества. В Горном Алтае живёт с 1987 года.

Публиковалась в республиканских и районных газетах: «Звезда Алтая», «Листок», «Уймонские вести», «Голос долины», в коллективных сборниках поэзии, в том числе Российского союза писателей: «Русь моя» и «Наследие» за 2017 год.

Автор поэтического сборника «Над суетой» (2009).

* * *

Мне напели метели о весне и о Леле,
Тонко звуки свирели льют с небес не спеша.
Пусть зима и метели расстелили постели,
Но свирелью согрета в этой стуже душа.

Стих белеет от снега, лёгок он и прозрачен,
На странице не тает – невесомо парит,
В нём звучит песня Леля, может быть, это значит,
Что метели не вечны, и весна нас манит.

* * *

Признаюсь вам, я осенью больна,
Её палитрой злато-долгожданной.
Моя душа омыта и нежна
Её дождями – влагой, свыше данной.

Больна листвой, шуршащей под ногой
Изысканностью формы совершенной
И запахом, пьянящим, жизни тленной –
Вдыхаю и дышу осеннею строкой.

Мне занавес из нитей дождевых
Дней золотых ничуть не затеняет,
Стучит, баюкает и душу осеняет
Крылами осень – нет печали в них.

Я погружаюсь, как в родник, в себя,
Осенний пью отвар и стук дождя рифмую,
Мне кажется, вот-вот сейчас пойму я –
Открою смысл земного бытия.

Признаюсь вам, я осенью больна,
Но та болезнь душе моей отрадна.
Ах, осень, как ты благодатна!
Я каждым днём живу в тебе сполна.

Вдохновение

У вдохновенья нет иных причуд –
В миг одиночества оно приходит,
Лишь мыслью оторвёшься от земли,
Оно обнимет и тебя уводит...
Уводит в неземной, прекрасный мир –
Туда, созвучье где и рифм, и лир.

Играл музыкант

Александр Брехову

Играл музыкант, и лучи вдохновенья
Скользили по струнам гитары в тиши,
Как музыка сфер, как небес отраженье,
Лились и струились с раскрытой души.

И этой мелодии молча внимали
Все птицы небесные спящей земли,
И звуки Вселенной в тот миг замирали,
И звёзды слезами по небу текли.

Гитара звучала в руках музыканта,
Она то рыдала, то томно звала,
В бескрайне-высокие, светлые дали
Небесной дорогой с собою вела.

Играл музыкант и, сливаясь со звуком,
Всё выше и выше парил над землёй,
И взгляд выражал его счастье и муку,
Светилось лицо неземной красотой.

И выплеснув звуки нездешнего мира,
Замолк музыкант и главу опустил.
Казалось, Орфей обнимал свою лиру –
Он светлый покой вновь в душе ощутил.

Плыви по звезде

моему сыну

Станиславу Лобоцкому

Какие слова найти для тебя,
моя ветка лозы?
Как душу твою мне обнять
во время грозы?

Лампада мерцает в ночи
пред иконой во мгле.
Молитва моя пребывает
с тобой на земле.

Поверь, в этой жизни ничто
не пройдёт без следа.
Поведай, скажи, мой сын,
где та звезда?

Зажглась и горит в небесах,
лишь длань протяни.
Твой жизни корабль на всех парусах,
и всё впереди!

Навстречу открытиям новым –
не бойся ветров!
Будь мудрым, прислушайся к сердцу,
услышь его зов.

В путь добрый! Плыви по звезде,
молись, мальчик мой.
Верь, Бог не оставит в беде –
мы под Его рукой.

Гора Филаретка

Фёдору Лукичу Боровикову

Спит гора... обласкана туманом,
Еле узнаваемы черты,
Задымлёна, будто фимиамом –
От земной сокрыта суеты.

Ощутим так в ранней неге утра
Дух её – высокость бытия,
Издалёка слышится как будто
Тихий говор горного ручья.

И затеплится в душе моей улада
От сего творения Творца.
Прославляю в простоте уклада
Всё величье Бога и Отца.

Может быть, с горою рядом где-то
Путник одинокий вдруг пройдёт,
Помянёт он имя Филарета
И частицу веры унесёт.

АНЧЫ САМУНОВ

Алтайский поэт Сергей Михайлович Самунов (литературный псевдоним Анчы Самунов) родился в 1958 году в селе Кокоря Кош-Агачского района. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького.

В лирике поэта встречаются песни с жанровыми разновидностями, поздравления, благопожелания, поучения, шутки, серьёзные философские размышления. Пишет стихи на алтайском и русском языках.

Публиковался в периодической печати Республики Алтай, в журнале «Сибирские огни».

Автор сборников стихов: «Струны судьбы», «Уч курбустан», «Сила древних камней», «Я – ойрот», «Эре – Чуй», «Наследство мудрого ойрота».

Заветы мудрого Ойрота

В родных горах ойрот-кагана тегин*
Я сам кузнец, железо в горне поёт,
О, Хан-Алтай, я сам кую мультуки**
И древних рун читаю каменный свод.

Упор ружья втыкая в землю мою,
Валю с коней врагов незваных орду,
Кто посягнул на мой аил и семью,
Кто тыщу лет несёт разор и беду.

Сребряных лун и злато-солнечных лон
Нас не лишить, не разметать мой очаг!
И жив народ, его не взяли в полон,
Я по степи развеял ворога прах.

В петле дорог, что свил им мой аргамак,
Они лежат. И будет помнить народ –
Где веры Свет, а где погибель и мрак,
То завещал народу мудрый Ойрот.

И час придёт, наступит эра Огня,
И табуны заржут, запляшут ручьи,
Сто древних сутр взойдут для нового дня,
И мир святой сойдёт в долины мои.

И в очаге продолжит пламя гореть
Ойрот-тегин, мне дар бессмертия дан!
Тянусь к тебе, о, Солнца светлая светь,
Покуда с нами в небе Белый Бурхан.

Стволы деревьев

Лапника подушку нарублю,
Лягу возле павшего ствола,
Горький стыд на родине терплю
От неименованного зла.

Эти побуревшие стволы
Зеленью не выстрелят в зенит.
Как на бойне свежие мослы,
Мой кедрач поваленный лежит.

Краше гренадёрского полка
На параде вечном он стоял,

И зверьё, и нас у костерка
От дождя и стужи укрывал.

Скольким дал охотникам ночлег,
Сколько чая выпито под ним,
Сколько жизней здесь за долгий век
Обратилось в пепел или дым.

Не вострубит охотничий рожок,
И марал в ответ не заревёт –
Хлам древесный, ветки, старый мох,
След железа – мир наоборот.

В камне еле теплятся ручки,
Буйно прёт бурьян, губя подрост,
Эти горы словно бы ничьи,
Я ничей –
 упавший в полный рост
Кедр, под корень срубленный, – лежу
В странной дрёме, вижу или нет:
Из земли, как струйка по ножу,
Тихо истекает жизни свет...

Я и цветок

Увидев в поле цветов, вскричал:
– Ты дар земной или вышний свет?
На крыльях ветер ответ домчал:
– В любви моей красоты секрет.

И я потянулся сорвать цветок,
О, как я жаждал любви испить.
Одно касанье, один глоток —
И можно вечность счастливым быть.

Руки моей испугался он,
Головку к самой земле склонил,
Одна слезинка, один поклон...
И я смятенно его спросил:

– Цветок чудесный, ты мне не рад? –
Обидеть я не хотел, не смел.
И ветер, вдруг, такой аромат
Принёс, что я тотчас захмелел.

И стал ненужным любой вопрос,
Я сердцем, сердцем ответ нашёл –
Родился ты на земле и рос
Влюблённым в солнце и отчий дол.

Любовь над всеми имеет власть,
Но строг Творец – справедлив и строг,
Он нам красоту не позволил красть,
И я не сорву тебя, мой цветок.

Я пришёл к тебе

Слышу твой смех я и словно тону
В зелени вешнего леса,
Смех твой заветную тронул струну,
Так затевается песня.

Я позабыл обо всём и лечу,
В небе хочу раствориться...
Был говорлив, а ныне молчу,
Не уставая дивиться

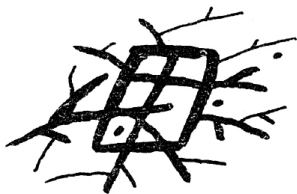
Песне твоей, сопричастность тая
Птицам небесного сада, –
Полнится радостью песня моя,
Схлынули злость и досада.

Робок я стал, позабыл хвастовство,
Словно впервые влюбился.
Больше в тебе не искал колдовство –
Соком волшебным напился.

Взгляд твой манящий, дарующий взгляд,
Маковый жар поцелуя! –
Белые-белые птицы парят,
Горечь разлуки не чуя,

Сквозь расстоянья, года и века
Мы пролетим, не растаем...
Будем парить, как парят облака
Над благодатным Алтаем.

*Переводы с алтайского:
В. Берязева, С. Михайлова*

ТАТЬЯНА ДАНИЛОВА

Поэт, педагог, редактор, Татьяна Андреевна Данилова родилась в 1959 году в городе Новокузнецке. Окончила Горно-Алтайский государственный педагогический институт.

Работала в Детской библиотеке им. К.И. Чуковского, преподавателем истории русской литературы XX века, занималась фольклором в областном научно-методическом центре. Редактировала книги алтайских писателей, писала вступительные статьи к поэтическим сборникам начинающих поэтов Горного Алтая.

Защитила кандидатскую диссертацию по творчеству Марины Цветаевой.

Автор книги стихов «Курайский снег» (1998).

* * *

За мною ходит Верный,
Следит во все глаза.
Как будто ты на ухо:
– Храни её! – сказал.
И вместе по мосточку,
И вместе по песку.
Присядем мы на кочку
Раскуривать тоску.
Катунь ласкает душу,
Качают облака...
И я опять не трушу.
И радуюсь – пока.

* * *

В воскресный день, недавно,
Не вброд, а по водам
Поэт Иосиф Бродский
Опять явился к нам.
И лился голос нежно
В немыслимых верстах,
В разлуке безнадежной
Горчат его уста.
И жалуется кротко,
Прозрачен смех его.
Пока легка походка
И в общем – ничего.
«Но будто на отшибе, –
Он тихо говорит –
И на краю вселенной
Мой дом стоит».

На смерть Лазаря Кокышева

Кто жертва?
Он или они –
Пустые души? Манкурт,
Не помнящий родни,
Не может слышать,
Что голос матери зовёт
Остановиться!
Но некому в глаза взглянуть –
Пусты глазницы.
Лишь только
Ненависти тьма.
И пропасть ночи.
И только смерть сама
Со дна в глаза хохочет.

И только мерные тупы
Удары...
И не монголы то,
И не татары.
Не краснокожие,
Не бледнолицые,
А все – безлицые,
Безлицые,
Безлицые.

С.Ж.

Ах, вольный вихрь
Вихров твоих –
Моя невольная стихия.
И не пойму:
Люблю я их,
Или же, всё же,
О, Серёжа!
Люблю в тебе
Твои стихи я?

Памяти Юрия Кузьмина

И вновь, когда приду,
Закрыта будет дверь.
Там заперли беду,
Сокрыли боль потерь.
Там, в ящике стола,
Поэта спрятан том.
Любимая была...
Но что мне дела в том?
Был рыжим... и стихи
Мерзликина любил,

Быть может, за грехи,
За молодецкий пыл.
И я приглашена
Была к истоку слов.
Был рад моим стихам.
Дал им печатный кров.
Я, запоздав, пришла.
И у ворот
Закончен дней его
И дел круговорот.
Приглашена была
Я к ящику стола,
А там беда черна,
И даль белым-бела.

Дочери Олеся

Мы с тобою шли из сада.
Было пасмурно, досадно.
Но увидела ты вдруг,
Что тебя заметил друг,
Завилял хвостом дружок,
Засверкал росой лужок.
Даже лужица кружится,
Захотела подружиться.
Ведь и бедной старой луже
Очень друг хороший нужен.
Мы не стали стороной
Обходить её с тобой.
Поиграли с ней немножко,
Окунув в неё сапожки.
Рябь по луже пробежала,
Нам руками помахала.
Стало всё вокруг светлей,
И шагать нам веселей.

СВЕТЛАНА МАТАФОНОВА

Поэт, иллюстратор, Светлана Игоревна Матафонова родилась в 1959 году в Забайкалье. Училась в целлюлозно-бумажном техникуме в городе Амурске Хабаровского края. Стихи пишет с юности.

Работала оформителем художественной росписи по дереву и художником-оформителем. С 2009 года живёт в Горном Алтае, в Уймонской долине.

Публиковалась в республиканской газете «Звезда Алтая», в районных газетах: «Уймонские вести», «Голос долины», «Листок», в коллективных сборниках поэзии.

Автор поэтических сборников: «Два мира» (2010), «Разноцветные холмы» (2013).

Квантовая физика

Странный кварк с «голубым ароматом»,
что ты мечешься в поиске смысла?

А у нас над земным закатом
в тёмном небе звезда повисла.

От неё мы родные с тобою,
ты – частица моей души.

Если мысль на одно настроим,
то услышим друг друга в тиши.

Прогулка

Пылало небо над горами – в полном смысле.
И дымный воздух, как горящие угли.
По снегу – на мосту – гуляли мысли
и меж собою разговор вели
о бренности, о холоде, о лете,
о том, как люди жаждут долголетия,
о грустном, о весёлом – обо всём,
и не хотели возвращаться в дом.

* * *

Майский вечер. Черёмухи цвет.
Дальних гор фиолетовый сон.
Я люблю Вас, а Вы меня – нет!
Этот вечер уже обречён –
опадёт, как черёмухи цвет,
и, как сон, не оставит следа.
Я люблю Вас, а Вы меня – нет...
Как таинственно смотрит звезда!

* * *

Вот и снова – Весна!
И черёмухи запах,
и звенящий состав,
уходящий на Запад.
И немного тоски:
«Вот опять не сбылось!» –
И в ладонях Земли –
снег, промокший насквозь...

* * *

Лес темнеет. Небо – сине.
Марта снег грустит и тает.
Ветер, словно камикадзе,
на сосульки налетает.
На реке прогал сверкает,
с крыши каплет пот железный...
Кто весне не рад, я знаю:
лёд – прекрасно-бесполезный...

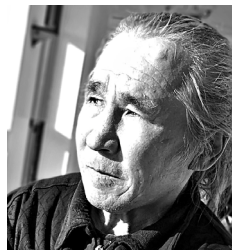
Засуха

Нет дождей, жара растенья сушит.
Закрутились, завернулись листья.
Вон у свёклы, как собачьи уши,
до земли безрадостно повисли.
Нет дождя и, кажется, не будет.
Войлоком лежит трава сухая.
В небе ветер серый пепел крутит.
Дым кругом, и где-то полыхает...
Скоро осень, и уж нет надежды,
что трава поднимется, как прежде.
Но пройдёт, поверь, пора глухая,
дождь прольётся – и уж сини горы,
люди и земля благоухают,
и трава полезла во все поры.
Снова поднялась свежо и дружно –
ей, как мне, для счастья мало нужно!

* * *

Холодный закат отстранённого вечера...
И нет мне любви, и делать мне нечего.
Иду я вне времени, чисел и дат –
не знаю откуда, не знаю куда...
«Любовная лодка разбилась о быт» –
искусственно созданный кем-то магнит.
К чужим и далёким зовут облака.
О ком я мечтаю, не знаю пока.
Богата свободой – иду налегке,
и вижу я знаки на звёздном песке
о том, что в стремлении вечном – родня,
Он светом небесным глядит на меня.
Таинственно рядом – всегда вдалеке,
Он знаки оставил на звёздном песке.

АЛЕКСЕЙ ТАДИНОВ

Поэт, переводчик, художник, музыкант, Алексей Михайлович Тадинов родился в 1961 году в селе Еланда Чемальского района.

Окончил Новоалтайское художественное училище. Работал художником в Художественном фонде Республики Алтай, в Национальном драматическом театре, в районных домах культуры, преподавал в школе. Параллельно работал в различных ВИА, рок-группах, писал и исполнял свои песни. Проживает в Горно-Алтайске.

Публиковал стихи в районных и республиканских газетах, в журналах и коллективных сборниках. Песни на стихи поэта звучали по радио и телевидению.

Автор книги стихов «Монолог Горного Ветра» (2001), музыкального альбома «Песнь Синего волка».

Пьяная женщина

Как абстрактных картин образина,
Синяками, рубцами отмечена,
Ты стоишь у дверей магазина
 Попрошайкою, пьяная женщина.

Полинявший платок на затылке,
Пряди жидких, немых волос,
В целлофане пустые бутылки
И окурки чужих папирос.

«Незнакомка», «Мадонна», «Невеста»...
Лик святых неуместная трещина,
Я встречаю тебя повсеместно,
Неизвестная, пьяная женщина.

Я уверенной, важной походкой
Прохожу, презирая тебя,
Сигаретами, закусем, водкой
Я затариваю себя.

Мне бы малость остановиться
И в её заглянуть глаза,
Где немая печаль томится,
И о многом молчит слеза...

Может, в этой слезе, как в кристалле,
Видно всё, что ей было отмеряно.
Всё, что было дано ей в начале,
И что было по жизни потеряно.

Муж в тайге из-под снега встанет...
Дочь счастливую долю найдёт...
Сын, оставшийся в Афганистане,
Не во сне, наяву придёт...

Слишком рано, не в срок поседевшая,
Никого не браня, не кляня,
При мужчинах осиротевшая,
Ты с надеждой глядишь на меня.

И ведь просишь всего лишь, о боже,
Хоть чуть-чуть, на глоток вина,
И блуждает улыбка на роже,
И в покорных глазах вина...

Эй, начальнички!
Политиканы!
Джентльмены и мужики!
Нашей сильности грош в стакане,
Коль так женщину довели!

Не подарки, подачки на чай,
Не любовью, тоскою обвенчана,
Ты прости нас...
Нет, не прощай!
Неизвестная,
пьяная женщина.

Моя осень

Вечеринки, гуляния, свадьбы в домах,
Время песен, с друзьями встречаться...
Я ушёл от людей, чтобы в дальних лесах,
Моя осень, с тобой обвенчаться.

Мы вдвоём растворимся в осеннем дыму,
Пусть закружит нас вальс листопада,
Мы сегодня одни в опустевшем дому
И гостей нам уж больше не надо.

В этом доме сегодня хозяйкою ты,
Догорают осины как свечи,
Осыпает поляны осколком мечты
Жёлтый пепел несбывшейся встречи.

Отчего же я вновь вспоминаю о той,
Глядя в неба звенящую просишь,
Той, что больше уже не танцует со мной,
Что была так похожа на осень.

И сегодня, когда листопад в сентябре,
Мы как будто опять обнищали.
Может, пьяной весною мы сами себе
Слишком многое обещали?

Так танцуй же, танцуй, моя осень, со мной!
Наше время всегда расставаться,
Время первых снегов над уснувшей водой,
Время плакать и время смеяться...

Танго падающей воды

Гладь воды в неподвижности томной,
Ждёт рассвета холодный туман,
И смолою застывшею тёмной
Спит безмолвия океан.

Будто нет здесь ни жизни, ни смерти,
Мёртвый космос до самого дна,
В отражении дальних странствий
Медитирует Будда-Луна.

Но воды неподвижность условна,
Неподвижны лишь берега,
За границею сна и покоя
Зарождается жизни река.

Вот всё ближе и ближе к обрыву,
Всё сильнее потока струна,
И подобно вселенскому взрыву
Тишину разрывает волна.

Под неистовый рёв водопада
В брачном танце Земли и Воды
Осыпается в ночь звездопада
Небосвод до последней звезды!

Россыпь радуги в солнечном спектре,
Словно брызги шампанского – ввысь!
Аргентинское танго рассвета
В водопаде по имени Жизнь!

Он и плачет, он и хохочет –
Порождение капли дождя,
Под скалою кипит и клокочет:
Пригласите на танец меня!

Этот танец – как праздник победы,
Миг удачи над гранью беды,
Пляска жизни и смерти над бездной –
Танго падающей воды!

ИРИНА СЕРЕБРОВА

Поэт, художник, педагог, Ирина Ивановна Сереброва родилась в Алтайском крае в 1961 году.

Окончила Новосибирский государственный педагогический университет. Работает редактором издательства «Россазия» в Новосибирском музее Н.К. Рериха и в Мемориальном доме-музее Н.К. Рериха в селе Верх-Уймон Республики Алтай. Около 10 лет руководит студией художественной росписи, в которой занимаются дети из Верх-Уймонского поселения.

Стихи, вдохновлённые красотой Горного Алтая и философией Востока, пишет с 2001 года. Публиковалась в нескольких выпусках поэтического сборника «Огни трудов», в журнале «Восход», в газетах: «Новости Кулунды», «Уймонские вести».

Осень в Уймонской долине

Оделись берега в хрустальный лёд,
Притихшие поля устало дремлют,
Последний лист, закончив свой полёт,
Неслышно лёг на прибранную землю.

В осенние туманы и дымы
Укутаны озябшие деревья,
Вздыхает в ожидании зимы
С утра печными трубами деревня...

Одумавшись, умерило свой бег
Ещё вчера безудержное время,
И ждёт земля, покорная судьбе,
Снегов морозных благостное бремя.

Древний свидетель

(Дорожное)

Опять Луна играет с нами в прятки –
То выйдет, то исчезнет за горой.
Ночной мороз навёл свои порядки,
Сковал деревья и трещит корой.

И льдом и снегом устлана дорога.
Вдали мерцает робкий огонёк.
А в душу пробирается тревога:
Наш путь домой опасен и далёк.

Подъём, уклон, мосты и перевалы,
Внизу обрыв и каменный поток.
Мы огибаем снежные завалы
И ждём, когда затеплится восток.

Из темноты выхватывают фары
То глыбы на Катунском берегу,
То чьих-то глаз испуганные пары,
То кедров в свежавыпавшем снегу.

Давным-давно, такой же ночью лунной,
На лошадях невиданных пород
По этим склонам скатывались гунны –
Загадочный, воинственный народ.

Они дерзнули покорить полмира,
Их лук и стрелы брали города.

Путь проторив от Гоби до Пальмиры,
Они ушли неведомо куда.

Сегодня лишь невидимые глифы
О веке незапамятном гласят,
И неизвестно, гунны или скифы
По нынешним дорогам колесят...

Луна исчезла. Снежная вершина
Порозовела в утренних лучах,
И снова поднимается машина
На перевал, натружено урча.

Под вечер вновь явила лик бесплодный
Свидетельница древности Луна.
Сквозил намёк в надменности холодной,
Что нашим прошлым ведает она.

Исход лета

Август бродит в густой аллее,
Удивлённо листвой шурша,
А душа и грустит, и млеет,
И о чём-то поёт душа.

Тёплый август! Я пью неспешно
Тишину твою и покой,
Но однажды ты мне беспечно
На прощанье махнёшь рукой

И под вечер уйдёшь, не глядя
Разметав лёгким ветром след,
И к твоим непослушным прядям
Прикоснётся закатный свет.

Притяжение Алтая

Стоит Алтай перед глазами:
И силуэты синих гор,
И дол с могучими лесами,
И звёзд бесчисленных узор.

И притягательною нотой
Звучит священное – Алтай!
И несказуемое что-то
Влечёт к тебе, заветный край.

Ты и суровый и радушный,
Непостижимый и простой,
Велению времени послушный
И бесконечно молодой.

Сам воздух твой насыщен тайной,
А краски – яркие и чисты,
Как будто свет необычайный
Пролился с горней высоты.

Твои просторы и теснины
Невольно память бережат,
И магнетизм необъяснимый
Не отпускает от тебя.

Затмение

(лунное затмение 10 декабря 2011 г.)

Тень земная легла на Луну –
И померкло ночное светило,
Словно кто-то шутя окунул
Лунный глобус в густые чернила.

А внизу, где царила зима,
Где снега жемчугами сверкали,
Опустила холодная тьма
Чёрный плат на притихшие дали.

Лишь минуту назад всё вокруг
Было залито светом небесным,
Мир казался огромным – и вдруг
Стал он маленьким, тёмным и тесным.

Но Вселенная жизнью полна,
Всё находится в вечном движении,
Так волну заменяет волна,
За триумфом идёт поражение.

Отступила косматая тень,
И Луна стала ярче, чем прежде.
Скоро утро, и солнечный день
Возвестит о воскресшей надежде.

Видение

Зимним утром запорошенным
Вижу словно наяву:
За рекою конь стреноженный
Щиплет сочную траву.

Над землёй, омытой росами,
Встала радуга-дуга,
Дождевыми пахнут грозами
Изумрудные луга.

Надышаться б летней свежестью
Возле тихого ручья...
Но декабрь холодной снежностью
В окна гулко постучал.

Между летом и зимой

Над Уймонской долиной
 раскинуто небо ночное,
Жемчугами сверкает
 таинственный древний шатёр.
Где-то плещется речка,
 осенним объята покоем,
И вдали догорает
 оставленный кем-то костёр.

После бурного лета
 природа как будто устала,
Не спеша погружается
 в долгий целительный сон.
А потом упадёт
 белоснежной зимы покрывало,
Принеся за собой
 освежающий, бодрый озон.

Нас зима не смутит,
 даже если она на полгода,
Даже если мороз
 или жгучие будут ветра.
Ведь известно давно,
 что плохой не бывает погоды
И природы закон
 всё же выше людского добра.

НИКОЛАЙ ЧЕПОКОВ

Алтайский художник и писатель, Николай Анатольевич Чепокhov, подписывающий свои картины именем Таракай, что в переводе с алтайского означает «бродяга», родился в 1961 году в селе Турочак.

С ранних лет проявлял интерес к живописи и литературе. Первые литературные публикации под псевдонимом «Таракай» появились в республиканской газете «Звезда Алтая» и альманахе «Исток» в начале 1990-х годов.

Много путешествует. Увлекается дзэн-буддизмом и даосизмом. Авторские стихи, выполненные в восточной манере короткой строки, нередко вставляет в свои картины. В живописи имеет ярко выраженный стиль, который искусствоведы определяют как «этнографический романтизм», то же самое можно сказать и о литературном творчестве Николая Чепокхова – его прозе и поэзии.

*

Это не сказка и не вымысел.
Я знаю. Это существует.
Где-то в горах у кедра
Ютится аил у лунного озера.

*

Печаль на юной щеке. Тихо угасает закат.
Когда стихнут твои шаги,
Подберу твоё горе.
В котомке, полной собственных слёз,
Есть ещё много места.

*

Когда-то в старину считали:
Всё зло от Дельбегеня семи ртов.
Батыр закинул злодея на Луну.
И что же? Ох, грустно, грустно мне!

*

Есть волшебный посох у меня.
С его помощью ношу своё богатство.
Погоду разную, ночь, день, события...
Всего не перечислишь.
Смеются надо мною – вот глупец!
Конечно, я глупец, ведь у меня мой посох.

*

Путь мой далёк и труден.
Филин мне крикнул:
«Однако, пора отдохнуть!»
Задумался я немножко,
И тут кедр у родника
Предлагает мне ночлег.

*

Привычен мне горький снег.
Грёзы мои согревают сердце.
Танцует мой старый плащ.
Не поймут путника зрители,
Укутанные духотой автобусов.

*

Пролетели летние дни.
Прохудились крыши лесов.
Осень заглянула ко мне в гости.
В старом плаще моём,
Оказывается, много дверей.

АЛЕКСАНДР БРЕХОВ

Поэт, композитор и певец, Александр Михайлович Брехов родился в 1963 году в Барнауле. Учился в Барнаульском музыкальном училище по классу классической гитары и в Алтайской государственной академии культуры и искусств на кафедре народного хорового пения.

Службу в рядах советской Армии прошёл как военный музыкант. Был одним из создателей и редакторов литературного приложения «Альтернатива» при краевой газете «Молодёжь Алтая». Участник поэтической группы ЭРА (Эпицентр Российского Авангарда).

Написал музыку к спектаклю Сергея Санашева «Сары-Каан» («Жёлтый-Хан»), «Евразийскую сюиту для шести-струнной гитары», «Гимн Алтаю». Сделал ряд обработок и переложений Алтайских народных песен и танцев для шестиструнной гитары.

Работает преподавателем в детской школе искусств, с. Усть-Кокса. Является руководителем Республиканского фестиваля поэзии «Поэт и время», проводимого в Уймонской долине, в с. Мульта.

Публиковался в краевых, районных и республиканских СМИ, в коллективных сборниках поэзии.

Автор поэтических сборников: «Жизнь в каждой строке» (2005), «Алтай величавый» (2007), «Не умирайте, моря» (2013, 2017), «Стихи о стихах» (2020).

* * *

Уж век в тюрьме. В духовной одиночке.
У князя тьмы я галочкой помечен.
Ни день, ни ночь, ни утро и ни вечер
не различаю. Кровяные строчки

сии текут из раненого сердца,
упав на лист бумаги, высыхают.
Сухие губы ветры обдувают,
и душит жажда, сыплет в рану перцем.

Душа болит как раненое тело.
И весь я – рана, а в глазах – не слёзы,
а пот и кровь. Мне нужен сок берёзы,
весенний сок...

Так мама в детстве пела:

«Стань человеком. Это будет больно».

История Лазаря Чуровича

Мой скакун упирался и, глазом кося,
зло смотрел на меня и мотал головой,
как седло я поднёс – вовсе встал на дыбы:
то ли чуял беду, то ли норов казал.

Отражение моё – мой гнедой аргымак,
Не по мне, так – никак!

Мне предъявлен судьбой,
он мой мир, он мой бой.

* * *

Какие-то простые слова
я хотел сказать тебе,
Любимая.

Какие-то такие слова,
которых никогда не было и не будет,
но которые всё же всегда находятся,
когда я хочу их тебе сказать,
Любимая.

«Непроизносимое и незаписываемое» —
название почти законченной и невозможной книги
о нас с тобой,
Любимая.

* * *

Несовершенства беспредельны формы,
и бесконечны, кажется, реформы.

Играют фальшь расстроенные лиры,
красиво лгут стихов гвадалквивиры.

Предательски раскаянья минуты —
суть поцелуи вечного иуды.

Как больно быть, увидев на мгновенье,
что невозможно жизни искупленье.

Преступно всё, что было, есть и будет!
Не любим мы, и Бог уж нас не любит.

* * *

Ночь человек за столом просидел,
утром ушёл на работу,
вечером – горе, и он поседел,
с горя напился до рвоты.

Ночью он спал на полу, у окна.
Снилась улыбка любимой.

Утром проснулся... Лежала она
так же в гробу недвижимо.

Он подошёл, прикоснулся к лицу.
«Встань, говорю, ты – живая!

Вот на кровать тебя перенесу,
там ты понежься, пока я

жарю глазунью, кофе варю».
И побежал он на кухню...

Стол сервирован, тарелки в строю...
Карточный замок не рухнет?

Как он тянул, как он медлил полдня!

Вечность прожил, ожидая!

Рухнул у спальни, к дверям подойдя.

И вышла к нему дорогая.

* * *

Я – тот ребёнок, оглушённый ложью мира,
прозревший химеричность философий,
коммерческую алчность всех религий,
преступную бессовестность наук,
художеств проституцию лихую,
подножье, разделённо на содомы,
и горы боли, блуда, реки крови,
и каждый миг – распятие Иисуса.

* * *

Надежде Ленской

Молчанья чаша до краёв полна.
Звенит и длится-льётся тишина.

Наполненность безгласна – рыба речь.
«Сверх меры, через край!» – пророков меч.

Одна лишь капля вещей немоты –
и голос мой услышишь, друг мой, ты.

Проснутся реки речи, вздыбят льды,
в песках пустынь заблещет смысл слюды,

в горах Алтая затрубит марал,
и зазвучит – спасительный хорал!

ЕКАТЕРИНА ТИМИНА

Екатерина Николаевна Тимина родилась в 1964 году в селе Кастахта Усть-Коксинского района Республики Алтай. Окончила Тюменскую государственную академию культуры, искусств и социальных технологий.

Работала художником-оформителем в отделе культуры Усть-Коксинского района, преподавателем рисования, предпринимателем.

Публиковалась в районной газете «Уймонские вести».

Автор сборника стихов «Космические сонеты» (2003).

* * *

За деревнею нашей пригорок крутой,
любят лошади ночью прийти на постой,
чем-то тянет их тёплая эта гора –
скрипом старых берёз, стуком дятла с утра.

Встанут лошади кругом – лесной хоровод,
силуэт жеребят, туч ленивых полёт –
всё напитано жизнью, омыто весной –
приходите, лошадки, всегда на постой!

* * *

Ночь, будто день, – луна светила
сквозь пух летящего снежка,
и, как в картине, отразила
изящным росчерком пера
кусты черёмухи у дома.
Всё здесь родное, всё знакомо:
стволы, склонённые в снегу,
их силуэты, как в дыму,
в холмах, как на листках бумаги,
в кристаллах бывшей летней влаги –
всё в полудрёме, всё в плену
у глаз, глядящих на луну.

Чудесна ночь, хотя беззвёздно
и так беззвучно, не тревожно,
и нет мороза, снег летит,
и ночь с душою говорит.

АЛЁНА ЦАМИ

Елена Васильевна Цами родилась в 1964 году в селе Ая, неподалёку от Горно-Алтайска. Окончила филологический факультет педагогического института в городе Бийске. Пишет стихи и художественную прозу.

Входит в организационный комитет фестиваля поэзии, проводимого в Уймонской долине. Участница и редактор коллективных сборников поэзии, издававшихся в Горно-Алтайске, Бийске и в Усть-Коксе.

Публикуется в республиканских и районных газетах: «Звезда Алтая», «Уймонские вести», «Голос долины», в журналах: «Русский рассказ» (Москва), «Женский шарм» (Нью-Йорк), «Бийск литературный».

Автор книг стихов и прозы: «На солнечных спицах» (2014), «Босиком по небу» (2017).

Играет Ангел

Бумажный ангел на свирели
для нас играет день-деньской
вальс разгулявшейся метели,
вселяя радость и покой.

Опять мы разные с тобою,
опять покинут старый век...
Играет ангел. В снежном поле
дорогу ищет человек.

И пусть дорога – путь сквозь муку
в стихию нового стиха...
Бумажный ангел верит звуку,
его мелодия тиха.

И лютый ветер на ладони
опять несёт благую весть
о новой встрече в старом доме,
о вечерах, где счастье есть.

Играет ангел. Даль туманна...
Который век? Который год?..
И человек к мечте желанной
по полю снежному идёт.

Зимняя сказка

За окнами зимняя сказка
мне дарит весёлые сны.
И хочется в синих салазках
доехать до новой весны,
где ласточек в небе круженье
и лопнувших почек экстаз
фиксируются движеньем
по-детски восторженных глаз.

Доехать до зрелого лета
и выпить росу с лепестка...
В просторах лазурного света
любая задача легка –
увидеть живую ромашку
и пчёл, и простой василёк,
и лета цветную рубашку
примерить хотя б на часок.

* * *

Я знала Азбуку Вселенной
в веках, отброшенных судьбой
в пространства Вечности нетленной
и ставших азбукой земной.

Мне снятся Ижицы и Ери
в словах причудливо-иных,
как будто тайных знаний двери
приоткрывает древний стих.

Прекрасный воин, диво-дева
кружатся в танце молодом,
звучат славянские напевы,
и миром строят новый дом.

В саду счастливая голубка
воркует нежно до зари,
а в небе, вздрагивая чутко,
плывут на север журавли...

День начинается с молитвы,
сияет славой неземной,
и затихают волны-битвы
в пучине Вечности седой.

Яблочный полдень

Яблочный полдень струится за аркой старинной,
ветки качает, вяжет соцветий венки.

Щебет и гомон в округе, и праздник пчелиный,
ветер щекочет тычинки и мнёт лепестки.

Полдень играет лучами, курит ароматом,
то затаится, и грезится сладко ему,
как лепестки улетают дорогой крылатой –
белые ангелы-бабочки – в даль-кутерму.

В этом порханье, в этом дыханье невинном
зреют желанья весны. И тугие плоды –
солнцем налитые сферы – в подоле полынном
вынесет лето и ссыплет до срока в сады.

Будут июнь и июль, разнотравье качая,
светом дробиться в ласковых влюбчивых днях,
будут беседы и споры поэтов за чаем,
долгих прогулок блики-мельканья в волнах...

Яблочный полдень укажет тропинку к надежде,
ворох вопросов подкинет – о том и о сём...
Мы проживём это лето с тобою, как прежде –
ветер в деревьях рифмуя с весёлым дождём.

Я была ромашкой

Зачем – не знаю – просто и легко
душа вошла в ромашку луговую,
чтоб эту жизнь увидеть далеко –
как сон судьбы, как круговерть земную.

Непроходимый жизни перевал
был пройден в это утро без усилий.
И солнца луч меня очаровал,
когда с листвы росу букашки пили.

И хлорофилл, по жилкам проходя,
пел песенку, похожую на чудо,
что изумруды тёплого дождя –
самой судьбы живые изумруды.

А бабочки, как ангелы, – крылом
слегка касались лепестков жемчужных,
чтоб, улетаая вместе с ветерком,
пропахнуть счастьем в хороводе дружном.

Река читала повесть островов,
повсюду вереск розовел надеждой,
ватага кучерявых облаков
слепила белизной своей одежды.

Всё радовало, пело и текло
из клетки в клетку, славя мир и лето.
Вселенной голубиное крыло
стремилось ввысь, к божественному свету...

Меня искали долго, всем селом,
среди деревьев, трав и за рекою,
а я была ромашкой, и цвело
так ярко это утро золотое.

Сыну

Ты сидишь за компьютером. Поздно.
«Мышка» бежит по столу.
Собираясь за окнами, звёзды
наблюдают твою игру.

Ловит яркие блики экрана
остывающий в кружке чай.
Всходит месяц, как конь буланный,
освещая спящий Алтай.

Это тоже игра, у которой
мама в детстве, на берег придя,
испросила дороги просторной
и зовущую песню дождя.

Обещало бескрайнее небо
и дорогу, и двух сыновей,
вот и ты испроси, точно хлеба,
жизнь большую и солнца над ней.

Ты играешь в игру, и желанно
Млечный Путь освещает твой дом.
Всходит месяц, как конь буланный,
и блестит свободным седлом.

МАРИНА СЛАТВИНСКАЯ

Марина Васильевна Слатвинская родилась в 1966 году в Уймонской долине Республики Алтай.

Окончила Новосибирский геологоразведочный техникум, Современную гуманитарную академию по специальности юриспруденция.

Работала техником-геологом в Охотской геологоразведочной экспедиции, в налоговой инспекции Усть-Коксинского района, директором ресурсоснабжающей организации с. Усть-Кокса, в финансовом управлении администрации Усть-Коксинского района.

Публиковалась в республиканской газете «Звезда Алтая», в районных газетах: «Уймонские вести», «Голос долины», в коллективных сборниках поэзии.

Один денёк феи

Радуга в сердце —
Такие дела...
Просто сегодня
Я солнце зажгла.
Силы потратила,
Краски смешала,
Да и души
Приложила немало.
Пусть это солнышко
Лишь на денёк,
В лес я зайду,

Упаду на пенёк,
Ручки сложу –
О, как я устала!
Солнце в ладошке –
Это немало.
Бабочки, птички,
Зверушки, цветы,
Солнышка вам
Да тепла, красоты.

Тебе

Я тебя укрою в полночь ледяную
И от сильной жажды в жаркий день спасу.
Если хочешь, тучи в небе нарисую,
А попросишь, море в дом твой принесу!

Если заболеешь, за тебя умру я.
Если засмеёшься, тоже засмеюсь.
Подарю тебе я радугу цветную,
Будет одиноко – в окна постучусь.

Только не гони ты, словно псов бродячих,
Тех, кто лунной ночью постучит в окно.
Это души песен под луной маячат,
Феи и русалки с ними заодно.

И споют, и спляшут, счастьем огорошат,
После успокоят, в небо унося...
Полетав, ты утром в комнате проснёшься
И с улыбкой чистой глянешь на меня.

* * *

Люди, вы кто?
Больно? Не знаю.
Колко? Не чую.
Просто в стогу я сена ночью,
Просто рву травы лечиться зимой,
Просто смеюсь я сама над собой.

Дождь? Не вижу.
Солнце? Не слышу.
Небо сегодня, как синяя крыша.
Лето, гремящее трелями птиц,
И красота без оков и границ.

Кто я? Не знаю.
Где я? Забыла.
Просто глаза я тучей закрыла.
Слиться хотела с прохладой ручья,
Сердцем почуяв: он – это я.

Люди, вы кто?
Всё позабыли?
Люди, вы с кем? Сердце закрыли
Мрачным асфальтом, пахнущим гарью...
Вы эту Землю с грязью смешали.

Больно и колко.
Кто я и где я?
Может, я просто сильно болею?
Люди, вы кто? Люди, вы с кем?
Мир этот сделали тёмным зачем?

* * *

Рано утром синичка
Тенькнула у окна,
А на крыше сосулька
Тоже висела одна.
Думала, что растёт,
Но вдруг упала, разбилась...
Ах ты, синичка моя,
Зря ты в сосульку влюбилась!

Сон

Держась за грани мироздания,
Я пальцы резала о них,
И кровь текла под крики «Майна!»,
Предвосхищая боли крик.

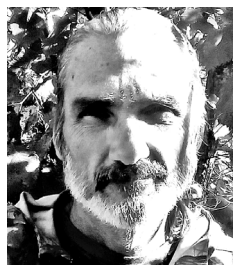
И капли падали, рождая
Собой багровые миры,
И я твердила, умирая:
Любовь постичь мне помоги.

* * *

Я белой лошастью взойду на небосклон,
Огнём оденусь с солнечным восходом,
И всё решу, пусть это и не он...
Я назову заход – восходом!
Ловя снежинки жаркими губами,
Истаю сердцем, руки заломлю,
И лошастью с копытами-углями
Я небосвод хрустальный проломлю.
Он ссыплется, осколками звеня,
Ко мне на гриву – красота какая!
И я пойму, что вновь люблю тебя
И жизнь свою любовью освещаю.

Доченьке

Ах ты, доченька моя,
как картинка,
Почему в твоих глазах
светит льдинка?
Почему костёр в душе
не горит,
Да и мысли тяжелы,
как гранит?
Тянут вниз они
тебя и меня,
Ты возьми взаймы
у солнца огня,
Пусть растает этот лёд,
что в глазах,
Полетаем вместе мы
в небесах!
Только доченька
махнула рукой:
«Рано, мама, мне ещё
быть с тобой.
Похожу я по земле,
покручусь,
Без тебя, сама
летать научусь».
Посмотрела я ей
с грустью в лицо,
На ночь шторами
закрыла окно.
Ах ты, доченька моя,
как картинка,
У тебя, видать, своя
есть тропинка!

ВИКТОР ШАРАВЬЁВ

Поэт и философ, Виктор Владиславович Шаравьёв родился в 1967 году в Бийске.

Окончил Новосибирский электротехнический институт. Работал электромехаником, строителем, инженером по снабжению, директором частного предприятия. В настоящее время проживает в селе Каначак Турочакского района.

Стихи духовного содержания стал писать после 2000 года, когда время перемен разрушило прежнюю действительность раз и навсегда.

Публиковался в коллективных сборниках поэзии.

Автор поэтических сборников: «Стихи Филалета» (2007), «Мистерия безмятежного сердца» (2014), «Мистицизм человеческой души» (2015), «Откровение» (2016), «Посвящение в тишину» (2019).

* * *

Правда, я не какой-нибудь маг,
Создающий из света и воздуха скуку.
Даже чтобы мечтать, нужно многое знать
И за словом иметь золотую валюту.

Чтобы мочь оценить – нужно видеть Творца
И достичь примирения разума с верой.
Все мы держим ответ за свои волшебства,
Понимание действия – первое дело!

Видеть в образах свет – больше магии грёз –
Настоящий волшебник «не делает» чудо.
Ночь тиха и бездонна сиянием звёзд
И, конечно, душа не пришла ниоткуда.

* * *

Я заодно со всеми, кто творит жизнь
революцией Смысла.
Я – проповедник Неизречимого,
незаметного в очевидном.
Глупцы видят во мне самих себя, мудрые знают.
Я – чайка над водами бытия, по которым,
в спокойствии их,
Стремительно скользит моё отражение.
Что слаще Присутствия Истины в каждом движении?!
Всё происходит!
Слава той Красоте, которая наполняет
сердца Признанием!
Где-то внутри, в самой середине боя царствует Тишина –
Ради Неё всё, что поднимало тебя к жизни
и что стремилось убить.
Ради Неё все заблуждения твои
и единственно верный ВЫБОР.

Предназначение

(или музыка одной ладони)

Люди уходят, люди приходят –
Каждый имеет причину и право.
Я не меняю законов природы,
Я постоянство своё наблюдаю.

Жизнь продолжается, незачем плакать,
Знание светит божественным Светом.
К нам возвращается вечная память –
Как неподвластное времени ретро.

Нет невозможного, но совершенна
Прежде возможностей наша Основа.
Сделать осознанным путь Возвращения –
Значит, исполнить бессмертное соло.

* * *

Прощай, мятежный, ветхий мир,
Ты был мне словно поле битвы.
Все человеческие игры
Проиграны, Бог победил.

И в кажимости черт теперь я
Бесформенное бытиё,
В котором всё идёт само
В непогрешимости терпенья.

Небес сияющий экстаз,
Гремящий гимнами Ригведы,
Я в Тишине Твоей победы.
Я – только то, что есть сейчас!

* * *

Мечта моя – ветер, сдувающий пыль предрассудков
С историй «Рожденья от Духа», что больше
не связано плотью;
Мечта моя – пристань для мифов о подвигах сердца –
Сияющих в бригах, носящих бессмертных героев,
Где в человеке рождается Бог, становясь Человеком,
Где беспредельности ради сплетаются нити условий –
Мечты моей мечта!

* * *

И невозможно далёкие Цели
Близятся к нам постепенно и сразу.
Фактов предшествования их не замерить –
Не существуют до нужного часа.

Он происходит средь пепла усилия,
Где-то в дремучих лесах Неизвестности.
И обнажается что-то Красивое
В видимом свете осознанной Вечности.

Внешнее будто пронизано внутренним,
Высшее входит в обычные действия.
Жизнь течёт беспричинная, мудрая,
Не нарушая покой Равновесия.

Солнце души, словно Бог, восходящее
Над горизонтом земного познания,
Страхи сожгло, продолжаются Странствия.
Наши глаза излучают Сияние.

Стихосложение

Краски я беру из мира –
Каждый «новый» цвет –
Лишь смешенье тех, что были,
Моего в том нет!

Но душа – такая бездна –
Пустота и Звук,
Назначенья неизвестны
У небесных букв.

Можно ли слова земные
Из таких сложить –
Лишь клубы дорожной пыли
Брать из жизни в жизнь?

Колесо событий – время
В отраженьях слов.
Но стоит за нами всеми
Вечная Любовь.

Что за чистое блаженство –
Знать, уметь, дарить.
Жизнь и есть стихосложение,
Если ПОЛЮБИТЬ.

АЛЕКСАНДР СТАРОВОЙТ

Александр Александрович Старовойт родился в 1968 году в городе Находка Приморского края. Учился в Дальневосточном институте рыбной промышленности на капитана промыслового судна. Не закончил по причине призыва в армию.

Работал поваром, артистом-кукольником, телемастером, увлекался астрологией.

В 2010 году приехал на постоянное местожительство в Республику Алтай, в Уймонскую долину, где неожиданно для себя стал писать стихи.

Публиковался в журнале «Три желания» (2017), в коллективных сборниках поэзии.

Фея в красном

Как ты прекрасна,
Девушка в красном!
Где-то летаешь сейчас?
Крепко ли спится?
Что тебе снится
В этот полуночный час?

Может, как фея,
Крыл не жалея,
Прыгаешь по облакам –
В звёздной накидке
Лунною ниткой
Небу ты шьёшь сарафан?

Чистый и яркий,
Будет подарком
Тем, кто встречает рассвет!
Но не узнают –
Кто ж вышивает
Ночью для утра привет?

Узкой полоской –
Пóдол, весь в блёстках
Зорьки, сияющей над
Горной грядою...
Снизу медово –
Огненный светопад

В небо струится!
Красной Жар-птицей
Солнце над миром встаёт!
Сладко ты спала –
Бодрою встала.
Новый твой день настаёт!

Будет он чудным!
Может быть, трудным...
Может, и лёгким совсем...
Будь же прекрасной,
Девушка в красном!
Но не рассказывай всем,

Где ты летала,
Что ты видала,
С кем ты встречалась во сне!
Кто тебе ладно
Любящим взглядом
Крылья пришил в тишине...

Русские богатырицы

Мир спокоен всегда,
Охраняют когда
Бесконечной Вселенной границы,
Ни верхом на коне,
Ни в железной броне –
В джинсах русские богатырицы!

Как со службы придёт,
Словно солнце взойдёт!
Лик свой святой умоет водицей...
Но и в тёмную ночь
Не сомкнёт ясных «оч» –
От тревожных забот ей не спится.

Как там дети её?
Как там братья её?
За родителей тоже боится.
Всех согреет она!
Всех накормит сполна!
Только б радость светилась на лицах!

Ни горящих домов,
Ни шальных скакунов –
Ничего тем не нужно девицам!
Был бы мир на Земле,
Каша, щи на столе...
Остальное всё сдюжат! Царицы!

Пла́чу или плачу́?

Я пла́чу тихонько в душе —
Любовью плачу́ по счетам.
Мне не отвертеться уже!
Да я не хочу того сам.

Слезой растворяется вид
Того, что лишь кажется мной.
И мозг тою влагой залит,
Который не дружен с собой.

А может, меня вовсе нет?
И пла́чу не я и плачу́,
А слепит глаза Божий свет,
К которому птицей лечу!

СЕРГЕЙ БАШКАТОВ

Поэт, музыкант, Сергей Леонидович Башкатов родился в 1969 году в Горно-Алтайске. Окончил исторический факультет Горно-Алтайского государственного университета. Служил в армии, преподавал в школе, работал на кафедре философии в Горно-Алтайском государственном университете, учился в аспирантуре.

В 1999 году рукоположен в сан священника. Служил в церкви святителя Николая, расположенной в с. Усть-Кан, в Свято-Духовской церкви в с. Майма. В 2015 году назначен настоятелем Покровской церкви в Горно-Алтайске.

Публиковался в местных и региональных СМИ, в коллективных сборниках поэзии.

Автор поэтического сборника «Лунная грусть» (2010).

* * *

Как много глупых и ненужных слов
Меж нами сказано, забудь, они не стоят
Того, чтоб помнить их, ведь есть любовь
И есть молчание, а в нём нас только двое.

И пусть нам не дано пути назад
Туда, где дальний лес звенит листвою,
Но мне твои глаза забыть нельзя.
Есть взгляд один, но в нём нас – только двое.

И в час, когда смолкают соловьи,
Сникает мир от солнечного зноя,

Я снова пью прохладу губ твоих.
Есть поцелуй, и в нём нас только двое.

И пусть тебе взгрустнётся невзначай,
Взметнётся боль оборванной струною,
Ты просто вспомни руки на плечах.
Прикосновение. И в нём нас только двое.

А встретимся – прошу, не надо слов.
Ты мне на грудь приникни головою,
Ведь слов совсем не требует любовь.
Есть целый мир, а в нём нас только двое.

* * *

Ах, если бы снова по той же дорожке,
По хрупким мосточкам, по шатким дощечкам,
Чтоб всё изменить по-другому немножко –
Фату подлиней, потеснее колечко.

Поменьше гостей, попрличнее тосты,
Покрепче вино, чтобы ночь покороче,
Построже костюм, но не так, чтобы просто,
Побольше страстей, но не так, чтобы очень.

И – вот оно – новое сладкое имя,
Знакомое с детства, но – как-то иначе
Звучащее нежно, в сравненье с другими.
У имени автор – влюбившийся мальчик.

И девочка верит, что пылкий художник
Рисует мечту, а не просто картинку.
И вечер, и месяц, похожий на ножик,
Блестит на скатёрке заката в срединке.

И звёзды, как крошки горячего хлеба,
Роняет на землю из тёплой ладони
Проказник смеющийся булочник-небо,
В котором рассвет на рассвете утонет.

Но девочка... Девочки больше не будет.
Роса на холсте, как забытые слёзы.
Лишь облако лета – смеющийся пудель –
Светлеет в листве пожелтевшей берёзы.

* * *

Как этот дождь, как тайна вечных тайн,
Живёт во мне несказанная нежность.
Побудь ещё со мной, не улетай,
Счастливая, случайная надежда.

Когда ко мне, в моей ночной тиши,
Войдёт любовь застенчиво и робко
И разрешит сомнения души,
Молчавшие до избранного срока.

Я всё пойму: как ты во мне жива!
И я лишь тем и жив, что ты со мною.
И наши слишком редкие слова
В моих глазах подорожают вдвое.

Любимая, я твой и только твой.
Длинные, как годы, наши дни разлуки.
Мне чудится: поникнув головой,
На плечи мне ты вновь роняешь руки.

Гляжусь в до боли близкое лицо,
В который раз тебя не узнавая.
Как счастлив я, что золотым кольцом
Связал тебя, женою называя.

Ни дождь, ни ночь не смогут разлучить
Тебя со мной, меня с моей судьбою.
Моей любви забытые ключи
Хранимы будут пусть одной тобою.

* * *

Ещё подождать до разлуки, ещё не сейчас...
Как стрелки безжалостно режут ночной крепдешин!
Горячей ладонью коснувшись щеки и плеча,
Почувствовать трепет летящей навстречу души.

И ветер навстречу и брызги дождя из-под ног,
Машин запоздалых гудки и огни за спиной.
И лёгкость такая, как будто открыли окно,
И ты по карнизу, смеясь, побежала за мной.

Так было однажды, играла на трубах гроза,
И в стёклах вокзала плясали зигзаги реклам.
И рядом смеялись чудесные эти глаза,
И радость за шиворот куртки ручьями текла.

Как здорово мы опоздали на мокрый перрон.
Последний автобус, но мы не хотели успеть.
И бил в барабаны подъездов грохочущий гром,
И брызгами с наших волос разлеталась капель.

И было в запасе полночи и целая жизнь,
И две остановки до чая на жарком огне,
И мягкие губы так ягодно-сладко свежи.
Была только ты, а меня вдруг не стало во мне!

Ушла наша юность, возможно, мы стали мудрей,
Но вечер с грозою искрится в бокале души.
И мой поцелуй с твоих губ никому не стереть.
...Последний автобус. Давай, мы не будем спешить.

* * *

Когда мы расстанемся в тёплый, по-летнему, день,
Горячие жёлтые листья насыплет в камин
Волшебница-осень, и струны осенних дождей
Рапсодией вечного Листа прольются на мир...

Когда мы расстанемся – в руслах мелеющих рек,
Среди облаков, опрокинутых в мелкую рябь,
Осколками нежности будет сверкать и гореть
Разбитое солнце ещё одного сентября...

Когда мы расстанемся – станет чуть-чуть холодней,
Всего только капельку. И не заметит никто,
Что мы перестали с тобой улыбаться во сне,
И с нами опять происходит ну что-то не то...

Когда мы расстанемся... Дальше и думать нельзя,
Ведь ты ещё рядом и так удивительны сны.
Так хочется думать – мы будем навеки друзья,
Так хочется верить, что мы доживём до весны...

Когда мы расстанемся...

* * *

Чего ты ждёшь – дождя, цветов, весны?
А любишь ты смотреть на облака?
А знаешь ты, куда уходят сны?
А хочешь знать, куда течёт река?

Не спрашивай меня, где гаснет день,
Где птица вьёт надёжное гнездо.
Я удивляюсь сам – ложится тень,
Звезда с другой беседует звездой.

Не спрашивай меня, чего я жду.
Я жду тебя, но я не знаю, где
Твои следы. И вряд ли их найду...
Ведь небо столько вылило дождей!

Ты просто посмотри на облака,
И я их вижу, провожая птиц.
Нас всех уносит звёздная река.
Я ждал, но не нашёл тебя. Прости...

* * *

Рисует на стекле осенний дождь
Причудливые чудо-кружева.
Я опоздал, я знаю, ты права,
Хотя бы в том, что ты меня не ждёшь.

А за окном ржавеет листопад,
И ветер рвёт афиши облаков.
Я не кричу – ты слишком далеко,
Мы слишком долго жили неупопад.

Закат погаснет, окунувшись в ночь,
И звёзды листьев поплывут в воде.
Нас друг для друга нет почти нигде,
Но друг без друга нам почти темно.

И я иду среди выцветших рябин
По полустёртым улицам – к тебе.
Рисует дождь. На стёклах, на судьбе.
Мы – далеко. Мы учимся любить.

ТАТЬЯНА ЧАНЧИБАЕВА

Поэт, педагог, Татьяна Павловна Чанчибаева родилась в 1970 году в селе Урлу-Аспак. Окончила педагогическое училище и Горно-Алтайский государственный университет. Более 30 лет работает в родном селе учителем русского языка и литературы.

Публиковалась в республиканских и районных газетах: «Звезда Алтая», «Постскриптум», «Майминская панорама», «Листок», «Сельчанка»; в журналах для детей: «Радуга» (Горно-Алтайск), «АБВГД» (Москва) и «Миша» (Москва); в коллективных сборниках поэзии и прозы литературного объединения «Лира», с. Майма.

Публиковалась также в сборнике современной прозы и поэзии России «Звёздный дождь», в сборниках Российского союза писателей, в журналах: «Великолепная десятка», «Фестиваль» (Москва).

Авторские книги: «Кто живёт в горах Алтая» (2003), «Милым ребятам стихи и загадки» (2010), «Я просто женщина земная» (2016).

* * *

Вальс придорожного листа
Под ноты лёгкой грусти...
И снова зябнет у моста
Рябины тонкий кустик.
С утра накинув серый плащ,
Плетётся день тоскливо,

И заунывный ветра плач
Гуляет сиротливо.
Далёкий профиль улиц чист,
Ворчит на непогоду...
И только придорожный лист
Упорствует природе.

* * *

На двери у Одиночества
Ни крючка нет, ни замка.
И живёт Его Высочество
В сером замке из песка.
Вход широкий, дверь не заперта,
Только выход узковат.
И душа здесь как на паперти –
Вся из дырок и заплат.
Редко день бывает солнечным.
Тишина, хоть волком вой,
Надоевшая бессонница,
Бесполезных мыслей рой.
Не важны чины, сословия,
Пуст ли, полон кошелёк.
Тут одно царит условие –
Каждый в чём-то одинок.
И не всякий может выбраться.
Главное: хватило б сил,
Потому что стены зыблются,
И порою мир не мил.
Но надежды нить пульсирует –
Закалилась от невзгод.
По канату балансирую
Я туда, где жизнь идёт.

ОКСАНА ХЛОПОТОВА

Оксана Александровна Хлопотова родилась в 1971 году в посёлке Многоозёрный Алтайского края. Окончила Барнаульский строительный техникум по специальности «архитектура».

Публиковалась в республиканских и районных газетах: «Звезда Алтая», «Листок», «Сельская новь» (Чемал), а также в коллективных сборниках поэзии и прозы литературного объединения «Лира», с. Майма.

Автор сборников: «Строки в ночи» (1996), «Жизнь и одинокая женщина» (2017), «Заповедная книга моей души» (2017).

Друг

Как был у меня друг, носил он за мной плащ,
он мелом чертил круг защиты от неудач.
И с прясел меня сажал на серого жеребца,
И вот через тридцать лет не помню его лица.
Мы мерили с ним вдвоём сурепковые поля,
Ведь был у меня друг, родной, как сама земля,
нам жёлтым казался мир, пыльца щекотала нос,
мой рыцарь и кавалер — он крепким, здоровым рос.
Мы плавали с ним в реке, вразмашку и просто так,
мы знали в округе всех мальчишек, гусей, собак,
А бабка его пекла сметанные калачи,
Она вынимала их из русской большой печи.

И в детстве своём простом у нас было сто дорог,
И музыкой в унисон – свобода и ветерок.
Дороги всегда вели сквозь солнечные поля,
Ведь у меня был друг, родной, как сама земля.

Письмо Маргариты к Мастеру

Здравствуй, Мастер! Потеря так велика,
Что обычному смертному лучше смерть.
Между мной и тобою легли века,
В толще времени солнечный свет померк.

Я найду тебя в сонме других миров
И узнаю из тысяч твою звезду,
Я зажгу миллионы прожекторов,
Чтоб ты видел меня одну.

И когда непокорные фонари
На кромешную тьму опускают взгляд,
Я прошу, ты со мною поговори,
И не нужно молчать и смотреть назад.

Я найду тебя даже в глухой степи –
Там, где ветер заводит свободы песнь.
Мы с тобой точно звенья одной цепи –
Той, которой сбивают спесь.

И когда ты устанешь от пустоты,
Я найду тебя, чтобы с тобой молчать,
Чтоб дыханьем ладони согреть твои.
Если хочешь кричать, то давай кричать.

Я найду среди тысяч твою звезду,
Если ты мне позволишь с тобою быть,
Я повешу её у себя в саду,
Чтоб она не могла никому светить.

А когда мы допишем с тобой роман,
И бессмертье подарят твоей душе,
Ты храни меня просто как талисман,
Понимая, что я не нужна уже.

Алтайская осень

Алтайская осень, печальные нитки дождей,
Уносится в небо курлычущий клин журавлей.
Алтайская осень, малиново-грушевый сад,
Где огненной шапкой горит над Аносом закат.
Алтайская осень, великого Гуркина рай,
Он маслом писал этот богом отмеченный край!
Аскат, отражённый в зелёной Катунской воде,
Как будто деревня на подступах к тихой звезде.
Алтайская осень, здесь мой недостроенный дом,
Где солнце встаёт, разливаясь багряным пятном,
И музыкой гор наполняется солнечный день.
Алтайская осень, прозрачные воды Уймень
Из озера катятся быстрой и шумной волной.
Алтайская осень, я в ней растворяюсь душой!..

Цыганское

Я в весне заблужусь, заплутаю, растаю.
Этим снегом последним судьбу закружу,
И мелодию жизни капелью сыграю,
И замёрзшими лужами в небо гляжу.

Я в весне, а она, она так же повсюду,
Она в солнечном дне и в мелодии с крыш,
Она требует срочно довериться чуду,
Её дивную песню ты только услышь!

Хрупок наст, ещё солнца не так уж и много,
И в Сибири морозы ещё хороши,
Но беспутную душу пленяет дорога,
Утолив эту жажду цыганской души.

Я в весне утону, заблужусь, загуляю,
Я в предчувствии лета от счастья хмельна,
И весёлую песню беспечного мая
О любви и свободе споёт мне весна.

ОКСАНА ХОЛМАНСКАЯ

Поэт, психолог, Оксана Валерьевна Холманская родилась в 1971 году в городе Алейске Алтайского края.

Окончила Горно-Алтайское медицинское училище по специальности «фельдшер» и Горно-Алтайский государственный университет по специальности «психолог». Работала по основным специальностям.

Публиковалась в республиканских и районных газетах: «Звезда Алтая», «Постскриптум», «Сельчанка», «Листок», в коллективных сборниках литературного объединения «Лира», с. Майма.

Автор книги «Дыхание» (2007).

* * *

Птицы не строят дома – птицы – выют гнёзда.
Жизнь на завязках скучна – птицы – свободны.
Птицы мы, мальчик мой, певчие птицы.
Сытый земной покой нам только снится.
Небо целует нас в синие крылья.
Небо дарует джаз, голос и силу.
Ветрено. Мы летим – с миром созвучны.
Птицы ищут экстрим – рваные тучи.
Крылья сильны в ночи – вязкой и стылой.
Только лети, звучи, мальчик любимый!

* * *

Просей меня сквозь звёздное сито своих стихов.
Раскали огнём.
Остуди студёной.
Я твой послушный металл – к любому бою готов.
Под пальцем поэзии курок взведённый.

* * *

Косая чёлка. Вертелась да.
Мама выравнивала, как могла.
Короткая юбка-солнце и вечно
сбитые в кровь коленки.
И лето, одурающе одуванчиковое лето.
Да я покажу тебе эту фотку –
кривая улыбка, кривая чёлка,
одуванчики выше головы
и бразильская юбка-солнце.
Но счастье, ты понимаешь,
по ту сторону и по эту.
Я ещё тогда и не знала, кто такие поэты.

Потом у меня были другие чёлки.
Разной длины и разных наклонностей.
Но они уже никогда не совпадали
с таким количеством величественных
одуванчиков и восхитительной солнце-юбкой.
Я узнала, кто такие поэты.
Научилась отделять поэзию от прозы.
Способность разбиваться перешла
от коленок к душе.

* * *

Открывай. Открывай меня заново.
В моём доме ещё столько твоих дверей.
Ещё столько замков, звоночков знаковых,
ещё столько звенящих входных цепей.
И на каждом затворе, запоре – светятся
твои знаки и коды – легко открыть...
Но ты смотришь на птиц, отпустивших Север,
и стоишь рядом с домом. Один стоишь.

* * *

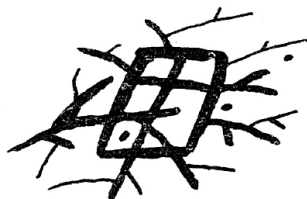
Тяжесть резных браслетов тянет к земле запястья.
Руки тонки и гибки. В танце подвижно страстны.
Пальцы сплетают ловко струи дождя и ветер.
Бубен ритмично зычен. Руки ответно резки.
Руки ответно броски
крыльево
в такт ударов.
Звучно звенят браслеты. Ветер танцует в паре.
Струи дождя по венам вьются, скользят сквозь кольца.
В татуировках плечи, будто оживший космос.
Знаки витых животных – барса и козерога –
к ночи кружат рельефно на потемневшей коже.
Ночью олень с грифоном крылья свои расправит,
сопровождая деву в тёмных пределах Нави.

* * *

Идти к тебе? Идти??
По глади озера молочно-голубого?
По этим веткам низко вековым?
По этим кронам гибельно зелёным?
По грани изумрудной пиков гор...
По всем былинам, сказкам и преданьям,
По крику птиц, застигнутых в упор,
По молчаливым рыбьим созерцаньям?

По свисту стрел и прочности щита...
По древности раскопанных стоянок,
По той, единственной, которая вела
И долго царственно покоилась в курганах?
По топоту всей вольности коней?
По мудрости целительной шамана?
По тени ястреба, по глубине ночей,
По пряности медового дурмана...

По поднебесью канувших времён,
По запредельному звучанию хомуса,
По зову трав, проросших из знамён...
Идти к тебе... идти.
И встретить утром.

СЕРГЕЙ РЕШЕТНЁВ

Поэт, журналист, художник-постановщик, Сергей Александрович Решетнёв родился в 1973 году в селе Турочак Республики Алтай.

В 1996 г. окончил Горно-Алтайский государственный университет по специальности «Преподаватель истории и права». В 2003 г. окончил ВГИК по специальности «Литературный работник. Кинодраматург».

Работал учителем истории в гимназии, методистом Республиканского Центра детского творчества, главным редактором газеты «Вестник Горно-Алтайска», художником-постановщиком молодёжного центра Горно-Алтайского государственного университета. В настоящее время работает преподавателем Колледжа культуры и искусств им. Г.И. Чорос-Гуркина.

Публиковал стихи и рассказы в журналах: «Юность», «Семья и школа» (Москва), «После 12» (Кемерово).

Автор книг: «Воздух» (1999), «Наваждение: сборник зимних стихов» (2015), «Смирение: сборник весенних стихов» (2015), «Воспитание тишиной: сборник летних стихотворений» (2015), «Встреча: сборник осенних стихов» (2015), «Графика ночей: сборник угольных стихотворений» (2015).

Кредо

ной не ной
ковчег свой строй

Василий

снег падал медленно пушинками красивый
и весь в снегу в снегу лежал Василий

в душе Василий был красив как снег
а внешне просто снежный человек

Василий рот открыл и снег в него
влетает как в открытое окно

но тает на щеке и на губах
а на ресницах снег лежит в слезах

и волосы Василия в снегу
а шапка потерялась на бегу

куда бежал Василий позабыл
но он давно на эту цель забил

под снегом ждал коварный чёрный лёд
я верю что Василий не умрёт

а трещина в коробке черепной
срастётся уже будущей весной

зато как обновился Васин мозг
он стал пластичен как пчелиный воск

чуть разогрей он станет сверхтекуч
чуть подморозь твердеет как сургуч

хоть ставь на нём всевышнего печать
хоть свечку лей и над огнём поплачь

хоть пчёлам дай для составленья сот
Василий думал так открывши рот

снег падал тихо пепел или прах
пел ангел в обмороженных ушах

и широко открыв на мир глаза
Василий поднимался в небеса

* * *

Бессонница опять, мой милый друг.
Бессолнечно и холодно вокруг.
Сердечной мышцы перетянут лук
И, кажется, что лопнет невзначай.

Мне доктор прописал пить крепкий май,
А у меня есть только ноябри.
Не согревают – как ни завари.
Ночь глубока, часа, наверно, три.

Сломался зубчик колеса внутри.
Едва ещё заметен этот сбой.
Певуча боль, гнусава, как гобой.
И странный шёпот: ты пойдёшь со мной.

И, только дверь на улицу открой,
Облепит саван с ног до головы.
Но не готов я выходить, увы,
Я берегу неровный сердца стук.

Нецарскосельскийбродский

не выходи из избы
не вылетай из трубы
зачем поворот судьбы
и кровь из губы

за воротами вырос хрен
ежедневно встают с колен
книксен переврут в книксен
тщета суета и тлен

не запрягай телег
не выходи из нег
не нажимай на тег
не стоит их тешить эг

считай у тебя холера
и пусть охрипнет валера
не ходи на зов изувера
это не он химера

действуй вокруг печи
жуй тёртые калачи
не зажигай свечи
что там смотреть в ночи

обрез прижимая пой
лучше босой с косой
божьей кропясь росой
в форточку дождь косой

на грабли не наступай
и огород не копай

еда приползет ожидай
а нет так быстрее рай

на улице чай не париж
а ты не мальчиш кибальчиш
спрячься в одну из ниш
и покажи им шиш

* * *

весна бывает тоже рыжей
до бело розовых садов
и ты была такой бесстыжей
что в жёны взять тебя готов

такая рыжая собака
легко быстрее ветра мчит
и в блеске дождевого лака
весь мир с тобой теряет стыд

гуляют пальцы по пригоркам
пологих и крутых ложков
нас вышила одна иголка
на ткани снежных рушников

легко спускаемся по склону
по льду скользим травой хрустим
и прошлогодняя солома
развееется как ржавый дым

а ты как стройная ракета
к высокому утремлена
ты обещаешь вечность лета
крича всю весну весна

Лето. Берег. Детский мир

Высыхают русла стариц.
В лужах маются щурята.
День, как чай, горячий, карий
Глаз сощурен до заката.

Мы размякли возле речки.
Облака играют в прятки.
Берег каменный – как печка –
Обжигает наши пятки.

Только слепень неуёмный
Ищет место для укуса.
Слепит солнца шар огромный
И впадает в спячку муза.

Я лежу в воде прозрачной.
Я – почти что – земноводен.
Я не взрослый. Я – не мачо.
От соблазнов я свободен.

Мои грёзы о корветах,
О шарах и дирижаблях.
Я ещё – зародыш лета,
Я дышу сквозь счастья жабры.

Колют камушки лопатки,
И мальки щекочут икры.
Будут осенью осадки
И наскучат небу игры.

А пока – ты – тоже рыба,
Солнца яркая икринка.
Круг ромашкового нимба
Над лицом твоим, Иринка.

Твой купальник – как конфетка,
Губы – спелая черешня.
Брать тебя ли в кругосветку
Я подумаю, конечно...

Ты надёжный мой товарищ.
Не захнычешь, если ранят.
В обмелевшем лоне стариц
Ловим мы щурят руками.

Мы смеемся в брызгах водных,
В миллионах мелких радуг.
Не стоят меж нами годы.
Мы не изгнаны из сада.

ЕКАТЕРИНА БАЖЕНОВА

Поэт, журналист, Екатерина Сергеевна Баженова родилась в 1973 году в Самаре, живёт в Горно-Алтайске.

Окончила филологический факультет Горно-Алтайского государственного университета, работала журналистом в республиканской газете «Постскриптум». В настоящее время работает в журнале «ПРОАЛТАЙ».

Регулярно публикует стихи в газетах: «Звезда Алтая», «Постскриптум», «Листок». Публиковалась в альманахе «Золотая строфа» (2010).

Активная участница сетевой литературы, где представлена под псевдонимом Маша Светлая. В настоящее время предпочитает подписывать стихи собственным именем.

Автор сборника стихов «Трава» (2013).

* * *

Я мыслю как свою – земную ось,
когда грозит потерей равновесье,
когда ответ на заданный вопрос
мне не известен...

Не разбираться в примесях от чувств,
рассеять их по тонким параллелям –
иначе все в вулканы закручу
и пожалею...

Пусть ветер дует над материком
живой любви, не так уж страшно это.

Покров опасней вечным тихим льдом
моей планеты.

Себя хозяйкой глобуса судьбы
иной раз вижу в дерзости иллюзий,
пусть точно знаю: в тайне – просто быть –
небесный узел...

Но в доброте движений женских – суть
гармоний жизни, мудрой силы устья...
На тёплый быт любовь перенесу
и улыбнусь я...

И пусть тогда – вокруг меня кружат
все океаны жизни. За кормленьем
я вспомню, как земной касался шар
моих коленей...

* * *

Классика осени, мрамор ступеней в листве,
Тонок и мёртв под ногами ковёр шелестящий,
Осень в эмоциях хрупких жива настоящим –
Влажно дыша, в золотой она верит рассвет.

Сказок багряных не счесть... Тонкий образ мечты...
Воздух рифмованный хочет быть выпитым, спетым...
Спелое, пылкое просится в душу к поэту,
Ночью сырея на пёстром рваньё бересты...

Классика осени. Парки пустынные, тихи.
Яркость афиш, оживленье у кассы театра...
Близится, близится хмурое, стылое завтра,
Приподнимая у зябнущих воротники...

Линии жизни на тёмных прожилках не стать
Вечной – ломается. Гуща слетающих знаков
Ляжет крестом под деревьями. Рыжей собаке
Девочка всунет в ошейник два красных листа...

Я символично ловлю листопадный восторг
И поджигаю своё вдохновенье от этой
Классики осени – вечно летящей! Балетной!
Ищущей в тайне распада рожденья исток!

* * *

Мир диких птиц мне близок чем-то,
Миг их свободы – не исчерпан...
И непокой их сердец
Полнит и небо, и лес!

Пёрышки, солнышко, трепет взлёта!
Осень меж крыльев осыплет ноты,
Лягут под ноги они –
Знаки уставшей любви...

В клюве блестящем горит рябина,
Птицы-разлуки, летите мимо!
Птицы-надежды, со мной
Пойте грядущей зимой!

* * *

В этом парке свиданий полно голубей,
Я брожу по дорожкам его, и навстречу
Мне трепещут их крылья... И близится вечер,
Волшебством озаряющий сумрачный день...

Я забывчиво помню, я в сумрак плыву,
Освещаясь каким-то потоком абстракций,

И во мне зреет что-то, желая остаться
Лишь предчувствием. Чудом. И сном наяву.

Незнакомо-знакомое... Боги мои,
Украдите меня в этот час и навеки,
Чтобы счастье, которое знают лишь дети,
Сохранилось во мне откровеньем любви!

* * *

Бывает так... Холодною тоской
Темнит глаза и душу. Только знаю,
Что вовремя написанной строкой
Миг высоты в нас что-то изменяет...

Ни скованность душевная от льда
Всех страхов и ни самообвиненья
Не сломят, если сердцу передал
Огонь от музыки замысел спасенья...

Да, холода... И первобытный в нас
Инстинкт бежать от смерти лишь острее,
Когда тревожно дышит тёмный час,
И день опять мучительно стареет.

Но в каждом – есть поэт и фантазёр,
И зимняя неволя пищу сеет
Для новых сказок, что наперекор
Печалям создают в душе веселье.

В ветрах и снегопадах закружась,
Проснётся волшебство. Увидит кто-то:
В снежинке – мастеров незримых власть
Сияет с ювелирною заботой...

А лето... Будет... Свой черёд всему.
Не торопись... и малым согреваясь,
Поверь – есть тот, кто сердцу твоему
Всё так же верит – не переставая.

* * *

Мне снилось: поэзия умерла.
Посмертная маска была бела.
Баллады, элегии вобрала
Вода забвенья...
Античного образа тихий лик,
Над ним что-то спешно сонет-старик
Шептал и шептал, но тщетно всё –
В разладе звенья...

Мне было мучительно. Стужа стуж.
Я глаз не могла от богини душ
Легко отвести... В её груди
Цветы темнели...
Исчезли все строфы, соблазн быть над
Смертельной развязкой. Кто виноват,
Что стал этот чудный мир в тиши
Запараллелен?

И я уходила... Мой стон увяз.
Я видела землю как в первый раз
И небо – пустынное, долгое...
Вдруг открылось:
Поэзия, мёртвою притворясь,
Играет во что-то, ко мне стремясь,
Спасительно – ради и вопреки –
Любовью ширясь.

Я пробую делать за шагом шаг,
И близок страданий былых овраг,
Сомнение, будто мой давний враг,
Уже ликует...
Но черпает сердце глубоко
Пространство, открывшее так легко
Когда-то в таинственной власти слов —
Меня, живую...

* * *

Я знаю своего врага в лицо —
Притихшего до шёпота бумаги,
Он помнит мою силу в каждом шаге
И ловит миг, чтоб совершить бросок...
Не зверь, не человек — то часть меня,
Ослабленная чем-то и когда-то,
И, ей благодаря, с душой солдата
Привычно мне покой — на бой менять...
Да, трудно, вязко, жарко... Капюшон
Ночь надвигает, скрыв звезды дрожанье...
Нет! Не сдаюсь, удары отражая —
Пусть раны жгут, но враг мой обречён.
Ему ль не знать, что смех мой и строка —
Светлее дня, живее острой шпаги!
И я иду! И радость в каждом шаге
Земля, любя, приветствует пока!

ГЕОРГИЙ ЧЕРНЫХ

Георгий Юрьевич Черных родился в 1975 году в Красноярске. Стихи начал писать с 9 лет, долгое время не придавая этому серьёзного значения.

Окончил Горно-Алтайский сельскохозяйственный колледж.

Публиковался в республиканских и районных газетах: «Звезда Алтая», «Постскриптум», «Вестник Горно-Алтайска», «Сельчанка», в коллективных сборниках литературного объединения «Лира», с. Майма. Стихи опубликованы в альманахе «Золотая Строфа-2009».

Автор сборника стихов «Времена жизни» (2009).

* * *

Небо звёздное в утро раннее
Тает гроздьями, став хрустальнее.
Скрыты инеем – что мерещится –
Травы синие в свете месяца.

Утро каждое, словно кружево:
Сонно-влажное, не разбужено,
Не воспето. Но в небе палевом
Зарождается Солнца зарево.

Утро всякое – как последнее,
Встреть с отвагою, стань приветливей.
И скажи для всех Слово бодрое:
«С добрым утром вам, Люди добрые!»

* * *

В поэзии запретов нет.
Есть в ней и нечет, есть и чет.
Но вместо фишек слов тесьма.
И слов игра. Игра ума.
Кто будешь ты за тем столом,
Оббитым дорогим сукном?
Ты здесь игрок, судья, крупье?
Здесь вправе выбирать тебе.

В поэзии один запрет:
На графоманский жуткий бред,
Провозглашающий всегда,
Что всё на свете есть беда.
Коряво выстроенный миф
Из пальца высосанных рифм,
Где загнана под ритм строфа.
То не поэзия — дрова.

Но есть в поэзии секрет.
Он — радужный нетленный свет!
В нём каждая строка чиста:
Про жизнь, про счастье, про Христа!
Секрет поэзии не в том,
Что хочешь ты сказать стихом,
А в том, что тайна есть сия,
Она — сама поэзия.

Постижение

Знаешь, об этом мы и не мечтали,
Что, постигая вселенские дали,
Там, где блуждает Большая Медведица,
Ангел, пылающий сердцем, нам встретится.

С ним проплывая в серебряном свете
Над неизвестной науке планете
В звёздных скоплениях необнаруженных
Дивную музыку, чувствуя, слушали.

В тех вездесущих космических звуках
Мы находили с тобою друг друга
И на туманностях без гравитации
Воссоздавали свои инсталляции.

Нам открывался, вставал всё чудесней
Музыкой вечной от дальних созвездий,
Солнцами яркими весь освещаемый
Космос – великий и непроницаемый!..

Мы не желали космических далей.
Взявшись за руки, мы просто мечтали.
И, поражаясь вселенскими глубями,
Крепче сплетались сердцами и судьбами.

ЮЛИАНА СЕМЕНЦОВА- МОЛЧАНОВА

Поэт, музыкант, Юлиана Игоревна Семенцова-Молчанова родилась в 1976 году в Таджикистане, в городе Душанбе. С 1992 года живёт на Алтае.

Закончила музыкальное училище в г. Бийске, музыкальный факультет Бийского педагогического института, институт культуры и искусств в г. Барнауле.

Работает преподавателем в музыкальном колледже. Стихи пишет с 15 лет, имея при этом разноплановые творческие интересы. Главной творческой деятельностью считает жизнь во всех её проявлениях, а основным объектом внимания – счастье в предлагаемых обстоятельствах.

Друзья Юлианы пишут на её стихи песни, которые можно услышать в Интернете.

Публиковалась в коллективных сборниках поэзии литературного объединения «Лира», с. Майма.

Точка отсчёта

Точка отсчёта. Начало движения.
Стёрты границы. Отброшены маски.
Выбор пути – основное решение,
И ни единой привычной подсказки.

Смолкли внезапно звонки телефонные,
Чувства рассорились с календарями,
Файлы пусты, и табло электронные
Недоумённо моргают нулями.

Толстая книга с потёртой обложкой –
Чуждые правила века минувшего.
Крохотный космос мерцает серёжкой
В ушке у ангела, сладко заснувшего.

Память свернулась клубком у порога,
Смысла следы и свечу погасила.
В полуулыбке притихшего Бога
Мудрость, прощение, нежность и сила.

Город газетных киосков рыдает –
В лужах – клочки сотворённых кумиров,
А с высоты, неподкупно живая,
Светит любовь над обломками мира.

Точка отсчёта. Законов природы
Не обойти, но пьянит вдохновение –
Чистый глоток вожденной свободы,
Где человек принимает решение.

Знаки

Медленно-медленно я открываю глаза...
Жизнь просыпается на острие мироздания...
Свет наполняет пространство, движение, дыхание;
И открывает завесу небес бирюза.

Знаки огня на крутых поворотах пути;
Знаки воды на камнях берегов ожиданий...
Каждый момент новизны обозначен прощаньем.
В каждом прощании важно – суметь отпустить.

Медленно-медленно я разжимаю кулак,
Тонко пульсируют вены на хрупком запястье.
Маленькой птичкой, несущей огромное счастье,
Мне улыбнулся с ладони загадочный знак.

В предлагаемых обстоятельствах

По прогнозам сегодня – сумрачно,
Сильный ветер и жизнь с осадками.
У меня – яркий зонтик в сумочке
И в кармане конфета сладкая.

Мне случалось до нитки вымокнуть,
И в отчаянье быть до донышка,
Но однажды рискнуть и выпорхнуть
Прям за тучи, туда, где солнышко.

Чей-то опыт и чья-то оптика,
И статистики показатели,
Проницательные синоптики,
Просветлённые прорицатели

Оказались в туманном облаке
Параллельной сюжетной линии;
А прогнозы, меняя облики,
Из-за пазухи камни вынули.

Улыбаюсь своим открытиям,
Понимаю – бывает всякое...
Чем назначить тебя, Событие, –
Может, парусом? Или якорем?

Неминуемы грозы с ливнями,
Только правда – не в доказательствах,
А в умении быть счастливыми
В предлагаемых обстоятельствах.

Никогда под чужими схемами
Не укрыться от предстоящего.
Я – живу. В настоящем времени.
И учусь я – по-настоящему.

У дверей

Стоим у дверей, как обычные люди;
Я раньше грустила, теперь – улыбаюсь.
Мы помним, что было; мы знаем, как будет;
И ты улетаешь, а я – приземляюсь.

Последние капли десертного танца
Ещё в глубине хрусталя торжествуют,
Ещё задержалось на кончиках пальцев
Дыханье твоё и тепло поцелуев;

Ещё в волосах сохранился твой запах,
И нежность ладоней осталась на коже,
Но время крадётся на бархатных лапах,
И мне улетать предначертано тоже.

Из мягкого воска бессонница слепит
Осколок Луны и уйдёт, обессилев,
А я так хочу показать тебе трепет
И силу моих отрастающих крыльев...

В ожидании чуда

Перехватывает дыхание –
Сроки близятся к завершению;
Как томительно ожидание
И волнительно предвкушение.

Самый главный час не настал ещё,
В мягком коконе, в тёплом гнёздышке
Тихо дремлет наше сокровище,
Наша звёздочка, наше солнышко.

...Побороть в себе нетерпение,
Постараться не гнать события...
Ожидание, предвкушение...
Так томительно! Так волнительно!

* * *

Сплетенья судеб, лиц, имён,
Существований ручейки –
Земного времени закон,
Течение одной реки.

Людских страданий кутерьма
Заключена в порочный круг,
И не понять, где свет, где тьма,
Не различить, кто враг, кто друг.

И плач, и смех, терзая грудь,
Сливаются в единый рёв,
Ни повернуться, ни вздохнуть
В тугих объятьях берегов.

Мелькает за струёй струя,
Бурлит и пенится поток.
В стеклянной колбе бытия
Струится времени песок...

Он погребает под собой
Минуты, месяцы, века...
Но то, что названо судьбой,
Не может обойти река.

Ты и твоя тень

Однажды, словно хрупкое стекло,
На плюс и минус, холод и тепло,
На свет и тень реальность раскололась.
Мы держимся за острые края;
Что говорит немая тень твоя?
О чём молчит её беззвучный голос?

Природа – гениальный программист –
Считает ветром прошлогодний лист
С нагретых солнцем каменных ступеней...
Пусть время передёрнуло затвор,
Но вера – вдохновенный дирижёр,
Художник жизни, мастер светотени.

И ты рукой уверенной пиши
По чёрно-белым клавишам души
Пассаж судьбы, стремительный и ровный.
Под светом всё отбрасывает тень,
Но главное – и в самый тёмный день
От сердца не отбросить свет духовный.

АЛЕКСЕЙ ЧИЧАКОВ

Поэт, музыкант-мультиинструменталист, исполнитель авторских песен, Алексей Алексеевич Чичаков родился в 1981 году в селе Усть-Кокса Республики Алтай.

Стихи пишет с юности.

Окончил Алтайский государственный институт искусств и культуры, отделение театральной режиссуры и актёрского мастерства. Является исполнителем алтайского традиционного горлового пения «Кай». Основатель музыкального проекта «Белуха Джем».

Работает артистом Усть-Коксинского Дома культуры. Гастролирует с концертами и мастер-классами. Пишет на свои стихи песни.

Долина

Ветер хочет украсть тёплые сны.
Горы хранят, снега тают в реки.
Месяц звёздной стрелой метит в тебя,
Седое солнце взойдёт, откроет веки.

Зелёной чашею гор долина легла,
Могучей стражей леса оберегают.
Ты набери родниковой воды из ручья –
Увядавшие ветви души листвой оживают.

Этой долиной рождён, и это мой дом.
Помню об этом всегда, где бы я ни был:
Здесь мои родники охраняют меня,
Здесь можно ладонью достать до неба.

Наважденье

Серебрится солнцем луна
Через пелену облаков.
Тёплая свеча у окна
Воском на руках твоих слов.

Вот и твоя нить пролегла
Мимо параллельных миров.
Снова накрывает волна,
Словно акварель твоих снов.

Это наважденье ветров
Медленно уводит тебя,
Угнетает тяжесть оков,
Болью догорает свеча.

Две вершины – нить горных льдов,
Локтем выпирают края,
Головами до облаков,
Песнями сгорают дотла.

Птицей Феникс снова взлетать,
Песнями из пепла в полёт.
Каждый раз опять умирать,
Крыльями ломать этот лёд.

Таает грусть

Там, где солнечные дни,
Тёплый ветер в волосах,
Где сбываются мечты,
И поляны все в цветах,

Ветер гонит облака –
Не догнать, не обмануть.
Сладкий привкус на губах –
Мёдом песни таает грусть.

Здесь мелодии дождя
И рождение зари,
Родниковая вода
Верить путнику велит.

Ветер мчится в облаках –
Не догнать, не обмануть.
Сладкий привкус на губах –
Мёдом песни таает грусть.

СВЕТЛАНА КОСТИНА

Поэт, журналист, Светлана Борисовна Костина родилась в 1982 году в селе Майма Республики Алтай. Окончила филологический факультет Горно-Алтайского государственного университета.

Первые стихи были опубликованы в 11 лет в республиканской газете «Звезда Алтая». С тех пор регулярно публикуется в литературных изданиях Республики Алтай: «Звезда Алтая», «Постскриптум», «Листок», «Вестник Горно-Алтайска», «Земля Алтая»; в журналах: «Алтай», «Мир Алтая»; в коллективных сборниках литературного объединения «Ли́ра», с. Майма. Работала корреспондентом Майминской районной газеты «Сельчанка», вела литературную страницу в газете «Звезда Алтая».

Участвовала в 7-м и 10-м форумах молодых писателей России. По итогам 10-го форума была включена в антологию «Лучшие молодые поэты России» (Москва, 2010).

Автор сборника стихов и прозы «Заветное» (2011).

Однажды ночью

*По мотивам истории ветерана
Великой Отечественной войны*

Иван Петрович очень рано встал,
Иван Петрович снова плохо спал,
Ему приснился 43-й год,
Ему приснился Белорусский фронт.

Нет, ему снилась вовсе не война,
А та, о ком не ведала жена,
О ком он помнит семь десятков лет,
Всё думает – живая, или нет?
Её глаза – два чёрных уголька,
Тесьма в косе и запах молока...
И россыпь звёзд и влажная трава,
И шелест слов, горячих, как смола:
«Я так люблю тебя, я так люблю,
Не смей погибнуть в завтрашнем бою!»
И ток от рук, её дыханья шум:
«Вернись живым, и я тебе рожу».
Был страшен бой – кровавый ураган
В нём ранен был, но был спасён Иван.
В санбате он, с повязкой на груди,
Молил сестру: «Найди её, найди!»
Но не нашли, искали – не нашли,
Да где найдёшь, селение – сожгли.
С тех пор и снится... Семь десятков лет
К нему приходит тёмный силуэт,
И память ворошит, и душу рвёт.
«А вдруг жива? А вдруг ещё живёт?»
Иван Петрович очень рано встал.
Жена спала под грудой одеял.
Он в полутьме пробрался на балкон,
Где дождь трещал, как старый патефон.
Неспешно сигарету сунул в рот –
«А вдруг жива? А вдруг ещё живёт?»
О, как хотелось, чтоб она жила,
Чтоб до седин она свой путь прошла,
До правнуков, до свадьбы золотой.
До грани, до усталости земной.
Чтоб помнила, чтоб пронесла сквозь сны
Вкус поцелуя с горечью войны.
Горит фонарь и ноет голова,
Проходит ночь, и жизнь почти прошла.
Лишь две звезды блещут издалека –
Два чёрных, негасимых уголька.

Осеннее воспоминание

Обезвоженные фонтаны,
Одноразовые стаканы.
Мы опять не пошли на пары,
Нас с тобой называют парой,
У тебя за спиной гитара,
Ты красивый как Че Гевара.
Все прохожие обезличенные
Только мы с тобой симпатичные,
Поэтичные, аполитичные
И ведём себя неприлично мы.
Нет у нас ни стыда, ни совести,
Мы полны ещё детской лёгкости,
Мы мечтами полны и песнями,
Бог на нас ещё смотрит весело.
Не научились Бога мы бояться,
Он нас хранит, пока нам восемнадцать.
Как хорошо – за пазухой у Бога,
А впереди ещё так много, много...

Сашка

У баб Маши, кроме Сашки
Были Пашка да Иван,
А остался только Сашка –
алкоголик и буян.

У неё больные ноги
И на сердце два рубца,
Она ходит по дороге,
Кличет Сашку-подлеца.

Сашка с детства глушит водку,
Был женат и бил жену,
Воровал, имеет ходку
Или даже не одну.

Он таскается по барам,
Всюду должен, вечно врёт,
Если он берёт гитару,
То блажит, а не поёт.

С виду он больной и слабый,
Только в драку лезет сам,
И его жалеют бабы
За печальные глаза.

Загрустит порой, по пьяни
Убредёт на край села,
К сердцу крепко боль пристанет,
Как кедровая смола.

И бесслёзно, бессловесно
Долго плачет, воет псом,
А потом пустой и трезвый
Возвращается в свой дом.

Кличет Сашку баба Маша,
В низком небе грянул гром.
Говорят отец у Сашки
Был хорошим мужиком.

Простая история

Ты долго шарф наматывал на шею,
Ты долго подбирал слова,
Но лишь сказал: «Да, ты была права,
Быть лучше не смогу и не сумею,
Уйду и одиноким постарею»,
Ушёл. Часы показывали – два.
А в восемь вечера я ехала с работы,
Мир двигался в автобусном окне:

Ты шёл с другой – свободный, беззаботный,
Наверное, не помня обо мне.
В автобусе гудело и шумело,
Я плакала, перчатку смяв в комок.
«Вам плохо?» «Да кому какое дело!»
«Не надо. Вот, возьмите мой платок».
А в девять я надела новый плащик,
Такси уже подъехало, и вот...
Ты, мой другой, взволнованный, как мальчик,
Стоишь с большим букетом у ворот.

Про Украину

На Украине бывала я в детстве,
Ела большие вареники с вишнями,
А теперь там военные действия,
города и деревни выжжены.
По всем каналам опять вещают:
Рвутся в Донбассе снаряды и мины,
А в телефонную трубку рыдает
Добрая тётка моя с Украины.
Милая тётка снова рыдает...
Не родится картошка в поле,
Говорит, коровёнка хоть как-то спасает.
Нету хлеба, и нету соли.
Объявили мобилизацию,
Могут сына забрать на войну.
Военная ситуация,
Лихорадит страну...
К тётке, как в детстве, слетать охота,
На аэробус купить билет...
Я не боялась самолётов,
Когда мне было двенадцать лет.
Смеялась мама, смеялся папа,
Зелёной улочкой мы шли,

Бежала тётка, не снявши фартук,
Кричала: «Милые мои!»
В саду у тётки спели фрукты,
Огнём горела алыча,
И шли соседи, кто откуда,
Родно российскую встречать.
К столу тащили разной снеди:
Бутылки, крынки и кульки,
И женщины тянули песни,
Шутили много мужики.
Звонила тётка – сливы сгнили,
Ведь сахар стал в большой цене,
Соседи сына схоронили,
Убили парня на войне.
У тётки в сердце много солнца,
Вокруг неё всегда народ...
Но тётка больше не смеётся,
И больше в гости не зовёт...

Без пятнадцати восемь

Дома, как крыльями, захлопали дверьми,
Звонят мобильники и каблучки стучат,
Мусоровозы, словно корабли,
По трассе проплывают, грохоча.
На остановке, под унылым кровом,
Толпятся люди, прячась от дождя,
Ещё чуть-чуть, и поглотит их снова
Автобусная злая толчея.
Одна из них и я, стою-скупаю,
Мне холодно в пальто недорогом,
О недопитом думаю стакане чая,
О байховом, с топлёным молоком.

Воспоминание

Мы были дети. Я в жёлтом платье.
На закате,
Огненном, как волосы мамы.
Она шла рядом, и муж её третий,
Глупый от счастья и птичьего гама,
Смеялся, ещё не начав анекдота.
А мы с тобой обсуждали тучу,
И дворник делал свою работу,
Сметая осень в большую кучу.
И парк качался, хмельной от мира.
Он был спокойный, сырой и старый.
Пылали в скверах костров кораллы,
А ты косился на двери тира.
Я помню, было тепло и пусто,
И липко пальцам от сладкой ваты.
Пылало солнце в маминых бусах,
А ты был самым любимым братом.

ЗАРИНА СЛАТВИНСКАЯ

Зарина Анатольевна Слатвинская родилась в 1988 году на Дальнем Востоке, в 6-летнем возрасте приехала вместе с родителями в село Усть-Кокса Республики Алтай. Дочь поэтессы Марины Слатвинской.

Окончила Барнаульский юридический институт, работает в Отделе внутренних дел Усть-Коксинского района инспектором по делам несовершеннолетних.

Публиковалась в республиканской газете «Звезда Алтая», в районных газетах: «Уймонские вести», «Голос долины», в коллективных сборниках поэзии.

Воображение

На моей ладони, сердце леденя,
Расплескалось море: баржи, якоря.
Море не простое – красная канва,
Плещется волною в берег рукава.
Так, поранив руку, сквозь слезу смотря,
Капельками крови рисую я моря.

Я – цыганка

Полночь ляжет на порог –
Кто поэт и кто пророк?
Карты быстро раскидаю,
Что хочу, о том узнаю!
Чёрный взгляд, шикарный голос,
По плечам змеится волос,
Руки хитрые, как нож, –
Не расскажут карты ложь!
В комнате совсем темно,
Но раскрою я окно –
Пусть луна холодным светом
Проливается в вино!
Колдовство такая штука –
Не предмет и не наука!
Лёгкость разума и свет
Даст тебе на всё ответ.

Алтай

Дом невысокий, серый сарай,
Горы повсюду – это Алтай.
Реки прозрачные, синее небо...
Много теряет, кто здесь ещё не был.

Камни в реке, ветер в лугах,
И великаны живут в облаках...
Криком с небес сокол зовёт...
Царство природы путника ждёт.

* * *

Фарфоровая куколка —
Ребёнок из зимы.
Фарфоровая куколка —
Тебе не снятся сны.

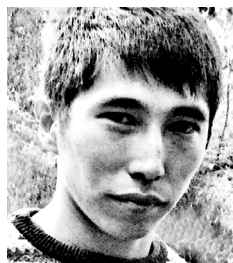
Белеют щёчки нежно
И отражают свет.
Осталась без надежды
На много долгих лет.

Фарфоровые ручки
И шёлковый корсет,
И волосы, как тучки,
И на руке браслет.

Сидишь на шифоньере
Который год подряд,
Выглядываешь в двери —
Наверно, ждёшь ребят!

Ребята повзрослели,
Покинули свой дом,
И замело метелью
Следы их за окном.

Фарфоровая куколка,
Почти как человек,
Фарфоровая куколка,
Забытая навек.

МЕРГЕН ЧЕЛТАНОВ

Поэт, журналист, Мergen Семёнович Челтанов родился в 1988 году в Горно-Алтайске, принадлежит к старинному алтайскому роду ак кёбёк.

Окончил Алтайский государственный институт культуры по специальности «Социально-культурный сервис и туризм». Учился в магистратуре Горно-Алтайского государственного университета, занимался исследованиями карста и пещер.

Работал корреспондентом в газете «Листок», проходил воинскую службу. В настоящее время работает в Дирекции особо охраняемых природных территорий.

Публиковался в газетах: «Звезда Алтая», «Вестник», «Постскриптум», «Сельчанка», «Листок», а также в коллективных сборниках поэзии.

Стихи поэта включены в сборники молодых писателей «Я вдруг поэт», издававшихся Национальной библиотекой им. Чевалкова в 2016 и 2017 гг.

Красная весна

В распухшие брюха дворов
Вонзаются крики грачей,
И, вскрыв свои вены, ручей
Пролил свою грязную кровь,
Забрызгав мои башмаки...
Я чувствую эту весну:
Как гвоздь, ободравший десну,
Скрипят на зубах матерки.

* * *

Божественный лик. В глазах – серебро.
Легка. Грациозна. Горда.
Отдал без раздумий бы Богу ребро
За даму такую Адам.

Влекумы, как знаменем, платьем твоим
Брутальные альфа-самцы.
Зовут в рестораны, в театр, на фильм,
В беляшной покусать самсы.

Ты даришь им жемчуг улыбок и смех,
Пленишь обаянием чар,
А если наскучит – в глазах твоих снег,
От холода губ твоих – пар.

Меняешь причёски, перчатки, парней;
Течёт твоя жизнь, как вино.
В хрустальном бокале ты видишь на дне
Свой день, как отрывок кино.

Я знаю тебя. Ты дерзкая лань,
Изгиб твоей талии крут;
Сразила ты многих им, но не смогла
Найти предначертанный путь.

За смехом весёлым, беспечной игрой
Скрывается горечь тревог.
Но верю – всё будет! Найдётся герой
И твой переступит порог.

Сумрачный сад

Вот сумрачный сад. С одинокой беседкой
из старого камня, покрытого мхом.
Ты в нём. И зачем беспокойное сердце
покинуть заставило собственный дом?

В больной голове заиграла пластинка,
от музыки этой ты стал фортепьян.
Танцуешь босой на садовой тропинке
по мокрым камням и опавшим цветам.

Звонят серебристые струны; аккорды
всё громче, быстрее, что хочется петь.
Но ритм нарастает, тональность минорна,
пощёчины хлещет горячая медь;

и тени с тобой, то тихонько крадучась,
то мимо метаясь, в движенье пришли;
то корчатся в ломке, то вздуются тучей,
то просто плывут по кустам – корабли.

Беснуются танцы безумных видений,
где тень, а где ты – уже не разобрать...
А утром с погасшей звездой последней
закончится странная эта игра.

Румяной зарёй пробуждаемы, птицы
наполнят пространство звучаньем иным,
и солнце, искря золотой колесницей,
разгонит остатки тумана и сны.

И не было вовсе ни танцев, ни сада,
тропинок в цветах и оживших теней,
а этот мотив ты забыл – вот досада!
И вспомнить не можешь никак, хоть убей.

Пальто

Поля пальто – это ладони,
по ним в огне несутся кони,
в карманах пряча грубость рук,
листву, лучи и тайну губ.
Как будто дерево-карась,
души меняющий окрас,
как будто задом наперёд,
как будто смех, как будто лёд,
так и пальто с печальным глазом
стеклянной пуговицы вдруг
откроется – и сердца стук
оглушит всех внезапно, сразу.

Раб

На работе ты раб.
Ты прикован к семье.
Половому инстинкту
Подчинён, и еде.
Раб беспомощных мышц,
Раб покорной судьбы...
Мы рабы своих тел,
своих мыслей рабы.

ЕКАТЕРИНА РУПАСОВА

Екатерина Павловна Рупасова родилась в 1991 году в Бийске. Окончила Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, специальность «Прикладная информатика в экономике».

Работала экономистом, менеджером по планированию, дизайнером.

Стихи начала писать с пятнадцати лет. Первая публикация появилась в журнале «Чудо рождения мысли» (2007, Горно-Алтайск).

Подборки стихотворений публиковались в литературных журналах и альманахах Горно-Алтайска, Бийска, Красноярска, Томска, Ульяновска, Нижнего Новгорода, Владикавказа, Москвы, Будапешта (Венгрия) и Дюссельдорфа (Германия).

Автор сборников поэзии: «Птица первого снега» (2012), «Никому-никому» (2018).

По воле сердца

Смертным осталась судьба да лихая разлука.
В небе чернильном горят голубые огни.
Помнится, нам говорили, что мы не одни
В россыпи звёзд и галактик. Ни знака, ни звука...

Память о детстве изъята и с нею ответы.
Как ни старайся, другого пути не найти:
Волею алого сгустка, что спрятан в груди,
Мечемся в поисках правды, надеждой согреты.

Зачем обманывают детей?

И не упомнить всех надежд,
Что в детстве голову кружили.
Мы твёрдо верили и жили
В наивном чаянье невежд.

Нас окружали чудеса,
Но мы тогда не понимали,
Что взрослые безбожно лгали,
Игриво глядя нам в глаза.

С тех пор прошло немало лет,
Немало разочарований,
Немало тщетных ожиданий
В душе оставили свой след.

Но детские мечты всегда
С теплом в улыбке вспоминаем...
И мы своих детей обманем,
Даря им светлые года.

До одного

Считать до одного не так уж сложно
В массиве из нулей и единиц.
Здесь каждый первый загибает пальцы,
Склонившись над шуршанием страниц,
И чувствует уверенность подкожно
В причастности к ватаге первых лиц.
Гордыней ослеплённые страдалцы
Не верят Богу, опадая ниц,
Но бьются насмерть о свою ничтожность,
И после даже не собрать крупиц,

И после ничего о них не вспомнить.
Одни нули в глазницах диких птиц
Мерцают верой, оттого, возможно,
Для крыльев нет препятствий и границ.
Стремящемуся смыслом быт наполнить
Без помощи Творца не обойтись.

Мятежный дух

Где будешь ты, когда зажгутся фонари,
Осенних сумерек приход благословляя?
Где будешь ты – больной, продрогший изнутри,

Когда сомкнутся в вышине ворота Рая,
И неба занавес пронзят иголки звёзд?
Быть может, улицами чуждыми плутая,

Ты ищешь смысл в череде несметных вёрст?
Гроша не стоят ожидания и цели,
Поскольку каждый путь приводит на погост,

Поскольку тлен ветвится от рожденья в теле.
Ужели сцену бытия покинул ты,
Когда овации бесстрастно отшумели

По роли, сыгранной в порыве доброты?
Легко ли было с этой участью смириться?
О чём ты думал на границе пустоты,

Я не узнаю... Неизвестность будет виться
За годом год, в рутине вихря полых дней.
Я не узнаю... Жаль, что нам пришлось проститься,

Мятежный дух беспечной юности моей.

Белый клевер

На счастье подари мне белый клевер
В четыре ослепительных листа.
На каждого, кто в лучшее поверил,
Полсотни тех, в ком точит пустота
Сквозные дыры, и до слёз проста
Статистика сорвавшихся с моста.

Кто верит в чудеса? Кто верил?
Земля насажена на вертел,

Вращается, не ведая конца,
А мы не знаем... нет, не помним повод,
Заставивший от первого лица
Смотреть на Мир, желать, покуда молод,
Помочь ему. Не изменить и город
Плебейам, вроде нас. Нелепый довод –

Стремление вершить. А мне бы...
Бумажный клевер. Счастья мне бы.

Альбом воспоминаний

Совсем невесело – очнуться ото сна
И осознать себя иссохшею старухой.
Когда глухая тишина висит над ухом,
Не передать, как жизнь размытая скучна.

Имеет ценность лишь альбом воспоминаний,
В котором лица упокоенных друзей
С годами только депрессивней и бледней,
Иные – полностью лишились очертаний

И воссоздать нельзя их даже наугад.
Настырно тикает отпущенное время.
Что остаётся нам, привязанным к потерям?
Вставать и, в зеркало унылый вперив взгляд,

Рукой дрожащею расчёсывать несмело
За прядью прядь седых просаленных волос,
И задавать себе всего один вопрос:
Когда найдут моё безжизненное тело?

Миропорядок

На самом деле не бывает перемен.
Константы, сущность не меняя вместе с формой,
Всё те же роли в мириадах старых сцен
Играют плоско и фальшиво, а взамен
Имеют вечность, тем довольствуясь, бесспорно.

В прямом эфире перекрёстки и года...
Смотреть не надо. Если правил нет – нет жизни,
Но ценный опыт будет ценным лишь тогда,
Когда он стоил непомерного труда.
И всё же толк и наставления излишни,

Поскольку каждый хочет быть себе творцом
И, эту жажду получив внутриутробно,
Покорно движим ей по жизни и притом
Считает выбор свой законом и венцом
Людской морали. Это факт, как ни прискорбно.

ПОЭТЫ XX СТОЛЕТИЯ ОБ АЛТАЕ

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН

(1885-1941)

Алтайский гимн

О, океана золотая, –
Крещенский солнечный восход!
Скользит, как вздох Эола, тая
По скатогориям Алтая
Победоносный лыжеход.

Снега, снега, – как беломорье...
Восход бестёпел. Вдоль полян
Метёт предутренник с нагорья

Пушисто-снежное узорье,
А ветер светел и ледян.
Осветозарь мои веленья,
Мои желанья и пути.

Ты, созидающий оленя,
Как бодрость упоенной лени,
Дающий десять для пяти!

Гуди, ледяное безводье!

Пылай короною, Январь!
Крепи, ойрот, свои поводья,
А ты, Эмблема Плодородья,
Мои пути осветозарь!

КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ

(1867-1942)

Сибирь

Страна, где мчит течение Енисей,
Где на горах червонного Алтая
Белеют орхидеи, расцветая,
И вольный дух вбираешь грудью всей.

Там есть кабан. Медведь. Стада лосей.
За кабаргой струится мускус, тая.
И льётся к солнцу песня молодая.
И есть поля. Чем хочешь, тем засеи.

Там на утёс, где чары все не наши,
Не из низин, взошёл я в мир такой,
Что не был смят ничьей ещё ногой.
Во влагу, что в природной древней чаше
Мерцала, не смотрел никто другой.
Я заглянул. Тот миг – всех мигов краше.

ГЕОРГИЙ ВЯТКИН

(1885-1938)

Шаман

Священный бубен поднят, вознесён.
Он пахнет дымом, потом, старой кожей,
Но он любим шаманами, он – Божий.
И вот, гудит священный перезвон.

И в тишину пустынных бездорожий
Ложится мгла на серый небосклон.
Над юртой веет ветер непогожий,
Несёт молитвы, жуткие, как стон.

И день, и ночь кругом шумит тайга,
А там за ней, суровы и безлюдны,
Горят в сиянье северном снега,
И светятся, таинственны и чудны,
Равнины тундр и горы вечных льдов.

Мир полон тайн. Мир страшен и суров.

Горное озеро

Горное озеро, с тёмной прозрачной водою –
Синий, огромный, невиданный в мире цветок.
Горное озеро – дивная синяя чаша,
Полная радости, чистые сердцем, для вас.

Справа и слева, как верные давние стражи,
Острые пики овечьих марев гор.
Сзади – высокие травы и тёмные кедры,
А впереди – золотые от солнца снега.

День угасает и нежною дышит прохладой.
Солнце уходит, темнеют долины вниз,
Падают росы...

Вставайте, лучистые звёзды,
В небе далёком и в озере тёмном, как ночь.

Катунь

Царица рек в немеркнувшей короне,
Рождённая неведомо когда.
В снегах вершин, в их непорочном лоне,
Светла Катунь, быстра её вода.

Меж диких скал в несокрушимой броне,
Под шум лесов, не молкнущий года,
Летят её бесчисленные кони
И отдыха не знают никогда.

Вспенённые, с мятущеюся гривой,
То тяжело, то ласково-игриво,
Сбежав к степям, шумят у берегов.
А там, вверху, там новые рождаются,
Вздываются и прыгают, и мчатся
В алмазах брызг и в пене жемчугов.

АЛЕКСАНДР ПЕРФИЛЬЕВ

(1895-1972)

Алтай

Г.Д. Гребеничкову

Высоко, далеко от Алтая,
В горных кручах дорога трудна.
А вверху – благодать снеговая:
Вышина, ширина, тишина.

В целомудрии этого снега,
В этом небе – всех в мире синей –

Утомлённое время с разбега
Гасит вспышки нерадостных дней.

Добежит и замрёт на пороге
От слепящей его белизны,
Омывая спалённые ноги
Несравненной водой тишины.

ВИССАРИОН САЯНОВ

(1903-1959)

За Катунью

Железный котелок, старинная берданка,
Два ледника, бегущие с горы,
Проводников усталых перебранка,
И за Катунью первые костры –

Всё это мне припомнилось вначале:
Шли табуны на выбитом корму.
Сто раз вокруг кукушки куковали,
Медвежий след нас вёл на Бухтарму.

Покуда шли ещё с бухты-барахты,
Срываясь вниз, заброшенные тракты –
Вдруг услышав, как соколы кричат,
Встречая утро, я взглянул назад.

Кругом скиты – в лесах непроходимых
Широкоплечий сумрачный народ.
О бородатых строгих нелюдимах
Опять беседа медленно идёт.

Они сюда спастись приходили,
Рубили лес и строили дома,
Зимой медведя мелкой дробью били.
И стала русским краем Бухтарма.

Как в деревнях возвышенности русской,
Здесь тихо жил старинный их уклад,
И тень зари легла полоской узкой
На голубой высокий палисад.

Но вновь кипит живая кровь народа,
В огне горит неопалимый край –
Седеет склон родного небосвода,
Встречает песней странников Алтай.

ЛЕОНИД МАРТЫНОВ

(1905-1980)

Алтай

Ко мне
Алтаец подошёл.
Я радовался от души,
И попросил я:
«Опиши
Пером или карандашом
Алтай своих целебных трав,
Алтай своих волшебных руд...»

И это был нелёгкий труд –
Представить, ясно осознав,
Алтай своих святых основ,
Алтай своих горячих снов.

И стал Алтай мгновенно нов –
Алтай старинных колдунов,
Алтай шаманских диких чар,
Алтай автомобильных фар,
Алтай воздушный, как ангар...

Клубись,
Вершинами блистай,
Ещё неведомый Алтай,
Вздымая ввысь за кряжем кряж,
Алтай себе свой верный страж.
Хоть взять и в руку карандаш
Ещё алтаец не успел,
А только песню он запел –
Иначе яви не создашь.

МАРИАННА КОЛОСОВА

(1903-1964)

Дар Ульгеню

«Золотое озеро» на Алтае,
Горы гордо высятся над тайгою –
Это моя родина золотая,
Это моё самое дорогое!

Дым полоской стелется над логами,
Юрты островерхие дышат дымом.
Солнышко над конскими табунами...
Радостно рассказывать о любимом!

Кланяюсь ползущему с гор туману,
Издали сиреневым дальним скалам,

Буйному сердитому Чолышману!
Их красу я памятью отыскала.

Чу! Гремит молитвенно старый бубен.
Там Ульгеню молятся, там камлают.
«Мы вас, духи горные, чтим и любим!» –
Голоса гортанные призывают.

В вечном одиночестве дремлют горы,
Грезят кедры древние в лунном свете.
Это всё увижу я, но не скоро...
Жизнь моя летящая, вихорь-ветер!

В небе ястреб плавает одиноко,
В стороны кидаются птичьи стайки...
Шлю с улыбкой ласковой издалёка
Дар Ульгеню песенный от алтайки!

СЕРГЕЙ МАРҚОВ

(1906-1979)

* * *

Сквозь вспышки молнии и мглу,
Шатаясь, проходили тени.
Напоминали Улалу
Кусты сверкающей сирени.

Я не забуду этот день,
Когда – лилово-золотая –
Качалась первая сирень
Под небом горного Алтая.

Воскресли прожитые дни
Под бурей пламенно кипящей.
Перемежаются огни,
Плывут над потрясённой чашей.

«Сильнее, молния, ударь!» –
Зовут деревья грозным хором,
И ослепительный янтарь
Сверкает сломанным узором.

Не поднимай смятенных глаз –
Пусть ветви хлещут о колени!
И мы, обнявшись в первый раз,
Стоим у стонущей сирени.

И, рада огненной слезе,
Сирень людей не замечала.
В глухом смятенье и грозе
Всей жизни светлое начало!

Дорога в Улалу

Я шёл на Улалу,
Мне встретилась скала,
И я спросил скалу:
«Далёко Улала?»

Ответ гранитных уст
Я слышал в первой мгле:
«Спроси терновый куст,
Он ближе к Улале».

Терновник, нем и глух,
У каменной тропы

Ронял древесный пух
И старые шипы.

Вдруг кто-то мне сказал:
«Со мглою не шути,
Опасен перевал
Полночного пути!»

То женщина была,
В кораллах, как в огне,
Жила, как Улала,
В моём желанном сне.

И обошла скалу,
Чтоб задержать рассвет.
Дорога в Улалу?
Её на картах нет.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ

(1910-1937)

Азиат

Ты смотришь здесь совсем чужим,
Недаром бровь тугую супишь.
Ни за какой большой калым
Ты этой женщины не купишь.
Хоть волос русый у меня,
Но мы с тобой во многом схожи:
Во весь опор пустив коня,
Схватить земли смогу я тоже.
Я рос среди твоих степей,
И я, как ты, такой же гибкий.

Но не для нас цветут у ней
В губах подкрашенных улыбки.
Вот погоди, – другой придёт,
Он знает разные манеры
И вместе с нею осмеёт
Степных угрюмых кавалеров.
И этот узел кос тугой
Сегодня ж, может быть, под вечер
Не ты, не я, а тот, другой
Распустит бережно на плечи.
Встаёшь, глазами засверкав,
Дрожа от близости добычи.
И вижу я, как свой аркан
У пояса напрасно ищешь.
Здесь люди чтут иной закон
И счастье ловят не арканом!

.....

По гривам ветреных песков
Пройдут на север караваны.
Над пёстрою кошмой степей
Заря поднимет бубен алый.
Где ветер плещет гибким телом,
Мы оседлаем лошадей.
Дорога гулко зазвенит,
Горячий воздух в ноздри хлынет,
Спокойно лягут у копыт
Пахучие поля полыни.
И там, в предгорьях Алтая,
Мы будем гости в самый раз.
Степная девушка простая
В родном ауле встретит нас.
И в час, когда падут туманы
Ширококрылой стаей вниз,
Мы будем пить густой и пьяный
В мешках бушующий кумыс.

СЕРГЕЙ ПОДЕЛКОВ

(1912-2001)

Поездка через степь

Степь алтайская –
в небе проносятся ястреба,
тишина поднимается,
как в квашне опара,
травяной горизонт –
шевелиющаяся резьба,
и мерцает воздух
от полдневного жара.

Степь раскроена
сакковским плугом
под птичий ор
на луга и пашни,
раскиданные без меры,
с перламутровыми пуговицами озёр,
с колками, похожими
на скиты староверов,

на пастбища,
открытые набегам волков,
наполненные облаками
рёва и ржання,
аппетитным запахом
пастушьих костров,
чалдонскими песнями,
скудными, как подаянье.

Я – верхом – в степи,
падают копыта,
топот глух,

тропы расползаются в травах,
тонки и твёрды.
Хвостами, как вениками,
отмахиваясь от мух,
кони поднимают
любопытствующие морды.

Паситесь, милые!
Ещё придётся хватить кнута,
на шее не раз ещё
стянут хомут супонью,
жизнь отвратительно хороша
и крута, крута,
то – в нос кулаком, то гладит
до поры до времени нас ладонью.

Я еду медленно,
осматриваюсь, как новосёл,
ястреба снуют и небо
выстругивают, как рубанки,
земля повёртывается,
как на привязи вол,
подсолнухи заламывают
передо мной кубанки.

И такая вялая –
наползает – ленивая дымь,
даже глаз животворного солнца
уменьшен.
На бахче, как на пляже,
нежатся тысячи дынь –
животами беременных
юных женщин.

Еду мимо
скирдующего в поту мужика,
сквозит костерок

близ рыдвана в тени боярки,
ловко направляет
рогатые вилы рука,
ловко подхватывает баба
снопы, как подарки.

Их на жнивье –
подпоясанная череда,
плоть в колосьях зерниста,
шумяща в каждом суслонце,
скирд поднимается в вышину –
чёрт знает куда! –
вместе с бабой
под самое августовское солнце.

– Доброго здоровья!
Вынянчили урожай?! –
Конь мой тише.
Снял кепку мужик, страдой опалённый,
машет.
– Мил человек, пополудновать заезжай!
Слезай, жена,
с гостем передохнём, Алёна!

Хлебосольна, щедра
крестьянская эта рука,
в трещинах чёрных,
исколота остью исконно,
режет сало хребтовое
толщиной в два вершка,
наливает в кружки
синего самогона.
Он усы обтёр,
он, приросший кабально к земле,

не валявшийся в лени
курортных побережий,
спрашивает, закуривая,
чуть навеселе:
– Ты пахарь, парень,
аль, может, начальник проезжий?

Как сказать...
– Я как дума твоя, очутился тут,
помню песни, что пел,
и хлеб-соль, и преданья...
Он протяжно вздохнул:
– Остуды не терпит наш труд.
Время-то кружится
от пахоты до скирдованья...

Со снопа
поднимается тихо жена,
стать плавна,
робкий взор затенённой тревоги:
– Степь-то наша, что жизнь, –
и долга, и смутна,
вот вам шаньги и сало...
Сгодятся в дороге!

Конь ступает.

Спадает мерцающий жёлтый жар.
Вижу скирд,
вижу женщину в небе,
как в синей излуке...
Мир тебе, землепашец,
мужественный хлебодар!
Я люблю твою степь
и руки твои –
божьи руки!

АЛЕКСАНДР ЯШИН

(1913-1968)

В Горном Алтае

А мне гроза всегда в охоту.
В горах такой грохочет гром,
Как будто молнии с разлёту
О скалы стучаются лбом.

Вода в Катунь рвёт и мечет,
Но кажется – она молчит:
Земля лишилась дара речи,
Одно лишь небо говорит.

На миг вершины луч осветит,
Над каждой радугой зажжёт –
И снова ливень,
Снова ветер,
И беспросветен небосвод.

Но вот со скал, из-за Чемала,
Из-за гранитных тёмных круч,
На нас надвинулись обвалы
Каких-то странно белых туч.

И все, кого застал в дороге
Вмиг налетевший холодок,
Стопились, словно по тревоге,
С тревогой глядя на восток.

Ужели хлынет град?
И нечем
Его налёт остановить?
Опять он, всё вокруг калеча,
Начнёт косою картечью бить?..

Возникла в памяти живая,
Во весь размах большой земли,
Степная ширь полей Алтая,
Где в эти дни хлеба цвели.

Они совсем с горами рядом,
И вздох людской был как мольба:
– Ах, только не было бы града –
хлеба в цвету!
Цветут хлеба!

НИКОЛАЙ ТРЯПКИН

(1918-1999)

* * *

Я тобой, как брагой, отуманен,
Горная алтайская заря.
Что с того, что родом я тверчанин,
Именем старинным говоря?

Ты во все края, поля и недра
Льёшься с гор брусничною водой
И совсем по-родственному щедро
Сбрызгиваешь хлеб мой гостевой.

Эх, Катунь! Не здесь ли вот когда-то
Под салют геройского полка
Мой отец зарыл родного брата,
Срезанного саблей Колчака?
И на жатве с песнею моторов,
Нынешним досугом поступаясь,

С вами я, захвоенные горы,
Закрепляю родственную связь.

Только вот скажу здесь, не в обиду,
Что из вас дороже мне всего
Тот курган, стоящий пирамидой,
Может, с прахом дяди моего.

И в тени скалистых коридоров
На Катунь зелёную дивясь,
Я в себе, как силу и как порох,
Чую эту родственную связь.

Здравствуй же, в сиреневом тумане
Горная алтайская заря!
Что с того, что родом я тверчанин,
Именем забытым говоря?

Но большие тыщи километров
Тянется мой корень родовой.
И совсем по-свойски ваши кедры
Делятся орехами со мной.

КАЗИМИР ЛИСОВСКИЙ

(1919-1980)

* * *

Константину Козлову

Мне не забыть этой первой встречи!
Даже отсюда, на расстоянии,
Слышу напевность алтайской речи,
Чувствую светлых долин дыханье.

Горы Алтая! В дымке осенней
Снова встаёте вы предо мною
Гостеприимным теплом селений,
Рек синевою, скал крутизною.

Дороги мне полярные дали,
Но почему-то – и сам не знаю! –
Сердце и душу вы взволновали,
Горы Алтая, горы Алтая!

Ныне из города, где живу я,
Дружбы, приветов слова простые
Шлю я Катуню, что мчит, бушует,
Через пороги – навстречу Бие,

Людам, живущим на ваших склонах,
Пастбищам вашим, долам зелёным,
Вашим снегам, что лежат не тая,
Горы Алтая, горы Алтая!

МАРИАННА ФОФАНОВА

(род. 1921)

Горные духи

Ты минувшую песню не слушай,
Беглой болью себя не томи.
У бельчонка пушистые уши,
Словно жимолость, праздничны дни.
Мхи томлёные, ягельник свежий,
Синь росы на брусничном яру
И стволов оглушительный скрежет,
Растирающий в пепел кору.

И туманы – как лёгкие духи,
И – как плачущий дым – облака.
И – как врезанный – профиль Белухи
С просветлённым челом старика.
И колёса над пылью дороги,
И костра пересыльного дрожь.
Ты далёкую песню не трогай,
Давней болью себя не тревожь.

НИКОЛАЙ РУБЦОВ

(1936-1971)

Шумит Катунь

В. Астафьеву

...Как я подолгу слушал этот шум,
Когда во мгле горел закатный пламень!
Лицом к реке садился я на камень
И всё глядел, задумчив и угрюм,

Как мимо башен, идолов, гробниц
Катунь неслась широкою лавиной,
И кто-то древней клинописью птиц
Записывал напев её былинный...

Катунь, Катунь – свирепая река!
Поёт она таинственные мифы
О том, как шли воинственные скифы, –
Они топтали эти берега!

И Чингисхана сумрачная тень
Над целым миром солнце затмевала,
И чёрный дым летел за перевалы
К стоянкам светлых русских деревень...

Всё поглотил столетий тёмный зев!
И всё в просторе сказочно-огнистом
Бежит Катунь с рыданием и свистом –
Она не может успокоить гнев!

В горах погаснет солнечный июнь,
Заснут во мгле печальные айлы,
Молчат цветы, безмолвствуют могилы,
И только слышно, как шумит Катунь...

ОЛЕГ ДМИТРИЕВ

(1937-1993)

Осень на Алтае

Уезжаем.
Чего загрустили?
Это были лихие деньки!
Тридцать суток мы лето грузили,
Золотое, на грузовики.
Озорные, пропахшие хлебом,
Мы уходим, серьёзные вдруг...
Я с тобою прощаюсь, как с летом,
В первый день холодов и разлук.
Лето кончилось...
В самом же деле
Ближний луг на рассвете белёс.
Даже руки твои
Облетели
С плеч моих,
Словно листья с берёз.

ЛЕОНИД МЕРЗЛИКИН

(1932-1995)

* * *

Днём погожим бы вынести лёгкие саночки
Да с горы с улюлюканьем, ёлки зелёные!
Хороши на Алтае девчата-смугляночки,
Предвечерним морозцем слегка обожжённые.

Обоймёшь хохотушку, и мягкая варежка
Упадёт, промелькнёт под полозьями синими.
Ну чего ты сторонишься? Как тебя? Дарьюшка?
Или, может, иначе? Не знаю по имени.

Видишь: лапчатый гусь наследил возле проруби?
Ожидают весну и луга обновлённые.
А сегодня зима. Покататься нам в пору бы,
Эх, с горы с улюлюканьем, ёлки зелёные!

АЛЕКСАНДР ПЛИТЧЕНКО

(1943-1997)

* * *

Дни мои безвыходно поникли,
И считать бы то, что не сбылось,
Если бы не милой земляники
На Алтае собранная горсть.

И родной, согретой и желанной
Дух земли, ожившей до корней,

И дыханье мира над поляной
Отстоялись ласковые в ней.

Знаю, чтобы доброе сбывалось,
Я теперь в любые времена
Только трону сердцем эту малость –
И душа до краешков полна.

Звёзды лета! Ягода лесная!..
Чашу, где грехи мои и злость,
Перевесит тёплая, родная
Земляники маленькая горсть...

ВЛАДИМИР КОРЖОВ

(род. 1947)

* * *

Столько было клубники
на сограх весёлых –
Шевелись, не зевай,
в кузова насыпай!
За горами стояли
алтайские сёла:
Усть-Сема, Союзга, Каинча, Карагай...
Собирает клубнику
на склонах ленивый,
Собирает клубнику
там даже слепой.
Три лошадки мохнатых
за солнцем поплыли
К Манжероку зелёному
на водопой...

На Катунь гривастые
волны шумели.
Холодило усталое
тело вода.
И по Чуйскому тракту
машины летели,
Мне казалось,
летели они в никуда –
Сквозь пространство
и время,
Где юность промчалась,
И где памяти тает
золотое кольцо...
Без конца, как известно,
не бывает начала –
Тихой вечности ветер
мне дышит в лицо.

ПАВЕЛ КОСЯКОВ

(pod. 1959)

Алтай

Алтай... Алтай... Два берега
Меж мною и тобой.
Санскрит тропинкой Рериха
Под белой горой.

Катунь бежит и пенится,
И точит берега.
Веков твоих поленица
Восходит в облака.

Как будто бы сомнамбула
Лелеет свой черёд.
Глаза прикроешь – Шамбала!
За инеем ворот.

И верится, и помнится,
И за душу берёт,
Когда за белой конницей
Снег белый упадёт.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ

<i>Предисловие</i>	3
ИВАН ЕРОШИН	5
Дети	6
Полотенце	6
«Если спросит приезжий меня...»	6
Летний вечер	7
Ливень	7
Аргутский ветер	8
В гостях у топшуриста	8
ЯНГА ТОДОШ-БЕДЮРОВ	9
«Погибну... Пусть...»	9
Слово при отъезде	10
«Небо тучи закрыли...»	10
Проклятие фашисту	11
ЛЮДМИЛА БРИЖАНИНА	12
Айское озеро	12
Алтай синеокий	13
Глубокая осень	13
Лепестковый дождь	14
Побеждает тот, кто...	14
АРЖАН АДАРОВ	15
Я – алтаец	16
«Юный ветер нараспашку...»	17
Строки на листьях	18
Поэзия	19
ЛАЗАРЬ ҚОҚЫШЕВ	20
На озере Ая	20
Первой травке у моего крыльца	21
Весенняя ночь	22
ЭРКЕМЕН ПАЛҚИН	23
Белые цветы	24
Присядем, помолчим...	25

Вечер и ночь	27
БОРИС УҚАЧИН	28
Русский язык	29
Тень Рериха	30
Луна-маралуха	31
Писал я эту книгу не один	31
Возвращение коров	32
Автопортрет	34
Два кладбища	35
ТАНЫСПАЙ ШИНЖИН	36
Мечта	37
Я видел однажды	37
Детство	38
Книга света	39
Не прячься от нас	40
ФЁДОР БОРОВИҚОВ	41
Одуванчик	41
Аргут	42
Старость	43
ПАСЛЕЙ САМЫҚ	44
Сердце моё	45
«О, в народе моём...»	46
Рано утром на Алтае	47
Мать с отцом	47
Песнь Батыра	48
Алтайская ночь	50
Под Кровом из Молний	51
ШАТРА ШАТИНОВ	52
Стать бы мне...	52
На раскопках Пазырыка	53
В молодую ночь	54
Юч-Сюмер	55
Камень-менгир	56
Снежинка	56
ЮЛИЯ ТУДЕНЕВА	57
«Если в кудри у берёзы...»	57

«Стихи мои, как вехи у дороги...»	58
«Мне явилась Муза и спросила...»	59
«Я жду тебя. Я жду тебя всегда...»	60
Маме	61
«И вечность длится этот спор...»	62
Памяти Г.И. Чорос-Гуркина	63
ВАЛЕРИЙ КУНИЦЫН	64
«Я живу в ожидании чуда...»	64
«Мне кажется, что я и прежде жил...»	65
«Со мной на равных все на этом свете...»	65
Июнь	66
«Я протаю зиму...»	66
Вижу музыку	66
Связь	67
АЛЕКСАНДРА ЗЫКОВА	68
Конь ты карий, буланный...	68
Песнь о тмине	69
Художник слова	70
В телеге жизни	71
Золотое гумно	72
Вёсла	72
Бог – это русский язык...	73
ВЛАДИМИР УДЕЛЯЕВ	74
Ночь творчества	74
Я помню всё	75
Погоня	76
БРОНТОЙ БЕДЮРОВ	77
«Осень...»	78
«Исчезли летучие мыши...»	78
«О, когда же язычником быть перестану...»	78
«Хладеет небесная просинь...»	78
«Однорукий табунщик...»	79
«Стародавнюю песню...»	79
«Под луной я не худший самый...»	80
«Сенокос был в разгаре...»	80
НИКОЛАЙ ВОРОБЬЁВ	81
«Окончились дождь и слякоть...»	81

«Катунь, Катунь, река родная...»	82
Забывтая деревня	83
НАДЕЖДА ГАЙСИНА	84
Улыбка недотроги	84
Помнят берёзы	85
ВЛАДИМИР ПАВЛЮШИН	86
«Тебя я осыпал незабудками взглядов...»	87
«Нам не спастись от новолунья...»	87
«Я шёл через Уймонскую долину...»	88
«Лебединые крылья Белухи...»	88
«Подсолну любовью слёзы...»	89
ДИМАН БЕЛЕҚОВ	90
Песня лебедя	91
Сколько нас	92
Душа Москвы	92
Делегатская улица	93
Мой ветер	94
ОЛЬГА ГРАҚОВА	95
«Вы верите в переселенье душ...»	95
Из цикла «Зелёная ведьма»	96
«Если сердце устало любить...»	97
«Любовь не требует гарантий...»	97
«Больше не гнетёт меня бездомность...»	98
«Не ждать ни писем, ни вестей...»	98
«Я не боюсь вечерней темноты...»	99
ИННОКЕНТИЙ ТЕНГЕРЕҚОВ	100
Белуха	100
Холодные звёзды	101
Бабье лето	102
Катунь	103
Апрельские ветры	104
ВАЛЕРИЯ ВАНИНА	105
«Мы будем думать о весне...»	105
«Возвращение – стая грачей...»	106
«Весна. День первый. Понедельник...»	106
«Незванные приходят зимы...»	107
Уроки каллиграфии	107

Затерянный мир	108
ИГОРЬ МУХАНОВ	109
О чудесах, случающихся в Уймонской долине	109
Эпифания любви, её таинственному пробуждению	111
Благопожелание раненой песне	111
Девушка из Уймона	112
Песня беременной женщины своему ребёнку	113
Основы самоврачевания	114
Луна торгуется с поэтом, приехавшим на Алтай	114
ГАЛИНА СВИРИДЕНКО	115
На дороге лежат стихи...	115
Солнце яркое...	116
Никто не спросит...	116
Ночь, считается, тоже жизнь...	117
Мне досталось...	117
Приходим на землю...	118
АЛЕКСЕЙ ГАЕВ	119
«Тихая речка с илистым дном...»	119
«Пряжа дождей размоталась...»	120
«Голубизна дневных небес...»	121
«Катунь, очистившись от льда...»	122
«Редуют кроны у берёз...»	122
ВЕРА КОВАЛЬ-ЯРОСЛАВЦЕВА	123
Будто имя прозвучало	123
Это	124
«Опять ищу я образные строки...»	125
ВЛАДИМИР КОСТИН	126
«Как я жил без тебя...»	126
«Не хочу!!!»	127
«По кругу бегают лошадка...»	128
«Не скребитесь, кошки...»	128
«Я немного устал...»	129
«Приходит время – тихо гаснут свечи...»	129
Матери	130
МАРИЯ ОБРАЗЦОВА	131
К фильму Василия Шукшина «Ваш сын и брат»	131

«Ах, как всё здесь дивно, хорошо!...»	132
Деревня	133
СЕРГЕЙ ДЫКОВ	134
«Углы твоих глаз...»	134
«Опьяней осенней тишиной...»	135
«Светел, тих...»	136
«Тёплая осень...»	136
Колыбельная Тихого Ветра	137
«Помолчим, мой друг, помолчим...»	138
«На Семинском кедров поют...»	138
ОЛЬГА ИСТОМИНА	139
Какой он, снег?	139
Кажется, это имеет название – счастье!	140
«Дождь, по-летнему игривый...»	141
Чуйский тракт	141
Осколок лета	142
Зяблик	143
ЛИЛИЯ ЮСУПОВА	144
Поэты	144
Букет	145
«Ты снишься мне. В сибирском захолустье...»	146
Игра	147
«Ни весточки, ни знака, ни привета...»	147
Фасон	148
«На исходе сибирского лета...»	148
НАДЕЖДА ЛЕНСКАЯ	149
«Мне напели метели о весне и о Леле...»	149
«Признаюсь вам, я осенью больна...»	150
Вдохновение	150
Играл музыкант	151
Плыви по звезде	152
Гора Филаретка	153
АНЧЫ САМУНОВ	154
Заветы мудрого Ойрота	154
Стволы деревьев	155
Я и цветок	156

Я пришёл к тебе	157
ТАТЬЯНА ДАНИЛОВА	159
«За мною ходит Верный...»	159
«В воскресный день, недавно...»	160
На смерть Лазаря Кокушева	160
С.Ж.	161
Памяти Юрия Кузьмина	161
Дочери Олесе	162
СВЕТЛАНА МАТАФОНОВА	163
Квантовая физика	163
Прогулка	164
«Майский вечер. Черёмухи цвет...»	164
«Вот и снова – Весна!..»	164
«Лес темнеет. Небо – сине...»	165
Засуха	165
«Холодный закат отстранённого вечера...»	166
АЛЕКСЕЙ ТАДИНОВ	167
Пьяная женщина	167
Моя осень	169
Танго падающей воды	170
ИРИНА СЕРЕБРОВА	172
Осень в Уймонской долине	172
Древний свидетель	173
Исход лета	174
Притяжение Алтая	175
Затмение	175
Видение	176
Между летом и зимой	177
НИКОЛАЙ ЧЕПОКОВ	178
«Это не сказка и не вымысел...»	178
«Печаль на юной щеке. Тихо угасает закат...»	178
«Когда-то в старину считали...»	179
«Есть волшебный посох у меня...»	179
«Путь мой далёк и труден...»	179
«Привычен мне горький снег...»	179
«Пролетели летние дни...»	179

АЛЕКСАНДР БРЕХОВ	180
«Уж век в тюрьме. В духовной одиночке...»	181
История Лазаря Чуровича	181
«Какие-то простые слова...»	182
«Несовершенства беспредельны формы...»	182
«Ночь человек за столом просидел...»	183
«Я – тот ребёнок, оглушённый ложью мира...»	183
«Молчанья чаша до краёв полна...»	184
ЕКАТЕРИНА ТИМИНА	185
«За деревню нашей пригорок крутой...»	185
«Ночь, будто день, – луна светила...»	186
АЛЁНА ЦАМИ	187
Играет Ангел	187
Зимняя сказка	188
«Я знала Азбуку Вселенной...»	189
Яблочный полдень	190
Я была ромашкой	191
Сыну	192
МАРИНА СЛАТВИНСКАЯ	193
Один денёк феи	193
Тебе	194
«Люди, вы кто?...»	195
«Рано утром синичка...»	196
Сон	196
«Я белой лошадыю взойду на небосклон...»	196
Доченьке	197
ВИКТОР ШАРАВЬЁВ	198
«Правда, я не какой-нибудь маг...»	198
«Я заодно со всеми, кто творит жизнь...»	199
Предназначение	200
«Прощай, мятежный, ветхий мир...»	200
«Мечта моя – ветер, сдувающий пыль предрассудков...»	201
«И невозможно далёкие Цели...»	201
Стихосложение	202

ЕКАТЕРИНА БАЖЕНОВА	230
«Я мыслю как свою – земную ось...»	230
«Классика осени, мрамор ступеней в листве...»	231
«Мир диких птиц мне близок чем-то...»	232
«В этом парке свиданий полно голубей...»	232
«Бывает так... Холодною тоской...»	233
«Мне снилось: поэзия умерла...»	234
«Я знаю своего врага в лицо...»	235
ГЕОРГИЙ ЧЕРНЫХ	236
«Небо звёздное в утро раннее...»	236
«В поэзии запретов нет...»	237
Постижение	238
ЮЛИАНА СЕМЕНЦОВА-МОЛЧАНОВА	239
Точка отсчёта	239
Знаки	240
В предлагаемых обстоятельствах	241
У дверей	242
В ожидании чуда	242
«Сплетенья судеб, лиц, имён...»	243
Ты и твоя тень	244
АЛЕКСЕЙ ЧИЧАКОВ	245
Долина	245
Наважденье	246
Тает грусть	247
СВЕТЛАНА КОСТИНА	248
Однажды ночью	248
Осеннее воспоминание	250
Сашка	250
Простая история	251
Про Украину	252
Без пятнадцати восемь	253
Воспоминание	254
ЗАРИНА СЛАТВИНСКАЯ	255
Воображение	255
Я – цыганка	256
Алтай	256

«Фарфоровая куколка...»	257
МЕРГЕН ЧЕЛТАНОВ	258
Красная весна	258
«Божественный лик. В глазах – серебро...»	259
Сумрачный сад	260
Пальто	261
Раб	261
ЕКАТЕРИНА РУПАСОВА	262
По воле сердца	262
Зачем обманывают детей?	263
До одного	263
Мятежный дух	264
Белый клевер	265
Альбом воспоминаний	265
Миропорядок	266

ПОЭТЫ XX СТОЛЕТИЯ ОБ АЛТАЕ

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН	267
Алтайский гимн	267
КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ	268
Сибирь	268
ГЕОРГИЙ ВЯТКИН	268
Шаман	268
Горное озеро	269
Катунь	270
АЛЕКСАНДР ПЕРФИЛЬЕВ	270
Алтай	270
ВИССАРИОН САЯНОВ	271
За Катунью	271
ЛЕОНИД МАРТЫНОВ	272
Алтай	272
МАРИАННА КОЛОСОВА	273
Дар Ульгеню	273
СЕРГЕЙ МАРКОВ	274
«Сквозь вспышки молнии и мглу...»	274
Дорога в Улалу	275

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ	276
Азиат	276
СЕРГЕЙ ПОДЕЛКОВ	278
Поездка через степь	278
АЛЕКСАНДР ЯШИН	282
В Горном Алтае	282
НИКОЛАЙ ТРЯПКИН	283
«Я тобой, как брагой, отуманен...»	283
ҚАЗИМИР ЛИСОВСКИЙ	284
«Мне не забыть этой первой встречи!..»	284
МАРИАННА ФОФАНОВА	285
Горные духи	285
НИКОЛАЙ РУБЦОВ	286
Шумит Катунь	286
ОЛЕГ ДМИТРИЕВ	287
Осень на Алтае	287
ЛЕОНИД МЕРЗЛИКИН	288
«Днём погожим бы вынести лёгкие саночки...»	288
АЛЕКСАНДР ПЛИТЧЕНКО	288
«Дни мои безвыходно поникли...»	288
ВЛАДИМИР ҚОРЖОВ	289
«Столько было клубники на сограх весёлых...»	289
ПАВЕЛ ҚОСЯКОВ	290
Алтай	290

Поэзия Горного Алтая

Антология

Главный редактор – Игорь Муханов
Художественный редактор – Алёна Цами
Корректоры – Ольга Ельдекова, Валерия Тюхтенева
Художник – Сергей Дыков

Компьютерная вёрстка – Павел Молчанов
Дизайн обложки – Анастасия Матюшонок

Распространение свободное при сохранении ссылки на автора

ОООП «Общероссийское литературное сообщество»
Региональное отделение Алтайского края

Сдано в набор 10.06.2020
Подписано в печать 12.08.2020
Формат 60х90/16. Усл.печ.л. 19. Тираж 500 экз. Заказ № 1208
659333, Алтайский кр., г. Бийск, пер. Муромцевский, 2

ISBN 978-5-9908164-0-4

